

АНТИНОМИИ



yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2021

Том 21
Выпуск 1

Алексей Яркеев

Теологические основания
современной власти:
опыт деконструкции

Айнур Гильмуллин

Сохранение человечества
как фундаментальное основание
права

Надежда Брянник

Альтернативные
философские методологии
для когнитивной психологии:
Эрнст Мах и Эдмунд Гуссерль

Сергей Кичигин

О правовой природе
института совместительства
и обоснованности
дифференциации
его нормативного регулирования

Леонид Фишман

Удаленная занятость
в период пандемии
COVID-2019: исполнение желаний
и «апокалипсис-лайт»

Александр Саленко

Судебный федерализм в России:
новейший этап
конституционной эволюции

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 21

Выпуск 1

Екатеринбург – 2021

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЪЯНОВ**, врио директора Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИНИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через Подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте www.ural-press.ru).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г. ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru
Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>



Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 21

Issue 1

Yekaterinburg 2021

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency «Ural-Press» (contacts of the nearest offices to be found on the website www.ural-press.ru).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>



The articles are distributed under a Creative Commons public license

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ФИЛОСОФИЯ

- Яркев А.В.** Теологические основания современной власти:
опыт деконструкции7
- Брянник Н.В.** Альтернативные философские методологии
для когнитивной психологии: Эрнст Мах и Эдмунд Гуссерль.....27

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Фишман Л.Г.** Удаленная занятость в период пандемии COVID-2019:
исполнение желаний и «апокалипсис-лайт»45

ПРАВО

- Гильмуллин А.Р.** Сохранение человечества
как фундаментальное основание права61
- Кичигин С.В.** О правовой природе института совместительства
и обоснованности дифференциации
его нормативного регулирования78
- Саленко А.В.** Судебный федерализм в России:
новейший этап конституционной эволюции99

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- A. Yarkeev.** Theological Foundations of Modern Power:
the Experience of Deconstruction7
- N. Bryanic.** Alternative Philosophical Methodologies
for Cognitive Psychology: Ernst Mach and Edmund Husserl27

POLITICAL SCIENCE

- L. Fishman.** Remote Jobs During COVID-2019 Pandemic:
Fulfillment of Desires and “Apocalypse-lite”45

LAW

- A. Gilmullin.** The Preservation of Humanity
as Fundamental Foundation of Law61
- S. Kichigin.** The Legal Nature of the Institute of Secondary Employment
and the Validity of Differentiation of its Regulatory Regulation78
- A. Salenko.** Judicial Federalism in Russia:
the Newest Milestone of Constitutional Evolution.....99

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY



Яркеев А.В. Теологические основания современной власти: опыт деконструкции. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-7-26 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 7–26.

УДК 321.01

DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-7-26

Теологические основания современной власти: опыт деконструкции

Алексей Владимирович Яркеев

доктор философских наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0068-468X
SPIN-код: 3460-4549

*Статья поступила 28.01.2020, принята к печати 01.09.2020,
доступна online 05.04.2021*

Статья посвящена экспликации и исследованию теологических истоков современной парадигмы власти и политики в методологическом ракурсе, заданном сочетанием герменевтических, генеалогических и деконструктивистских способов рефлексии и интерпретации. Высвечиваемая концепция теологии власти (политики) продумывается, главным образом, на пересечении идей Дж. Агамбена, К. Шмитта,



© Яркеев А.В., 2021

Э. Канторовича, М. Хайдеггера, М. Фуко. Обосновывается мысль о том, что теологические смыслы и референции современных политических концептов не просто извлекаются на свет в ходе специальных теоретических изысканий и проекций, а самым непосредственным образом имплицитно оказывают практическое влияние на политическую структуру и технологии власти. Рассматривается возможность «приостановки» действия той метафизической «машины», которая отвечает за производство и работу теологического мифа о власти, определяющего политическое существование человека и общества в их современном формате. В этой связи экспонируется определяющая для западноевропейского мира роль метафизики в качестве онто-тео-логии (М. Хайдеггер), видящей высшей и первой причиной всего сущего $\theta\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$, божественное. Тем самым рациональная теология, возникшая в античной философии, задает контуры всей метафизики, которая будет определять специфику европейского мышления (в Средние века – в форме христианской теологии и в Новое время – в форме становящегося научного познания). Секуляризированные политические универсалии действуют как сигнатура, отсылающая к теологии (Дж. Агамбен). В первую очередь это относится к такому понятию, как «суверенитет»: государственно-правовая концепция суверена является производной от христианского образа Бога, персонифицирующего абсолютную, то есть неограниченную, ни из чего не выводимую, единую и неделимую форму власти. Теологическая модель Божественного управления миром, в рамках которой чудо понимается в качестве манифестации провиденциальной и «спасительной» воли Бога, приостанавливающей действие естественного закона, оказывается парадигмой современного чрезвычайного положения как непосредственного вмешательства суверена в действующий правопорядок (К. Шмитт).

Ключевые слова: теология, метафизика, онто-тео-логия, политическая теология, власть, политика, суверенитет, чрезвычайное положение.

Трансцендентность Бога пала.
Но он не умер, он ввергнут в человеческий удел.

В. Беньямин

В политической философии уже давно назрела необходимость создать нечто вроде «критики теологического разума» в области политического бытия¹ (Дж. Агамбен, Э. Канторович, Э. Петерсон, К. Шмитт). Разумеется, не представляется возможным это сделать в рамках отдельно взятой статьи, да и речь пока идет преимущественно о проблематизирующей постановке вопроса в дискуссионном плане. Цель настоящей статьи (выходящая тем не менее далеко за ее пределы) – подвергнуть деконструкции теологический миф о власти, а если точнее – исследовать саму возможность критического анализа и сделать его вводный, или предварительный, набросок применительно к современной политической ситуации, понимаемой как развертывание западных технологий власти, фундированных концептуальными импликациями западно-христианской теологии. Согласно такому предположению теологические смыслы актуальных ныне политических концептов не просто извлекаются на свет в ходе специальных теоретиче-

¹ На сегодняшний момент работу Дж. Агамбена «Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления» можно уверенно считать примером фундаментальности в данном направлении теоретических исследований.

ских (герменевтических и генеалогических) изысканий и проекций, а самым непосредственным образом имплицитно практически воздействуют на политическую структуру и технологии власти, так что можно говорить о том, что «наши современные общества, претендующие на светскость, управляются, напротив, секуляризованными теологическими понятиями, которые, не будучи осознанными, оказывают оттого еще большее влияние» (Агамбен 2017). В связи с этим предложенную В. Беньямином философскую метафору¹ можно перетолковать следующим образом: «кукла» – это современная власть (политика), а «карлик» – это теология.

По мнению Дж. Агамбена, в христианской теологии берут свое начало две антиномические, но неразрывно связанные между собой политические парадигмы, определяющие развитие и глобальное устройство западного общества: политическая теология, утверждающая в фигуре единого Бога трансцендентный характер суверенной власти, и экономическая теология, описывающая «домашний» (*oikos*), а не политический (*polis*) порядок божественной и человеческой жизни. «Первая парадигма дает начало политической философии и современной теории суверенитета; из второй вырастает современная биополитика вплоть до наблюдаемого в настоящее время триумфа экономики и управления над всеми остальными аспектами социальной жизни. <...> Две парадигмы существуют бок о бок и пересекаются друг с другом таким образом, что формируют собой биполярную систему, понимание которой оказывается предпосылкой к любой попытке истолкования политической теории Запада» (Агамбен 2019: 13, 115). Взаимосвязь этих двух регистров политики, а именно трансцендентности суверенной власти и имманентного характера экономики, конституирующих теологический миф о власти, следует, пожалуй, деконструировать в духе и русле беньяминовской критики порочного круга правоустанавливающего мифического насилия, называемого распорядительным (*schaltende*), на службе у которого стоит правоподдерживающее, управляемое насилие (Беньямин 2012: 95). Оба вида правового насилия в точности соответствуют трансцендентному характеру законодательной власти суверена и имманентному характеру исполнительного управления. Своей кульминации этот порочный круг насилия достигает в исчезновении разделения на правоустанавливающее и правоохранительное насилие, которое упраздняется в праве полиции: с одной стороны, полиция представляет собой институт насилия для достижения правовых целей, с другой стороны, она наделена полномочием самой устанавливать правовые цели в широких границах посредством

¹ В самом начале своих тезисов «О понятии истории» В. Беньямин упоминает некий рассказ про шахматный автомат, благодаря своей конструкции всегда выигрывавший партию. Автомат представлял из себя куклу в турецком одеянии, сидевшую на просторном столе, нижняя часть которого была с помощью зеркал устроена таким образом, чтобы создавалась иллюзия, что под столом ничего нет. В действительности же под столом находился карлик-шахматист, приводивший в движение конечности куклы с помощью системы шнуров. В. Беньямин приводит описание этого хитроумного устройства в качестве философского аналога: куклой является исторический материализм, а карликом – теология (Беньямин 2019: 392).

издания инструкций, претендующих на правовой статус (Фуко 2011: 439). Но это как раз то, что мы наблюдаем в наши дни: современная глобальная политическая власть, руководствующаяся принципом безопасности, трансформируется в полицию, которая обретает собственный суверенитет (Агамбен 2015: 105), определяемый, согласно К. Шмитту, способностью принимать решение о чрезвычайном положении (Шмитт 2000: 15). Именно В. Беньямин первым констатировал, что чрезвычайное положение из исключения превращается в правило нашей жизни: то обстоятельство, свидетелем которого был В. Беньямин, что изданный Гитлером после прихода к власти декрет о приостановке действия статей Веймарской конституции, касавшихся личных свобод, так и не был отменен до конца существования нацистского режима, позволяет с формально-юридической точки зрения квалифицировать его как чрезвычайное положение, длившееся двенадцать лет¹ (Агамбен 2011: 9). Сам факт, что представление о суверенной власти разрабатывалось путем отражения отношений человека с Богом, самым непосредственным образом свидетельствует о тесной взаимосвязи чрезвычайного положения с теологическим измерением власти (политики)². Поэтому, перефразируя поправку В. Беньямина, внесенную им в тезис М. Вебера о глубинной связанности капитализма с религией (по В. Беньямину, капитализм не просто связан с религией, а он и есть самая настоящая религия), можно сказать, что современная политика не просто связана с теологией, а она и есть самая настоящая теология – теология, выплачивающая свои проценты преисподней: чрезвычайное положение как административная парадигма современного политического праксиса учреждает такой способ социального существования, при котором «политико-правовая система превращается в машину смерти» (Агамбен 2011: 134). Следовательно, мы можем констатировать вслед за В. Беньямином, несколько переиначивая его тезис о роли религии в форме капитализма, что историческая неслыханность современной власти (политики) заключается именно в том, «что религия больше не является преобразованием бытия, но есть его превращение в руины» (Беньямин 2012: 101). Иными словами, функционирование нынешней власти обнаруживает то, что современная политика, впитавшая в себя идеи христианской теологии вечного управления, оказывается по своей сути inferнально-апокалиптической (Агамбен 2019: 273). Стало

¹ Карл Шмитт, главный теоретик чрезвычайного положения, также создавал свою концепцию в беспокойных обстоятельствах 1917–1919 гг.: 48-я статья Конституции Веймарской республики, наделяющая президента чрезвычайными полномочиями в исключительных ситуациях, применялась более 250 раз. Согласно проведенным исследованиям, результаты которых были обнародованы в 1978 г., на тот момент по меньшей мере 30 стран находились в условиях режима чрезвычайного положения (Бенуа 2013: 55).

² Несмотря на то что понятия «власть» и «политика» не являются абсолютно тождественными, в рамках данной статьи они рассматриваются как коэкстенсивные понятия: политическое пространство есть пространство существования и реализации власти, а политический организм связан воедино имеющимся у него потенциалом власти, так что политические общности гибнут от ослабления власти или полного бессилия (Арендт 2017: 251-261).

быть, чрезвычайное положение, совпадающее с нормальным состоянием, – вот политическая «формула» для интересующей нас проблемы («формула» здесь одновременно понимается как инструмент «решения» задачи и как сама «формулировка» задача). «Формула» отсылает к «форме». Принцип соответствия политической формы породившей ее идее определяется тем, что именно идея «выбирает» форму, а не наоборот: «...идея власти находит собственную политическую форму и собственный тип этической интерпретации» (Исаев 2015: 12). Поэтому следует обращать внимание не столько на форму, сколько на ее содержание, на заложенную в ней идею. Вместе с тем стоит также задуматься относительно того, почему данное содержание (идея) принимает именно эту форму. Таким образом, идея абсолютной власти (Бога), выраженная в понятии суверенности, приобретает в наши дни форму политики безопасности, вынужденной постоянно обращаться к чрезвычайному положению, – и здесь возникает вопрос о «тайне» взаимосвязи между этой политической формой и ее содержанием, которую еще только предстоит обстоятельно изучить.

Соответственно задача деконструкции состоит в том, чтобы вывести на свет ту «ментальность», которая учреждает «объективное» верховенство властной машины управления, производящей человека и общество в их современном существовании¹. «Ментальность, создающая эту концептуальную структуру, в свою очередь настолько подпадает под ее чары, что сама превращается в часть этой машины... Подчиняясь собственному созданию, эта ментальность саму себя рассматривает как механизм, забывая о том, что он ей же и создан» (Тиллих 1995: 218-219). С другой стороны, то, что обладает способностью учреждать власть, несет в себе с необходимостью также и раз-учреждающий потенциал. Однако основная трудность такой деконструкции состоит в том, что теология – это историческая форма западной метафизики и, следовательно, теологические понятия суть понятия метафизические (политические понятия также являются понятиями метафизическими, ибо, как верно подметил еще Ж. де Местр, все важнейшие вопросы политики решаются в метафизике). Но невозможно критиковать метафизику извне, ибо ничего другого, кроме метафизики, в нашем распоряжении нет. Мы не находим способа поколебать ее без использования понятий самой метафизики, «мы не можем высказать такого деструктивного положения, которое уже не скатывалось бы в форму, в логику и скрытые установки того самого явления, которое оно стремится оспорить» (Деррида 2000: 448). Вместо неосуществимых попыток выйти за пределы метафизики

¹ Вся история западной метафизики связана с раскрытием определяющих и тем самым управляющих оснований (их раскрытие понимается как истина-алетейя, не-сокрытость), притом что сама метафизика пребывает в статусе «управляющего субъекта» по отношению к западноевропейской истории. «Эффективность управления» находится в прямой зависимости от сокрытости основания. Сокрытость управляющего основания образует тайну власти, которая оборачивается властью тайны, *mysterium* трансформируется в *ministerium* (Э. Канторович). Если христианство понимается как «религия откровения», то необходимо заново поставить вопрос о том, что же именно «открывается» в нем (Жижек 2009: 223).

(а также, очевидно, и за пределы теолого-метафизического диспозитива власти) предлагается имманентная дезактивация, то есть внутренняя приостановка или перевод в режим холостого хода – посредством генеалогического и герменевтического логико-понятийного «демонтажа» – действия той метафизической «машины», которая отвечает за производство и работу теологического мифа о власти. Лучшим символом такой приостановки (*sabbath, katargesis*) является предложенный Дж. Агамбеном образ «пустого трона»¹, *ἔτοιασία του θρόνου* («этимасия» – теологическое понятие «пустующего» престола, приготовленного для второго пришествия Христа), отмечающий момент, что здесь «исследование достигает своего предела и в то же время своего временного завершения», выводя на свет политику в модусе «изначальной, принципиальной для нее без-деятельности – то есть действия, состоящего в том, чтобы обратить в бездеятельность все человеческие и божественные дела» (Агамбен 2019: 12). Опираясь на аристотелевскую идею конститутивной непроизводительности человеческого рода (*argos*), Дж. Агамбен предлагает рассматривать человека в качестве субъекта потенциала (*bios argos*), а мышление – в качестве выражения чистой потенциальности (*argia*) человеческого бытия: возможности открываются только в мышлении, а не в действительности, которая в своей актуальности такова, какова она есть (Агамбен 2015: 13-14). Мышление – «чистая деятельность», приостанавливающая всякую деятельность, – переводит ее в план созерцания привычных смыслов, открывая тем самым ее для нового возможного бытия². Иными словами, образом «пустого трона» описывается точка предела, когда без-деятельность политического оборачивается политической деятельностью мышления (рефлексии), возвращающегося к фундаментальным вопросам «Что такое политика (политическое)?», «Что такое власть?». В этом вопросе сам человек как спрашивающий ставит и себя под

¹ У В. Беньямина близким аналогом такого образа в его критике государственной машины правового насилия являются кафкианские врата справедливости: право продолжает существовать, но больше не применяется, а только изучается, то есть становится объектом рефлексии (Беньямин 2000: 94).

² В этой приостановке привычной деятельности ради ее открытия для других использований, по Дж. Агамбену, и заключается подлинное назначение человека как субъекта возможностей: «написать стихотворение, чтобы выйти за пределы коммуникативного использования языка; разговаривать или целоваться, меняя функцию рта, который изначально служил для принятия пищи» (Агамбен 2017). В этой связи можно вспомнить концепцию политики и власти у Х. Арендт, которая предлагает отказать от традиционного (превратившегося уже в автоматизм) понимания власти как легитимного насилия, с тем чтобы открылась возможность иной перспективы, а именно утверждение власти как выражения «силы» совместной деятельности людей. Иными словами, именно наша неререфлексируемая убежденность в само собой разумеющемся характере представления о том, что власть – это легитимное насилие, и является условием воспроизводства власти в таком качестве. Следовательно, «вопрос факта» (*quid facti*) необходимо переводить в плоскость «вопроса права» (*quid juris*), а именно: по какому праву фактическое положение дел является фактическим или претендующим на фактичность (объективность)? Вопрос «По какому праву?» иначе формулируется как вопрос «На каком основании?», то есть требует предъявить основание.

вопрос, ибо согласно метафизическому определению он – «политическое живое существо», *zoon politikon* (Аристотель). Тогда, обращаясь к М. Хайдеггеру, вполне уместно здесь будет повторить его высказывание по поводу «мысли, думающей об истине бытия», единственно заменив слово «метафизика» на слово «политика»: «Но, пожалуй, эта мысль могла бы, если ей удастся возвратиться в основание метафизики (читай: политики. – А.Я.), участвовать в изменении существа человека, с каковым изменением произошло бы превращение метафизики (политики)» (Хайдеггер 1993: 28).

* * *

Речь, следовательно, должна идти о некоей теологии политики (или теологии политического). И дело тут вовсе не в каком-то «постсовременном религиозном повороте», а в том (и не стоит это забывать!), что определяющим (судьбоносным) фоном истории западноевропейского мира является метафизика. Все разговоры о преодолении метафизики, о переходе к постметафизической онтологии (тем более это касается постметафизической теологии) всего лишь оказываются воспроизводством метафизики в виде ее отрицания, посредством отказа от нее. Ибо всякое подлинное объяснение не может обойтись без метафизического инварианта, многочисленные репрезентации которого существуют сегодня в секуляризированной форме, ставящей на место Бога земные факторы (человечество, нация, индивид, историческое развитие, естественная жизнь и т.п.). «Мышление и восприятие каждого человека всегда сохраняют известный метафизический характер; метафизика есть нечто неизбежное, и... ее нельзя избежать, отказываясь ее осознать» (Шмитт 2015: 29-30). Но метафизика по своему существу есть онто-тео-логия (М. Хайдеггер). Термин *Ontotheologie* впервые был употреблен И. Кантом для обозначения познания Бога как первосущности посредством одних только понятий без опоры на опыт. Ввиду того что сам И. Кант дезавуировал такой вид теологии, данный термин на долгое время оказался забыт, пока не стал вновь востребованным в философии М. Хайдеггера, который реанимировал термин «онто-тео-логия» в качестве решающего диагноза применительно к западной метафизике (Гагинский 2015: 56). Еще до включения термина «онто-тео-логия» в работу М. Хайдеггер, обращаясь к исследованию существа западной метафизики, отмечал, что у Платона и Аристотеля высшая и первая причина сущего называется *θεῖον* – божественное. После истолкования Платоном «бытия как *идеи* мышление вокруг бытия сущего метафизично, а метафизика теологична. Теология означает здесь истолкование “причины” сущего как Бога и перенесение бытия на эту причину, которая содержит бытие в себе и испускает его из себя, будучи самым сущим из сущего» (Хайдеггер 1993: 360). Основателем рациональной теологии принято считать Платона, однако сам термин «теология» впервые был введен Аристотелем для обозначения «первой философии» (позже названной «метафизика»), призванной изучать начала и причины всего сущего. Будучи наукой о первых началах и причинах, она является и учением о высшем из этих начал – бестелесной форме как последней цели мироздания, или божу. У Аристотеля, пишет М. Хайдеггер,

«исходный вопрос сводится к вопросу о первом двигателе, о том последнем и предельном, что называется также “тейон”, божественное без какого-либо определенного божественного оттенка. <...> Имея в виду это божественное, он называет также первую философию Θεολογική, теологическим познанием: “логосом” о “боге” – не в смысле Бога-творца или личного Бога, а просто “тейон”, божественного.<...> В результате сверхчувственное, метафизическое в привычном понимании оказывается в то же время предметом теологического познания, теологического не в смысле теологии веры, а в смысле теологии разума, рациональной теологии» (Хайдеггер 2013: 71-84). По мысли М. Хайдеггера, таким образом задаются контуры всей метафизики, которая будет определять сущность европейского мышления в Средние века (в форме христианской теологии) и в Новое время (в форме становящегося научного познания). Именно это и получает у М. Хайдеггера наименование «онто-тео-логия»: вопросом «Что есть сущее?» одновременно спрашивается о сущем как о высшем сущем и о том, каково оно есть; двусторонность данного вопрошания «можно подытожить, дав ему название онто-тео-логии» (Хайдеггер 1993: 364). Соответственно онто-тео-логия представляет собой возникший на заре философии способ осмысления бытия, который задает всеобщность сущего, основывая его на высшем Сущем как *causa sui*, замыкая тем самым философское вопрошание в круге сущего (Гагинский 2015: 59). Поэтому теологический характер онтологии определяется не тем, что позднее греческая метафизика была воспринята христианским богословием, а тем, каким способом «сущее вышло из потаенности. Эта непотаенность сущего впервые только и дала возможность того, чтобы христианское богословие овладело греческой философией» (Хайдеггер 1993: 34).

Данную двойственность западной метафизики в форме онтологии и теологии Дж. Агамбен раскрывает через двойственность греческого термина αρχή, который одновременно обозначает «начало», «исток» и «повеление», «приказ» (в русском языке подобного рода двойственность передается словами «начальник», «начальство»). Глагол αρχεῖν – «начинать», «первым делать что-то» указывает на того, кто «находится во главе», «ведет за собой» (то есть управляет): αρχή, исток, – «всегда уже повеление, начало есть всегда также управляющий и повелевающий принцип» (Агамбен 2013: 25). Соответственно αρχή фиксирует «особую предрасположенность к действию», которая влияет на «особую предрасположенность к претерпеванию. Тем самым логика *архе* предполагает определенное превосходство, которое воздействует на определенную неполноценность», распределяя позиции «между тем, кто осуществляет власть, и тем, кто ее претерпевает» (Рансьер 2006: 200). Анализируя греко-латинскую семантику того, что мы сегодня называем «действием», Х. Арендт указывает, что в древнегреческом языке глаголу αρχεῖν («начинать» и «повелевать») соответствует глагол πρᾶττειν («доводить до конца», «улаживать», «исполнять»), а их латинской калькой являются глаголы *agere* («приводить в движение», «вести») и *gerere* («исполнять», «осуществлять»). Таким образом, в обоих языках действие не только четко разделяется на две стадии («начинание» и «исполнение»), но и – в социально-политическом отношении –

подразумевает двух субъектов действия: «господина», реализующего функцию повеления, и «исполнителя», осуществляющего функцию приведения в исполнение. Двусторонность коллективного действия (которое и является основой общественной власти), требующая начала и завершения, ставит в обоюдную зависимость друг от друга инициатора действия и его продолжателей, без помощи которых инициатива не может быть в полной мере реализована, а без предводителя, в свою очередь, исполнители не получили бы никакого дела. «Правда, достигнув успеха, господин и повелитель способен начать сам претендовать на все то, что могло быть исполнено лишь с помощью многих, однако этим он монополизирует в своих целях бесчисленные силы, без которых его энергия осталась бы пуста. В этой претензии на монополию... и возникает впоследствии обманчивое представление, будто сила всего величественнее, когда она одинока» (Арендт 2017: 238). Аристотель, выступая против идеи множественности начал, стремится показать, что природа имеет единое начало. Десятая глава двенадцатой книги в «Метафизике» резюмируется цитатой из гомеровской «Илиады»: «Между тем сущее не желает быть плохо управляемым. “Нет в многовластии блага, да будет единый властитель”» (Аристотель 1976: 1076а). В целом теологическая парадигма аристотелевского неподвижного перводвижателя представляет собой в своем роде архетип последующих теолого-политических обоснований монархической власти посредством соединения классических политических идей с концепцией божественной монархии. Единому царю на земле соответствует единый царь на небе (и наоборот), и этот параллелизм становится ключом к теолого-политическому истолкованию истории. В христианской метафизике Бог является центральной и абсолютной инстанцией, а весь мир со всем происходящим в нем – лишь повод и результат Его самодержавной способности действовать (Шмитт 2015: 30). Даже постулируемые в ситуации «после смерти Бога» объективные законы, управляющие социально-историческим процессом (законы исторической необходимости, законы естественного отбора, законы рынка и т.п.), с необходимостью предполагают фигуру законодателя, поэтому они являются просто различными секуляризированными вариантами «невидимого бога», *deus absconditus*¹.

¹ Иными словами, возникает вопрос, кому принадлежит та невидимая рука, усилиями которой якобы создается социально-историческая «ткань» человеческих взаимодействий. Субъективность человеческих слов и поступков кристаллизуется в системе объективированных социальных связей (*interesse*), выступающей своеобразной театральной сценой для разворачивающихся историко-политических событий, участниками которых являются люди. Бог есть метафорическая (метафизическая) персонификация власти, или силы, человеческой множественности, конституирующей социально-исторический мир. Этимологическое родство слов «театр» (*θεατρον*), «теория» (*θεωρία*) и «бог» (*θεός*) как раз и отмечает то обстоятельство, что в «полисе» как пространстве бытия-друг-с-другом каждый «зритель» одновременно и «деятель», «актер», – обстоятельство, которое позволяет мыслить божественного кукловода, относящегося к своим человеческим марионеткам так же, как автор пьесы – к фигурирующим в ней персонажам (Арендт 2017: 231-232).

* * *

Словосочетание «политическая теология» впервые было использовано К. Шмиттом в его работе с одноименным названием (*Politische Theologie*), вышедшей в марте 1922 г., в которой постулируется зависимость государственно-правовой концепции суверена от существующего в данный момент в обществе образа Бога. Позднее, в конце 50-х гг., этот термин перенял от К. Шмитта известный немецко-американский медиевист Э. Канторович, употребив его в подзаголовке своего фундаментального труда «Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии», посвященного раскрытию генезиса «мифа о Государстве» из идеи мистического тела короля. Здесь тоже демонстрируется, как Божественное проецируется на политическое, задавая и определяя его основные свойства. Примечательно, что работа Э. Канторовича, увидев свет, привлекла в первую очередь внимание не столько историков-медиевистов, сколько исследователей политической теории и теории государства. На сегодняшний день она остается одним из наиболее значительных опытов критики идеологии государственности и технологий власти. Сам автор в предисловии признавался, что отклонился от обычных путей историка-медиевиста и переступил через чужую межу, фактически впад «в искушение исследовать возникновение ряда идолов современных политических религий лишь под впечатлением ужасающего опыта нашего времени, когда целые нации, большие и самые маленькие, пали жертвами ужаснейших догм, когда политические теологизмы стали просто маниями, во многих случаях отрицающими остатки человеческого и политического смысла» (Канторович 2015: 64). Имея в виду в первую очередь, конечно же, «псевдотеологию» господства нордической расы, Э. Канторович нацеливает свое критическое замечание на всякого рода идеологические конструкции, которые создаются властью для собственной легитимации, и особенно на те, которые прямо или косвенно имеют опорой идеи, взятые на вооружение из теологического арсенала. Таким образом, он существенно расширяет «политическую теологию» К. Шмитта, эксплицируя то обстоятельство, что даже когда политическое автономизируется от актуального видения Божественного, оно тем не менее сохраняет трансцендентное измерение в качестве своей метафизической основы, поскольку опирается на абстрактные, но как бы реально обладающие собственным бытием политико-правовые сущности (вещи-в-себе) – Закон, Государство, Правосудие, Справедливость и т.д. Так возникает современная метафизика – квазитеология политического (Бойцов 2015: 39). Что касается «Политической теологии» К. Шмитта, то следует признать, что относительно содержания работы само название некорректно, поскольку по факту К. Шмитт пишет не о политической теологии, а о теологии политического – о фундированности современных политических конструкций теологическими представлениями и понятиями: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические по-

нения» (Шмитт 2000: 57). Термин же «политическая теология» должен быть закреплен за самой теологией, ключевые понятия которой суть теологизированные политические понятия (Агамбен 2019: 322). Если для М. Вебера секуляризация означает все возрастающую детеологизацию современного мира, его «расколдовывание», то для К. Шмитта, напротив, она является знаком того, что теология продолжает существовать и серьезно воздействовать на современный мир, более того – политическая теология учреждает современную политику как таковую. Политическая теория попросту не может быть описана без теологических по своему происхождению терминов, так как все фундаментальные политические понятия – власть, суверен, закон – теологические в своих истоках. Действительно, как, например, показывает М. Ямпольский, политическая свобода – центральная категория современной политики – в том виде, в каком ее сформулировал Ж. Боден, автор концепции суверенности, «возможна, только если политика находится в аналогических отношениях с теологией. Мы имеем здесь дело с политической теологией в самом прямом и чистом виде, с той самой *политической теологией*, которая, пусть в трансформированной до неузнаваемости форме, станет двигателем Французской революции» (Ямпольский 2004: 73). С этой точки зрения, полагает Дж. Агамбен, термин «секуляризация» выступает не столько обычным понятием, сколько «сигнатурой» (лат. *signo* – «указываю» «помечаю»), которая ориентирует интерпретацию знаков в определенном направлении посредством смещения и переноса данных знаков из одной сферы в другую без принципиального изменения их семантического значения. Сигнатура работает подобно знаку принадлежности к ордену у секуляризованного священника (исначально термин *saecularisatio* отмечал факт возвращения монаха в мир, его «обмирщение»), который он должен был носить по каноническому праву. Аналогичным образом секуляризованное понятие указывает на свою былую принадлежность теологической сфере. «В этом плане секуляризация действует на понятийную систему модерна как сигнатура, отсылающая ее к теологии» (Агамбен 2019: 18-19). В первую очередь это касается такого понятия-сигнатуры, как «суверенитет». В большом интервью 1977 г. «Истина и власть» М. Фуко резонно заявил, что «политическая теория никогда не переставала быть одержимой личностью суверена. Такие теории сегодня все еще продолжают заниматься проблемой суверенитета. То, что нам нужно, однако, это политическая философия, которая не строится вокруг проблемы суверенитета, а следовательно, и вокруг проблемы права и запрета. Нам нужно отсечь королю голову: в политической теории это еще предстоит сделать» (Foucault 1977). По мнению М. Фуко, переход от суверенитета королевской власти к народно-демократическому суверенитету современного общества никоим образом не изменил саму сущность и структуру суверенности, которая как таковая остается по-прежнему привязана к институту монархии, поэтому сегодняшние западные демократии в действительности в качестве своей скрытой основы опираются на фигуру суверена, то есть короля. Ни одна форма суверенитета не может существовать независимо от фигуры суверена – нет суверенности без суверена, без

короля, монарха¹. Как полагает М. Фуко, теория суверенности всего лишь маскирует посредством «тотализирующего» юридического дискурса реальные механизмы господства в обществе, осуществляя унификацию властных отношений под знаком прямой связи между сувереном и подданным.

Суверенитет, будучи обозначением самоосновной высшей власти (*suprema potestas*), которая исключает противопоставление власти монарха какой бы то ни было иной власти, имеет теологическое происхождение², ибо абсолютная, неограниченная, ни из чего не выводимая, единая и неделимая власть может быть характеристикой только абсолютного существа – Бога. Поэтому земной суверен не является окончательной вершиной структуры власти – выше всех земных правителей находится Бог. Суверен в качестве представителя Божественной власти подчиняется закону Бога, но стоит выше всякого человеческого закона (Кузьмин 2018: 15-16). Ввиду того что суверенитет един и неделим, Ж. Боден отдавал предпочтение монархической форме государства, поскольку единство и неразделенность государственной власти в полной мере воплощаются лишь в персоне коронованного и наследственного монарха. Это объясняет, почему народно-демократический суверенитет имеет устойчивую тенденцию скатываться в чрезвычайное положение, так как «чрезвычайное положение является порогом, за которым стирается граница между демократией и абсолютизмом» (Агамбен 2011: 9). Чрезвычайное положение, предполагающее наличие абсолютных полномочий, – это выражение того целостного состояния суверенности, в котором еще нет разделения единой власти на законодательную, исполнительную и судебную, иначе говоря, еще не произошла замена абсолютистской концентрации власти системой разделения властей. Суверенность в таком понимании предъясняется как таковая только в случаях, выходящих за рамки закона, то есть в исключительных обстоятельствах.

Вместе с тем скрытый дуализм *αρχή* (и аристотелевского представления о *θεῖον*), обозначившийся в период поздней античности, проникает в христианскую теологию в качестве определяющего разрыва между Божественным бытием и Божественным действием, между трансцендентной сущностью Бога и осуществляемым им управлением миром³. Теологическая проблема соотношения в Боге абсолютного могущества и его реального осуществления индуцирует политико-правовую проблему разделения

¹ По мнению М. Гоше, «символическая структура демократической власти оформляется в зеркале монархической власти» (цит. по: Ямпольский 2004: 75). Тогда вслед за Дж. Агамбеном можно резонно поставить вопрос о том, является ли общество, в котором мы живем, демократическим (Агамбен 2014).

² Как полагает Ж. Боден, «понятие суверена (то есть того, кто выше всех подданных) не может быть применимо к тому, кто сделал подданного своей ровней. Так и Бог, великий суверен, не может сделать Бога равным Себе, потому что Он бесконечен, а логически сосуществование двух бесконечностей невозможно. Так же и государь, которого мы принимаем за образ Бога, не может сделать подданного равным себе, не уничтожая собственной власти» (цит. по: Ямпольский 2004: 653).

³ Современные этико-философские апории возникают из этого разрыва между онтологией и деонтологией, запрещающего выводить предписание из суждения существования.

между формальным суверенитетом и его приведением в действие (или, по М. Фуко, между территориальным суверенитетом и правительственной властью). Именно *решение* перебрасывает мостик от онтологии к политике, от суверенной власти к власти исполнительной, как бы заполняя разрыв между ними. Когда К. Шмитт пишет о том, что суверенное решение с нормативной точки зрения рождается из ничто, он всего лишь воспроизводит христианскую доктрину *creatio ex nihilo*, в которой обосновывается независимость и свобода Бога, чья целостность утверждается посредством Его волевого решения, связывающего в Нем воедино бытие и действие.

Как хорошо известно, теория К. Шмитта, определяющая суверенность через принятие решения о чрезвычайном положении¹, именно в теологии чуда обнаруживает парадигму чрезвычайного положения: «Чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии. Только имея в виду подобные аналогии, можно понять то развитие, которое проделали в последние века идеи философии государства» (Шмитт 2000: 57). Данной аналогии К. Шмитт придает фундаментальное систематическое и методологическое значение в своей теории, выступая с критикой либеральной концепции правового государства, которая отвергает исключительный случай непосредственного вмешательства суверена в действующий правопорядок. Отмена исключительной ситуации, вытекающая из отрицания чуда, автоматически лишает суверена своего места в обществе. Секуляризация теологического контекста суверенности приводит к тому, что закон в сфере суверенных решений оборачивается чистой формой, прикрывающей иную форму суверенности, которая основана на чрезвычайном положении и возникает из теологического понятия чуда. Однако чудо, вытесненное рациональностью закона из политики, вновь возвращается в облике чрезвычайного положения, «отменяющего рациональный закон голой суверенной волей... имитирующей абсолютность воли Творца» (Ямпольский 2004: 562).

Категория чуда является одной из центральных в истории христианской теологии от ранней апологетики II–III вв. до современных теологических концепций, ибо чудо понимается как теофания, то есть проявление в посюстороннем мире провиденциальной и «спасительной» воли Бога. Отрицание воздействия Бога на земной мир имеет своим следствием либо эпикуреизм, признающий существование богов, но отрицающий их вмешательство в дела мира и человека, либо деизм, ставящий чудо сотворения мира в начало мирового процесса с тем, чтобы затем обходиться без чуда (этому, по К. Шмитту, как раз и соответствует теория правового государства). Как первое, так и второе противоречит христианской теологии, поскольку эпи-

¹ Уже Ж. Боден в своем анализе государственного суверенитета писал о чрезвычайной ситуации, в которой суверен может принимать не регламентированное нормой, но соответствующее обстоятельствам и его представлениям решение. Такое право обосновывается принадлежащей ему «абсолютной и непрерывной властью»: суверен самостоятельно определяет, какой порядок необходим для нормализации ситуации, а это означает, что устанавливаемый им окончательный правопорядок является производным не от нормы, а только от решения (Исаев 2015: 60).

куреизм по своему существу оказывается безбожием, а деизм несовместим с представлением о Божественном промысле: Бог не только творец мира, но и его правитель. Ибо невозможно, приняв Бога за хозяина мироздания, отрицать его воздействие на земной мир. В самом общем смысле в христианской традиции чудо толкуется как экстраординарное, чрезвычайное событие, отменяющее/преодолевающее естественный закон. Подобное преодоление закономерности, установленной самим же Богом, есть исключительная прерогатива высшего существа, совершающего свои чудеса либо самолично, либо через специально на то «уполномоченных» чудотворцев (пророки, святые, апостолы и т.п.). «Возникает издревле присущая христианству антиномия чуда и закона, связанная с религиозным учением об абсолютной свободе бога и его действий (“пути господни неисповедимы”). И если закон, согласно теологической точке зрения, есть проявление установленной богом провиденциальной необходимости, то чудо есть проявление свободной воли бога, не стесненной никакими законами. Естественный ход вещей, следовательно, время от времени прерывается и корректируется божественным произволом, благодаря которому совершаются чудеса» (Габинский 1978: 50). Трансцендентный характер источника чудес определяет их принципиальную непознаваемость и необъяснимость с помощью естественных причин. Чудо есть выражение непостижимой тайны Бога, свободное решение которого «управлять миром становится не менее, а, возможно, даже более таинственным, чем собственно его природа. Настоящая тайна, которая “сокрывалась от вечности в Боге” и которая была явлена людям в Христе, не касается его бытия, но связана с его спасительным действием» (Агамбен 2019: 96-97). Этот аспект «сокрытости» Божественного «администрирования» становится в каком-то смысле теологической основой института государственной тайны, которая в современных электоральных демократиях, где в качестве суверена заявляется «народ», приобретает вид тайного голосования.

Несмотря на то что чудо выше закона, оно не против закона. Чудеса не нарушают законы природы, а только «препобеждают» их. Подобно тому как в природе высшие законы не отменяют низших, но могут ограничивать их действие, высший закон, то есть воля Бога, побеждает законы природы. Таким образом, главная теоретическая интенция К. Шмитта в решении вопроса о сущности чрезвычайного положения как исключительной суверенной компетенции путем его отнесения к универсуму права полностью соответствует этой теологической модели Божественного управления миром. Теологический аспект суверенной власти, имеющий отношение к «чудесному» исключению, предъясняется в «спасительной», «сотериологической» функции чрезвычайного положения¹ (которое становится секуляризированным аналогом чудесного проявления провиденциально-

¹ «Спасение» уже не вписывается в размерность юридической категории, в связи с чем А. Негри и М. Хардт резонно ставят вопрос о том, насколько еще возможно продолжать пользоваться юридическим термином «право», если право сводится исключительно к вопросу эффективности техник, основанных на постоянном чрезвычайном положении и полицейской власти (Хардт, Негри 2004: 31).

спасительной воли Бога), связанного со случаем крайней необходимости, понимаемого как ситуация угрозы общественному порядку или существованию государства. Фиктивная тотализация этой расплывающейся во все стороны угрозы без ее внятной идентификации учреждает политику безопасности в качестве перманентной технологии власти (управления) в современном мире. В ситуации чрезвычайного положения как пространстве суверенной приостановки действия закона каждый человек в качестве «подданного» оказывается в зоне бесправия – он лишается защиты прикрывающих его естественную наготу правовых механизмов, в результате чего остается только голое биологическое существование. Тем самым суверенная власть приобретает облик биополитического управления этой голой жизнью (*nuda vita*)¹.

Абсолютная суверенная власть, действующая в режиме безопасности, то есть ориентирующаяся на предотвращение возможных угроз, выступает как самый настоящий теологический катехон² в его секуляризованном исполнении. В западно-христианской традиции, начиная с Тертуллиана, интерпретация апостольского пророчества о катехоне как силе, сдерживающей натиск мирового зла, отождествляет катехон с Римской империей, боязнь могущества которой не дает воцариться антихристу, «человеку аномии». Данное толкование восходит к видению пророка Даниила, предсказывающего появление антихриста на развалинах Римского царства, после чего Бог воздвигнет вечное царство Христа (Сысоев 2000). Примечательно, что К. Шмитт как главный теоретик чрезвычайного положения усматривает в апостольском пророчестве единственно возможное основание христианской доктрины государственной власти. В ориентации на Римскую империю христианская империя черпает свою историческую силу, решающим понятием которой выступает понятие сдерживающей мощи, «катехон». К конкретной власти христианского короля над своим владением всегда добавляется Божественное поручение, наделяющее короля силой, осуществляющей функцию катехона. По мнению К. Шмитта, вера в катехон как некую сдерживающую наступление конца света силу есть единственное средство «от эсхатологического паралича, тормозящего любое свершающееся в человеческом мире событие...» (Шмитт 2008: 35). Таким образом, трактовка К. Шмиттом катехона по сути своей принципиально антимиессинская. Антимиессинство конституирует светскую политику как таковую. С этой точки зрения любая теория государственной власти, основанная на представлении о том, что назначение силы государства состоит в обеспечении безопасности, в предотвращении катастрофы или ее задержке, может рассматриваться как секуляризованная интерпретация апостольского

¹ Согласно М. Фуко, именно последовательная политизация «голой жизни» превращает политику в биополитику, в границах которой человек рассматривается не как субъект права, а как носитель биологических характеристик и признаков.

² От греч. *ὁ κатеχων* – «удерживающий». Христианско-эсхатологическое учение о катехоне восходит к пророчеству апостола Павла, в котором говорится о невозможности наступления конца света и второго пришествия, пока не будет «взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2, 3–8).

пророчества о катехоне (Агамбен 2018: 144). Именно Римская империя является той моделью, положившей начало евро-американской традиции, приведшей к современному мировому порядку, выраженному в представлении об Империи как глобальной форме биополитической суверенной власти, которая «предстает не как способ правления, исторически восходящий к завоеванию, но скорее как порядок, который на деле исключает ход истории и таким образом навсегда закрепляет существующее положение вещей» (Хардт, Негри 2004: 14). Иными словами, Империя манифестирует свое владычество не как преходящий момент в историческом процессе, а как конец истории, то есть как способ правления вне каких бы то ни было временных рамок. Будучи обращенной к вечному и неизменному миру за пределами истории, Империя на практике действует посредством чрезвычайных административных мер, направленных на спасение от подлинного «спасения»¹, то есть подменяет истинно политические формы общественного бытия антиполитическим по своему существу режимом безопасности, в котором невозможно провести различие между законом и беззаконием и в котором закон функционирует как способ вменения вины. Формула «по соображениям безопасности» все больше действует как универсальный пароль для применения экстраординарных мер вне юридически обоснованных процедур.

Следовательно, антиномичность, или амбивалентность, теологической парадигмы современной власти (и соответствующих механизмов) состоит в том, что ее мессианство носит антимессианский характер, а ее антимессианство функционирует как мессианство. Логика амбивалентности не предполагает никакого диалектического «снятия» противоположностей в некоем супрематическом позитивном «синтезе». Ввиду того что этот конфликт оказывается неразрешимым, исторический процесс обречен на вечное пребывание в состоянии кризиса, а с христианско-теологической точки зрения – в состоянии вечного Страшного суда в конце времен (κρίσις). В экспозиции данной амбивалентности, мы полагаем, как раз и можно обнаружить аналитическую схему, позволяющую объяснить апоретическую сущность и особенности функционирования современной власти.

¹Философская притча «Легенда о Великом инквизиторе» Ф. Достоевского является лучшей литературно-художественной иллюстрацией катехонической политики государства, в буквальном теологическом смысле сдерживающей (отсрочивающей) приход Спасителя. Главный вопрос-упрек, который ставит кардинал – Великий инквизитор перед вернувшимся в человеческий мир Христом, звучит так: «Зачем же ты пришел нам мешать?». Претензия инквизитора, адресованная Спасителю, состоит в том, что Он вернулся как раз в тот момент, когда Католическая церковь с помощью инквизиции искоренила остатки христианской свободы, ибо, в чем абсолютно убежден инквизитор, подлинная свобода людей заключается в повиновении власти ради их же собственного счастья: «Самые мучительные тайны их совести – всё, всё понесут они нам, и мы всё разрешим, и они поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного». В итоге он выставляет Спасителя за дверь в ночь со словами «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агамбен Дж. 2011. Homo sacer. Чрезвычайное положение. Москва : Европа. 148 с.
- Агамбен Дж. 2013. Что такое повелевать? Москва : Grundrisse. 71 с.
- Агамбен Дж. 2014. Государственная Безопасность и Демократия. К теории раз-учреждающей власти, 14.02.2014. URL: http://s357a.blogspot.com/2014/02/blog-post_14.html (дата обращения: 09.01.2020).
- Агамбен Дж. 2015. Средства без цели. Заметки о политике. Москва : Гилея. 148 с.
- Агамбен Дж. 2017. Храбрость лишенных надежды, 02.06.2017. URL: https://syg.ma/@valya_golev/dzhordzho-aghambien-khrabrost-lishiennykh-nadiezhdy (дата обращения: 10.01.2020).
- Агамбен Дж. 2018. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам. Москва : Новое лит. обозрение. 224 с.
- Агамбен Дж. 2019. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во Ин-та Гайдара ; Фак. свободных искусств и наук СПбГУ. 552 с.
- Арендт Х. 2017. Vita Activa, или о Деятельной жизни. Москва : Ад Маргинем Пресс. 416 с.
- Аристотель. 1976. Сочинения. В 4 т. Т. 1. Метафизика. Москва : Мысль. 550 с.
- Бенуа А. 2013. Карл Шмитт сегодня. Москва : Ин-т общегуманит. исслед. 192 с.
- Беньямин В. 2000. Франц Кафка. Москва : Ad Marginem. 318 с.
- Беньямин В. 2012. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения : сб. ст. Москва : Изд. Рос. гос. гуманит. ун-та. 288 с.
- Беньямин В. 2019. О понятии истории // В. Беньямин. Судьба и характер : эссе. Санкт-Петербург : Азбука ; Азбука-Аттикус. С. 392-406.
- Бойцов М. 2015. Три книги Канторовича // Э. Канторович. Два тела короля : Исследование по средневековой политической теологии. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. С. 7–57.
- Габинский Г. 1978. Теология и чудо. Критика богословских концепций. Москва : Мысль. 280 с.
- Гагинский А.М. 2015. Онто-теология и преодоление метафизики: М. Хайдеггер, Ж.-Л. Марион и христианская традиция // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. № 4. С. 55–71.
- Деррида Ж. 2000. Письмо и различие. Москва : Академ. Проект. 495 с.
- Жижек С. 2009. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. Москва : Европа. 336 с.
- Исаев И. 2015. Идея порядка в консервативной ретроспективе. Москва : Проспект. 400 с.
- Канторович Э. 2015. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 752 с.
- Кузьмин Э. 2018. Загадка Жана Бодена. Трактат о суверенитете. Москва : Междунар. отношения. 376 с.
- Рансьер Ж. 2006. На краю политического. Москва : Праксис. 240 с.
- Сысоев Д. 2000. Богословские соблазны монархического движения // Благодатный огонь : Православный журнал. № 4. URL: <http://www.blagogon.ru/articles/72/print> (дата обращения: 14.02.2020).
- Тиллих П. 1995. Избранное: Теология культуры. Москва : Юрист. 479 с.
- Фуко М. 2011. Безопасность, территория, население. Санкт-Петербург : Наука. 544 с.

Хайдеггер М. 1993. Время и бытие: Статьи и выступления. Москва : Республика. 447 с.

Хайдеггер М. 2013. Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 591 с.

Хардт М., Негри А. 2004. Империя. Москва : Праксис. 440 с.

Шмитт К. 2000. Политическая теология: сборник. Москва : КАНОН-пресс-Ц. 336 с.

Шмитт К. 2008. Номос Земли в праве народов *jus publicum eurgoraem*. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 670 с.

Шмитт К. 2015. Политический романтизм. Москва : Праксис. 460 с.

Ямпольский М. 2004. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. Москва : Новое лит. обозрение. 800 с.

Foucault M. 1977. Truth and Power (interview). URL: <https://www2.southeastern.edu/Academics/Faculty/jbell/foucaulttruthpower.pdf> (дата обращения: 09.01.2020).

Aleksey V. Yarkeev,

Institute of philosophy and law, Ural branch of the Russian Academy of Sciences,

Yekaterinburg, Russia. E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0068-468X

SPIN-код: 3460-4549

Article recived 28.01.2020, accepted 01.09.2020, available online 05.04.2021

Theological Foundations of Modern Power: the Experience of Deconstruction

Abstract. The article is devoted to the explication and research of the theological origins of the modern paradigm of power and politics in a methodological perspective, set by a combination of hermeneutical, genealogical and deconstructivist ways of reflection and interpretation. The highlighted concept of theology of power (politics) is thought out, mainly, at the intersection of the ideas of G. Agamben, K. Schmitt, E. Kantorovich, M. Heidegger, M. Foucault. The author substantiates the idea that the theological meanings and references of modern political concepts are not just brought to light in the course of special theoretical research and projections, but directly and implicitly have a practical impact on the political structure and technologies of power. The article considers the possibility of “suspending” the action of the metaphysical “machine” that is responsible for the production and operation of the theological myth of power, which determines the political existence of man and society in their modern expression. In this connection, the role of metaphysics, which determines the Western European world, is exhibited as an onto-theo-logy (M. Heidegger), which sees the supreme and first cause of all things as the divine. The rational theology thus sets the contours of all metaphysics, which determines the essence of European thinking in the Middle ages in the form of Christian theology, and in Modern times in the form of emerging scientific knowledge. Secularized political concepts act as a signature that refers to theology (G. Agamben). First of all, this applies to such a concept as “sovereignty”: the state-legal concept of the sovereign is derived from the Christian image of God, personifying the absolute, that is, unlimited, not deducible from anything, a single and indivisible form of power. The theological model of divine governance of the world, in which the miracle is understood as a manifestation

of the providential and “saving” will of God, suspending the action of natural law, is the paradigm of the modern state of emergency as a direct intervention of the sovereign in the current law and order (K. Schmitt).

Keywords: theology; metaphysics; onto-theo-logy; political theology; power; politics; sovereignty; state of emergency.

For citation: Yarkeev A.V. *Teologicheskie osnovaniya sovremennoy vlasti: opyt dekonstruktsii* [Theological Foundations of Modern Power: the Experience of Deconstruction], *Antinomii = Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 7-26. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-7-26 (in Russ.).

References

Agamben G. *Chto takoe povelevat'?* [What is a commandment?], Moscow, Grundrisse, 2013, 71 p. (in Russ.).

Agamben G. *Gosudarstvennaya Bezopasnost' i Demokratiya. K teorii raz-uchrezhdaiushchey vlasti, 14.02.2014* [For a Theory of Destituent Power. Transcript of lecture delivered by Giorgio Agamben in Athens, 16.11.2013], available at: http://s357a.blogspot.com/2014/02/blog-post_14.html (accessed January 09, 2020). (in Russ.).

Agamben G. *Homo sacer. Chrezvychaynoe polozhenie* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life], Moscow, Evropa, 2011, 148 p. (in Russ.).

Agamben G. *Khrabrost' lishennykh nadezhdy* [Thought is the courage of hopelessness: an interview with philosopher Giorgio Agamben], 02.06.2017, available at: https://syg.ma/@valya_golev/dzhordzho-aghambien-khrabrost-lishennykh-nadiezhdyy (accessed January 10, 2020). (in Russ.).

Agamben G. *Ostavsheesya vremya: Kommentariy k Poslaniyu k Rimlyanam* [The Time That Remains: A Commentary on the Letter to the Romans], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 224 p. (in Russ.).

Agamben G. *Sredstva bez tseli. Zametki o politike* [Means without End: Notes on Politics], Moscow, Gileya, 2015, 148 p. (in Russ.).

Agamben G. *Tsarstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya* [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government], Moscow, St.-Petersburg, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2019, 552 p. (in Russ.).

Arendt H. *Vita Activa, ili o Deyatel'noy zhizni* [The Human Condition], Moscow, Ad Marginem Press, 2017, 416 p. (in Russ.).

Aristotle. *Sochineniya. V 4 t. T. 1. Metafizika* [Works, in 4 vols., vol. 1, Metaphysics], Moscow, Mysl', 1976, 550 p. (in Russ.).

Benjamin W. *Frants Kafka* [Franz Kafka], Moscow, Ad Marginem, 2000, 318 p. (in Russ.).

Benjamin W. *O ponyatii istorii* [About the concept of history], *V. Ben'yamin, Sud'ba i kharakter : esse*, St.-Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019, pp. 392-406. (in Russ.).

Benjamin W. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya : sb. st.* [The doctrine of similarity. Media aesthetic works], Moscow, Izdanie Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2012, 288 p. (in Russ.).

Benuea A. *Karl Shmitt segodnya* [Carl Schmitt today], Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2013, 192 p. (in Russ.).

Boytsov M. *Tri knigi Kantorovicha* [Three books by Kantorovich], *E. Kantorovich. Dva tela korolya : Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2015, p. 7-57. (in Russ.).

Derrida J. *Pis'mo i razlichie* [Writing and Difference], Moscow, Akademicheskii Proekt, 2000, 495 p. (in Russ.).

Foucault M. *Truth and Power (interview)*, 1977, available at: <https://www2.southeastern.edu/Academics/Faculty/jbell/foucaulttruthpower.pdf> (accessed January 09, 2020).

Foucault P.-M. *Bezopasnost', territoriya, naselenie* [Security, Territory, Population (Lectures at the Collège de France)], St.-Petersburg, Nauka, 2011, 544 p. (in Russ.).

Gabinsky G. *Teologiya i chudo. Kritika bogoslovskikh kontseptsiy* [Theology and miracle. Criticism of theological concepts], Moscow, Mysl', 1978, 280 p. (in Russ.).

Gaginsky A.M. *Onto-teologiya i preodolenie metafiziki: M. Khaydegger, Zh.-L. Marion i khristianskaya traditsiya* [Onto-theology and the overcoming of metaphysics: M. Heidegger, J. L. Marion and Christian tradition], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya*, 2015, no. 4, pp. 55-71. (in Russ.).

Hardt M., Negri A. *Imperiya* [Empire], Moscow, Praksis, 2004, 440 p. (in Russ.).

Heidegger M. *Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir – konechnost' – odinochestvo* [The Fundamental Concepts of Metaphysics: World, Finitude, Solitude], St.-Petersburg, Vladimir Dal', 2013, 591 p. (in Russ.).

Heidegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches], Moscow, Respublika, 1993, 447 p. (in Russ.).

Isaev I. *Ideya poriyadka v konservativnoy retrospektive* [The idea of order in conservative retrospect], Moscow, Prospekt, 2015, 400 p. (in Russ.).

Kantorovich E. *Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii* [The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2015, 752 p. (in Russ.).

Kuzmin E. *Zagadka Zhana Bodena. Traktat o suverenitete* [The Mystery Of Jean Baudin. A treatise on the sovereignty], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018, 376 p. (in Russ.).

Rancière J. *Na krayu politicheskogo* [On the Shores of Politics], Moscow, Praksis, 2006, 240 p. (in Russ.).

Schmitt C. *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum], St.-Petersburg, Vladimir Dal', 2008, 670 p. (in Russ.).

Schmitt C. *Politicheskaya teologiya: sbornik* [Political Theology. Four Chapters on the Concept of Sovereignty], Moscow, KANON-press-Ts, 2000, 336 p. (in Russ.).

Schmitt C. *Politicheskii romantizm* [Political Romanticism], Moscow, Praksis, 2015, 460 p. (in Russ.).

Sysoev D. *Bogoslovskie soblazny monarkhicheskogo dvizheniya* [Theological temptations of the monarchist movement], *Blagodatnyy ogon' : Pravoslavnyy zhurnal*, 2000, no. 4, available at: <http://www.blagogon.ru/articles/72/print> (accessed February 14, 2020). (in Russ.).

Tillich P. *Izbrannoe: Teologiya kul'tury* [Selectad works: Theology of Culture], Moscow, Yurist, 1995, 479 p. (in Russ.).

Yampolsky M. *Fiziologiya simvolicheskogo. Kn. 1. Vozvrashchenie Levafana: Politicheskaya teologiya, reprezentatsiya vlasti i konets Starogo rezhima* [Physiology of the symbolic. B. 1. The return of Leviathan: Political theology, representation of power, and the end of the Old regime], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, 800 p. (in Russ.).

Žižek S. *Kukla i karlik: khristianstvo mezhdu eres'yu i buntom* [The Puppet and the Dwarf: The Perverse Core of Christianity (Short Circuits)], Moscow, Evropa, 2009, 336 p. (in Russ.).



Брянник Н.В. Альтернативные философские методологии для когнитивной психологии: Эрнст Мах и Эдмунд Гуссерль. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-27-44 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 27–44.

УДК 101.8

DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-27-44

Альтернативные философские методологии для когнитивной психологии: Эрнст Мах и Эдмунд Гуссерль

Надежда Васильевна Брянник

доктор философских наук,
профессор кафедры онтологии и теории познания
департамента философии
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: n.v.briantik@urfu.ru
SPIN-код: 6184-2791

*Статья поступила 14.07.2020, принята к печати 03.12.2020,
доступна online 05.04.2021*

Когнитивная психология – одна из значимых областей современной науки, связанная с созданием искусственного интеллекта (ИИ). Многофакторная обусловленность познания схвачена в разнообразных философских концепциях, часть из которых может иметь прикладное значение, в том числе и для когнитивной психологии. В статье рассматриваются два подхода, которые обращены к диаметрально противоположным факторам, влияющим на познавательную деятельность. С одной стороны, все многообразие феноменов познания – от простых (ощущения и представления) до самых сложных (воля, внимание, память, фантазия и пр.) – ставится в зависимость от психофизиологических процессов, связанных в конечном счете с физической энергией. На этой онтологии психофизиологического параллелизма выстраивал свою концепцию Э. Мах. Еще в начале XX столетия он рассматривал возможность технического воплощения результатов своих исследований различных феноменов и механизма познавательной деятельности человека. С другой стороны, в первые десятилетия XX в. Э. Гуссерль претендовал на создание собственной методологии для психологической науки, – методологии, которая одновременно предстает и как теоретический уровень данной области науки в силу того, что она исследует сущность всего многообразия познавательных феноменов, таких как сознание в его разнообразных вариациях, душевные состояния, ценностные установки и логический строй. Свойственные только человеческому познанию идеи/смыслы



© Брянник Н.В., 2021

через письменный язык обретают характер «идеальных объективностей». Письменный язык – это способ виртуального вневременного хранения и приращения идей и смыслов. Но одновременно он может стать и средством их материального, в том числе технического, воплощения. Если Мах в своей методологии делает акцент на физико-физиологических, биологических аспектах процесса познания, то Гуссерль – на экзистенциально-гуманитарных факторах, придающих познавательной деятельности собственно человеческий характер. В этом и заключается альтернативность данных подходов, которая не исключает возможности их взаимного дополнения.

Ключевые слова: Э. Мах, Э. Гуссерль, когнитивная психология, искусственный интеллект, методология, познавательная деятельность, материальное воплощение, альтернатива.

Введение

Когнитивная психология входит в число наук, занятых разработкой искусственного интеллекта (ИИ). Этот тезис не нуждается в обосновании, ведь главной функцией человеческого интеллекта, на моделирование которого нацелены всевозможные проекты ИИ, является познание окружающего и внутреннего мира человека. Философия, для которой в разных ее культурно-исторических формах (европейской, восточной, русской) проблематика познания и сознания была и остается одной из главных, оказывается тесно связанной с когнитивной психологией. Философия рассматривает гносеологические (=когнитивные) вопросы на сущностном уровне. И хотя результаты подобных исследований не имеют прямого воплощения, они важны для понимания возможных стратегий в развитии ИИ. В философских концепциях познавательной деятельности представлены методологические основания для исследований в области когнитивной психологии. Количество разнообразных философских концепций познания не подлежит учету, но при их типизации явно выделяются два диаметрально противоположных методологических подхода, один из которых уже активно задействован в когнитивной психологии и достаточно общепризнан, тогда как другой пока находится на отдалении от данного круга проблем. Возможно, знакомство разработчиков данной области знаний с этим подходом позволит наметить новые направления поиска.

Если указанные типизированные подходы персонифицировать в наиболее ярких их представителях, то в качестве безусловно значимых фигур следует назвать Э. Маха (1838–1916) и Э. Гуссерля (1859–1938). Конечно, оба они не дожили даже до первых шагов информационных технологий, но тем не менее в самих механизмах человеческого познания им удалось схватить такие составляющие, без учета которых продвижение в современной когнитивной психологии, связанной с ИИ, будет затруднено или даже невозможно. В силу отмеченной альтернативности методологических подходов данных мыслителей все многообразие философских концепций познания укладывается в диапазоне между ними – в том случае, если нас интересует познание как средство биологической адаптации либо, напротив, как деятельность, в наиболее ярком виде воплощающая собственно человеческое в

человеке. Через эту призму могут быть рассмотрены и современные гносеологические концепции, в кругу которых заметно явное оживление эволюционной эпистемологии, а что касается феноменологической традиции в теории познания, то она, по сути, и не прерывалась. Сравнительный анализ воззрений Э. Маха и Э. Гуссерля – обсуждаемая тема в исследовательской литературе. Так, в зарубежных исследованиях достаточно близко примыкает к интересующей нас проблематике сопоставление методологий данных мыслителей – феноменализма и дескриптивизма (первого) и феноменологии (второго) в их обращении к психологии (Fisette 2012; Penchev 2020). Новизна предлагаемой статьи заключается в выявлении в рассматриваемых Э. Махом и Э. Гуссерлем механизмах познавательной деятельности таких аспектов, которые могут иметь техническое воплощение.

I. Основные положения философско-методологической концепции Э. Маха

Когда речь идет о *позиции* Э. Маха, то имеются в виду прежде всего его работы, связанные с психологией (Мах 2005; Мах 2003). Какие положения данных трудов составляют *концепцию познания* данного мыслителя, в чем ее особенности и какое отношение они имеют к когнитивной психологии с ее современной проблематикой, нацеленной на создание ИИ?

Ответы на заявленные вопросы предполагают, прежде всего, раскрытие его общей установки в философии (хотя нуждается в обосновании и сам факт признания за физиком Махом особой философской позиции, но это самостоятельная тема обсуждения). Как исследователь он осознанно отстаивает позитивистскую традицию с ее нацеленностью на обращение непосредственно к самой *реальности* и стремлением избавиться от метафизических допущений. Конт, один из основоположников позитивизма, для него авторитетная фигура, но «для Конта естествознание – почти все, а психология – почти ничего; между тем как автор (имеется в виду сам Мах. – Н.В.) рассматривает обе области как однородные, равно важные источники нашего познания» (Мах 2005: 42).

1. Для Маха психические процессы и есть та непосредственная реальность, в которой протекает познавательная деятельность. Тем самым обращение к современным ему областям знания, связанным с психологической наукой, таким как физиология органов чувств, патология мозга, сравнительная анатомия, экспериментальная эмбриология и др., одновременно предстает для Маха и как возможность решения теоретико-познавательных вопросов (он их часто называет *критико-познавательными*). Следовательно, он выходит на психологию, понимая необходимость изучения *реальных актов* познавательной деятельности человека, и в этом смысле отождествляет психологию и теорию познания, что и означает конструирование своеобразной когнитивной психологии.

2. Даже простое перечисление феноменов, которые Э. Мах соотносит с *психической реальностью* в упомянутых выше работах, весьма впечатляет и на фоне современных достижений в данной области. Это – чувства/переживания (первичные/органические чувства и вторичные),

инстинкты/рефлексы, представления, внимание, память, воля, сознание/интеллект/идеи/мысли/понятия/размышления, фантазия, воображение и др. Важно отметить, что все эти феномены исследуются Махом именно с целью раскрытия познавательной деятельности; не случайно одна из двух его работ названа «Познание и заблуждение...». Для описания *процессуально-деятельной* стороны психических явлений используются такие термины, как внутренние созерцания, жизнь, энергия, сила, поток, видоизменения, приспособления, произвольные/свободные – автоматические/механические действия и др.

Среди многообразных проявлений психической жизни нами сознательно не были названы *ощущения*. Между тем в *когнитивно-психологической концепции* Маха (полагаем, что на этом этапе рассуждений уже правомерно использовать данное словосочетание) ощущения занимают центральное место – он даже посвящает ему им самостоятельное исследование (Мах 2005), потому что «ощущение, являющееся одновременно процессом физическим и психическим, составляет основу... всей нашей психической жизни» (Мах 2003: 55).

Особая трактовка ощущений лежит в основе его философской позиции, а способ предпринятого им анализа ощущений являет нам своеобразие методологического подхода Маха в психологии. В приведенной цитате его позиция, собственно говоря, очерчена: ощущения суть *одновременно и физическое, и психическое*; поэтому он называет ощущения *элементами мира*. Он настаивает на том, что «нет пропасти между физическим и психическим, нет ничего в н у т р е н н е м о и в н е ш н е м о, нет о щ у щ е н и я, которому соответствовала бы внешняя, отличная от этого ощущения вещь. Существуют только о д н о г о р о д а э л е м е н т ы, из которых слагается то, что считается внутренним и внешним» (Мах 2005: 260).

Данный тезис провоцирует вопрос: откуда берутся ощущения? Вокруг этого вопроса в начале прошлого столетия возникла бурная дискуссия, результатом которой стала в том числе и известная работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», где он предвосхищает теорию отражения и где Э. Мах предстает как лидер эмпириокритицизма. Вот выжимка из философских аргументов Маха: «Иногда задаются... вопросом, не ощущает ли и “материя” (неорганическая). Этот вопрос вполне естественен, если исходить из... представлений, по которым материя представляет собой то... р е а л ь н о е, на котором строится все, как органическое, так и неорганическое. Ведь в таком случае в здании, состоящем из материи, ощущение должно возникать как-то внезапно, или оно должно существовать в самом... фундаменте этого здания. С нашей точки зрения, этот вопрос в основе своей ложен. Для нас материя не есть первое данное. Таким первичным данным являются скорее э л е м е н т ы (которые... называются ощущениями). <...> И то, что... мы называем материей, есть также не что иное, как определенного рода связь между элементами» (Мах 2005: 216).

По нашему мнению, Мах выступает против устоявшихся представлений, подытоживая новую ситуацию, сложившуюся с открытием микромира, – наблюдаемое зависит от наблюдателя, без субъекта нет объекта (Бря-

ник 2015). Сам он по этому поводу недвусмысленно заявляет: «Наша точка зрения не знает противоположения субъекта объекту» (Мах 2005: 281).

3. Каким образом философская позиция Маха, напрямую связанная с признанием центральной роли ощущений в картине мира, повлияла на его *методологический подход в когнитивной психологии?*

Отличие своего методологического подхода он раскрывает так: «... мы можем выставить руководящий основной принцип для исследования ощущений, который мы назовем п р и н ц и п о м п о л н о г о п а р а л л е л и з м а п с и х и ч е с к о г о и ф и з и ч е с к о г о» (Мах 2005: 89). Он противопоставляет его двум другим методологиям, когда ощущения исследуются либо как чисто психологические, либо как чисто физические. Возможность подобного способа рассмотрения вытекает из природы ощущений – физических и психических одновременно. Помимо этого принцип параллелизма отвечает его позитивистской установке, ориентированной на исследование *реальных* явлений и процессов. Данная мысль у него звучит постоянно: «...наша точка зрения не имеет ничего метафизического в своей основе, а только соответствует... выражению данных опыта. <...> Видимый мною лист, когда я его мыслю в зависимости от мозгового процесса, есть нечто п с и х и ч е с к о е, между тем как сам этот мозговой процесс, будучи мыслим в связи с в о и х элементов, представляет нечто физическое. И для зависимости п е р в о й ... группы элементов от в т о р о й группы, которая должна... быть получена при помощи физического исследования, существует принцип параллелизма» (Мах 2005: 90-91).

Принцип параллелизма означает возможность и необходимость установления корреляций между составляющими элементов мира, между психическим и физическим. Относительно ощущений (разновидности простых психических явлений) Мах пишет: «...мы можем проследить связь между психологическим явлением, с одной стороны, и связанным с ним физическим (физиологическим) процессом – с другой... К этой... цели мы стремимся повсюду <...> мы рассматриваем цветное ощущение в зависимости... от элементов п р о ц е с с а N, п р о и с х о д я щ е г о в сетчатой о б о л о ч к е <...>. Имея в виду эту цель, мы... с одним и тем же В (каким-нибудь ощущением) будем всегда и везде связывать только одно и то же N (определенный нервный процесс), для всякого же наблюдаемого нами изменения В будем отыскивать соответствующие ему изменения N» (Мах 2005: 88-89). И эту мысль он многократно повторяет в разных формулировках, полагая, что тем самым достигает научного понимания процессов: «...сущ е с т в е н н ы м и н е п о с р е д с т в е н н ы м условием ощущения в виде к о н е ч н о г о з в е н а... цепи является нервный процесс» (Мах 2005: 89). Ведь именно научный подход нацеливает на поиск физических причин происходящего: «Мы... повсюду, где это только возможно, стремимся к физическим объяснениям, к познанию н е п о с р е д с т в е н н о й (“каузальной”) связи» (Мах 2005: 213). Наличие физико-физиологической основы позволяет проводить *опыты* с психическими феноменами (это и составляет предмет психологической физиологии) и базироваться на естественных законах при их объяснении как особого вида реальности. «Каждый организм,

как и всякая часть его, подлежит физическим законам» (Мах 2005: 115) – вот достаточно сильное суждение Маха, подтверждающее сказанное.

Опора на физические законы, выявление непосредственных причинных зависимостей дают возможность представить ощущение (базовый психический феномен) как некоторую естественную/природную реальность. Тем самым когнитивные процессы и философия познания обретают *онтологическое основание*.

Признание психофизической/физиологической природы всех психических явлений (в том числе и тех, которые включены в познавательную деятельность) и принцип параллелизма составляют исследовательскую концепцию Маха. Приведем несколько примеров. Так, согласно его положениям, из *ассоциаций* различных ощущений, полученных в какой-то конкретный момент и хранимых в памяти, возникают *представления*, потоки которых и являют собой сознание; тогда как отдельные ощущения сами по себе еще не становятся сознанием. «Воспроизводимость и ассоциируемость представлений образует... основу нашего “сознания”» (Мах 2003: 72). Этот тезис важен для Маха, и он усиливает его, вводя такой параметр, как *степень осознания*: «Сознание имеет свои корни в воспроизведении и ассоциации и... степень сознания растет параллельно с богатством, легкостью, скоростью, живостью и упорядоченностью этих функций» (Мах 2003: 73).

Он различает простые и сложные «типы потоков представлений». Ко вторым он относит потоки представлений, которые движутся с какой-то *целью* и конструируют что-либо *новое* при решении технической задачи или научной проблемы, создании художественного замысла и т. п. Мах пишет: «Такой поток представлений, в котором не теряется из виду более или менее определенная цель, мы называем *размышлением*» (Мах 2003: 70).

К сложным образованиям принадлежат и *воля* и *внимание* – важные составляющие познавательной деятельности. Сближая два этих психических акта, он раскрывает их ассоциативную природу. Например, он утверждает: «То, что мы называем волей, есть лишь особая форма вторжения временно приобретенных ассоциаций в раньше образованный устойчивый механизм тела» (Мах 2003: 87). Другими словами, воля и внимание – те же ассоциации представлений, связанные с особым ощущением времени и зависящие от жизненных функций человеческого организма («без рефлекса и инстинкта...нет и воли» (Мах 2003: 87)). Мах и интеллект связывает с «жизнью представлений», а его своеобразие он видит в тесной зависимости развития интеллекта от социокультурной среды обитания человека: «...интеллект создает... собственные свои потребности... это явление может быть только продуктом социальной культуры» (Мах 2003: 87-88).

В данном тезисе мы пока привели аргументы Маха только в пользу того, что все познавательные феномены так или иначе вырастают из ощущений. Теперь важно понять, как при объяснении многообразия этих феноменов Мах реализует принцип психофизиологического параллелизма. Исследованию взаимозависимости психических и физико-физиологических процессов, по сути, он и посвящает рассматриваемые работы, где приводятся аргументы и ссылки на результаты экспериментов об особенностях корре-

ляции/параллелизма и в отдельных когнитивных актах, и применительно к сознанию/интеллекту в целом. Так, в противовес кантовской трактовке пространства и времени как априорных форм чувственности Мах обосновывает их следующим образом: «Всюду, где я ощущаю пространство... я должен принять существование во всех этих случаях однородного нервного процесса. Для всех ощущений времени я предполагаю однородные же нервные процессы» (Мах 2005: 91).

Однородные (=параллельные) нервные процессы сопровождают не только многообразие чувственного восприятия мира, но и интеллектуальную деятельность. Вот как он характеризует эту взаимозависимость: «Факты сравнительно-анатомического, физиологического и психопатологического исследований заставляют нас признать, что целость больших полушарий мозга обуславливает целость сознания. Различные части коры большого мозга сохраняют следы различных чувственных возбуждений... Между этими различными полями коры мозга существуют самые разнообразные связи через посредство “ассоциационных волокон”. Каждое выпадение функции какой-нибудь части коры мозга или каждый перерыв какой-нибудь связи влечет за собой психические нарушения» (Мах 2003: 73).

Это его результирующие утверждения, к которым подводят многочисленные ссылки на экспериментальные данные и теоретические исследования. Но установление параллелизма когнитивных психических и физиологических нервных процессов – еще не конечная цель данной методологии. Описывая нервную деятельность через физиологические процессы, Мах показывает, как они связаны с *физическими факторами*. Он пытается доказать, что и «энергия чувств», и «энергия сознания» – это все та же физическая энергия, и по качеству своему они не являются чем-то особенным; это точно такие же физические качества и силы. «Вся... жизнь представлений связана с исторической судьбой больших полушарий нашего мозга, которые составляют часть физического мира и которые мы выделить из этого физического мира не можем» (Мах 2003: 92), – заключает он. И сегодня, когда активно развиваются процессы, связанные с конвергенцией науки, техники и технологии, очень актуален его тезис о том, что «психология есть вспомогательная наука физики. Обе эти области знания взаимно поддерживают друг друга и только в связи друг с другом образуют полную, совершенную науку» (Мах 2005: 281).

В изложении Маховой версии когнитивной психологии мы подошли к значимому для нынешней ситуации в данной области знания моменту, связанному с созданием ИИ. В конечном счете, признание того, что психическое имеет физический коррелят и что «мы – такие же вещи, как и вещи физической среды» (Мах 2003: 152), заставляет задаться вопросом и о физическом воплощении (=машинизации, технизации и т.п.) тех психических актов, которые вовлечены в познавательную деятельность. Мах размышляет над этим вопросом и обращается к истории технического воплощения познавательных способностей и интеллектуальной деятельности человека, вспоминая Архита Тарентского, Герона Александрийского, Борелли, Декарта, Ламетри и др. и сконструированные ими (или воображаемые) механизмы/

автоматы. Принципиальный для него тезис, вытекающий из всего вышеизложенного, заключается в признании атрибутивности человеческому существованию механических/автоматических действий: «Основной чертой в действиях животных и людей является определенность, правильность, *автоматичность* (выделено мной. – Н.Б.) <...> То, что нам в людях... кажется свободным, произвольным... покрывает их автоматические действия лишь как легкая дымка или туман» (Мах 2003: 58). Если в *произвольных* действиях человека на самом деле присутствует некий порядок и в них можно обнаружить *закономерности*, дополняемые повторяющимися, автоматическими действиями, то их можно выявить и передать машинам.

Мах усиливает тезис о допустимости и возможности технизации различных сфер человеческой деятельности, моделируя особенности нашего существования с помощью *системного подхода*. Мы находим у него: «Наше тело и наше сознание есть сравнительно замкнутая, изолированная система фактов. Система эта реагирует на процессы в окружающей ее физической среде лишь в ограниченных размерах и в немногих направлениях. Она действует подобно термометру, который реагирует только на тепловые процессы, или подобно гальванометру, который отвечает только на электрические процессы, – одним словом, подобно не вполне совершенному физическому аппарату. <...> В конце концов мы также научаемся... устранять... постоянные источники ошибок аппарата сознания, как это делаем с другими аппаратами» (Мах 2003: 152).

Здесь уже не просто даны намеки на возможность создания ИИ, но и указаны его функции и внешние физические факторы, к которым он способен приспосабливаться. И хотя речь идет о конце XIX – первом десятилетии XX в., вовсе не как пустые мечтания воспринимаются идеи Маха, когда он рассуждает о том, что «не невозможна конструкция абсолютно надежного автоматического почтового чиновника для заказных писем, что будет отрядным облегчением для человеческого интеллекта, отягченного механическими манипуляциями» (Мах 2003: 60). Мощь этого мыслителя – в том, что он уже в то время видел перспективу развития человечества в данном направлении, предсказывая такое будущее: «...когда интеллект овладевает данной областью фактов, начинается обратное влияние науки на инстинктивную технику, из которой она развилась, и эта техника превращается в научную, основанную уже не на случайном опыте, а на планомерном разрешении сознательно поставленных задач» (Мах 2003: 109).

4. В методологической концепции Маха присутствует еще одно принципиально значимое положение, которое в рассматриваемых работах им не было столь обстоятельно развернуто, как ранее изложенные, но которое сегодня активно разрабатывается в так называемой *эволюционной эпистемологии*. Эволюционная эпистемология основана на понимании того, что способность к познавательной деятельности людей закладывалась изначально в психике животных и «различия, которыми человек в психическом отношении отличается от животных, суть различия не качественного, а только количественного характера» (Мах 2003: 99). Кажется, что мысль более чем спорная, но все зависит от точки отсчета. Позиция, которую предлагает Мах

для того, чтобы признать лишь количественные различия между психикой человека и психикой животных, вполне допустима: «Если бы мы могли наблюдать людей на большом расстоянии, с высоты птичьего полета, с луны... мелкие частности исчезли бы для нас вместе с последствиями индивидуальных переживаний, и мы лишь видели бы людей, вполне закономерно растущих, питающихся и размножающихся» (Мах 2003: 58). Позиция его в данном вопросе последовательна, и он только наращивает в ее пользу аргументы: «Если сравнить... действия человека и животного, и, далее, человека культурного и некультурного, то преимущество первых перед последними заключается только в длине окольных путей к... цели, в способности таковые пути находить и идти по ним» (Мах 2003: 87).

Оценка методологического принципа эволюционизма как биологизаторства или редукционизма была бы не совсем адекватной его (принципа) сути. Исследование познавательной деятельности в контексте эволюции психики живых организмов позволило, на наш взгляд, предвосхитить некоторые идеи новейшей постнеклассической науки. Так, например, Мах выходит на понятие *динамической системы*. Вот как он описывает ее особенности: «Организм есть система, способная сохранить свои свойства (химические, тепловое состояние и т.д.) от внешних влияний, – система, представляющая динамическое состояние равновесия значительной устойчивости. Тратя энергию, он может заимствовать из окружающей среды новую в размерах, возмещающих или даже превосходящих потерю. Паровая машина, которая сама доставляет себе уголь и сама отапливается, есть лишь слабая искусственная иллюстрация организма. Организм обладает этими свойствами в очень малых частях и из них регенерируется, т.е. вырастает и развивается. ...физика... должна создать себе новые точки зрения изучением с а м о й органической природы, прежде чем ей удастся овладеть и миром органическим» (Мах 2005: 116). Прогноз Маха сбывается: современная физика активно оперирует понятием динамических систем, моделью для изучения которых служат именно живые системы, которым свойственны процессы самоорганизации.

Итак, *особенности философско-методологической концепции Э. Маха* заключаются в признании неразрывной связи психического и физического как элементов мира, утверждении принципа параллелизма психического и физико-физиологического, а также принципа эволюционизма, соотношении когнитивных процессов с психической реальностью и предположении о возможности на этой основе материального воплощения когнитивных процессов в технических конструкциях.

II. Основные положения философско-методологической концепции Э. Гуссерля

1. С самого начала надо отметить, что, в отличие от Маха, целенаправленно участвовавшего в решении актуальных вопросов, стоявших перед психологической наукой, Гуссерль негативно воспринимал любые попытки отождествить его исследования с психологическими. Развернутую аргументацию мы находим в фундаментальной работе Э. Гуссерля

«Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (Гуссерль 2009), подытоживающей его многолетние изыскания, в которой он настаивает на том, что «...чистая феноменология... *это не психология и...* причисление ее к психологии исключается... *принципиальными* основаниями» (Гуссерль 2009: 8). Особенно его возмущают оценки, относящие разрабатываемую им феноменологию к «нижней ступеньке эмпирической психологии» (по-видимому, это обусловлено тем, что в среде ученых понятие феноменологии, а также смежные с ним категории, в том числе «феноменологические законы», связывают с *описанием* того, что получают *опытным* путем). Поэтому Гуссерль обозначает свою позицию как *чистую феноменологию*.

Нам представляется, что в понимании феноменологии Гуссерль следует за Гегелем, для которого «феноменология духа» – это этап в саморазвитии духа, где раскрывается *познавательная деятельность* человека как носителя субъективного духа.

Различие между разрабатываемой им чистой феноменологией и психологической наукой Гуссерль видит в том, что если вторая имеет дело с психическими актами как *реальными* и полагается на *данные опыта*, то первая обращена к «очищенному сознанию» – *идеям и сущностям*, к тому, что его критики называют «метафизическими фантомами» или продуктами схоластики; сам мыслитель (усиливая различия с психологией) квалифицирует данные феномены сознания как «ирреальные»/нереальные. В подтверждение приведем один из его аргументов: «*Психология – опытная наука... 1. Она есть наука о фактах... 2. Она есть наука о реальностях. “Феномены”, какими занята она в качестве психологической “феноменологии”, – это реальные происшествия, которые как таковые, если они действительно существуют, включаются вместе с реальными субъектами, которым они принадлежны, в один и тот же пространственно-временной мир... чистая... феноменология получит свое обоснование не как наука о фактах, но как наука о сущностях (как наука “эйдетическая”), как наука, которая намерена констатировать исключительно “познания сущности” – никакие не “факты”» (Гуссерль 2009: 9).*

2. Но если для Гуссерля психология и феноменология по сути своей диаметрально противоположны (поэтому он противник психологизации феноменологии, называя это «порчей феноменологии»; впрочем, одновременно он и против «порчи психологии» через сведение ее предмета к феноменам чистого сознания), то почему мы рассматриваем феноменологию при раскрытии проблемного поля *когнитивной психологии*, ориентированной на решение проблем создания ИИ (да еще с учетом обвинений феноменологии в схоластичности и метафизичности)?

Позиция Гуссерля может кому-то показаться непоследовательной, когда он вводит разграничение двух видов психологии – *эмпирической психологии и феноменологической (эйдетической) психологии* (от древнегреч. эйдос – идея). Отрицая какую бы то ни было возможность связи чистой феноменологии с психологией, он при этом намечает такое соотношение указанных видов: «...феноменология – это инстанция для основополагаю-

щих методологических вопросов психологии... То, что она установила в общем виде, должно признаваться психологом как условие возможности всякой дальнейшей его методики» (Гуссерль 2009: 157-158). Другими словами, согласно Гуссерлю, чистая феноменология – это разновидность *методологии* применительно к психологическим наукам, которые на основе этой методологии могут разрабатывать соответствующие *методы* исследования психической реальности и претворять данную методологию в систему методик. Возможна и еще одна интерпретации выявленного Гуссерлем соотношения, а именно: феноменологическая психология, претендующая на раскрытие *сущности* психического, которая целиком и полностью полагается только на акты рефлексии, предстает как *теоретический уровень* исследования; тогда как сложившаяся к началу XX в. психология, обращенная к психической *реальности*, являет собой *эмпирический уровень*; отсюда и закрепившееся за ней название эмпирической психологии. Вот и получается, что теория, обращенная к познанию неизведанной области, есть не что иное, как методология. Не достигшая теоретического уровня и не нацеленная на постижение сущности эмпирическая психология страдает, по словам Гуссерля, «принципиальной психологической противосмысленностью». В этом контексте становится понятным сравнение этих двух уровней в категориях «абсолютное-относительное», когда он рассуждает таким образом: «...сознание выступает в различных способах постижения... во-первых, в себе самом как сознание абсолютное, во-вторых... в корреляте, как сознание психологическое, каковое включается тогда в порядок природного мира... <...> ...феноменологический способ рассмотрения более всеобъемлющ и, как абсолютный, более радикален» (Гуссерль 2009: 143).

3. Зафиксировав *методологическое значение* гуссерлевской феноменологии для психологической науки, как и в случае с Махом, надо определиться с тем, из какой *философии* проистекает указанная методология; причем философская установка в данном случае значима только в плане влияния на эмпирическую психологию.

Исходный тезис в аргументации Гуссерля в первом приближении даже терминологически близок маховской позиции. Так, он утверждает: «...сознание и вещьность – связанное целое: они связываются в отдельных психофизических единствах» (Гуссерль 2009: 71). Переходя от вещной реальности к глобальному масштабу, он сохраняет эту характеристику, а именно: «Мир в его полноте – это не просто физический, но психофизический мир» (Гуссерль 2009: 104). Данный, принципиально значимый для мыслителя, тезис проистекает из его *теоретической* установки, нацеленной на выделение чистого (абсолютного) сознания, что, конечно, радикально отличается от маховского *эмпиризма* и *психологизма* в трактовке элементов мира как психофизических единств. В этом контексте дается такое пояснение психофизического единства сознания и вещи и психофизического единства мира как целого: «Реальность – и реальность отдельно взятой вещи, и реальность целого мира сущностно лишена самостоятельности (в нашем строгом смысле “сущности”). Это не нечто абсолютное в себе... оно лишено “абсолютной сущности”, у него существенность того, что в принципе лишь

интенционально, лишь осознаваемо, лишь представляемо, лишь осуществимо в возможных явлениях» (Гуссерль 2009: 94). Гуссерль как феноменолог исследует *сущность* различных актов сознания – от восприятия и факта до фантазии, ведь каждая разновидность этих актов способна по-своему осознавать мир. Поэтому и правомочно утверждение о *коррелятивности мира естества сознанию*.

Собственно говоря, все рассматриваемое произведение Гуссерля предстает как своеобразная методика/технология продуцирования чистого сознания. Приведем характеристики, данные этому сознанию, которые необходимо учитывать при его продуцировании. Гуссерль пишет: «...сознание, если рассматривать его в “чистоте”, должно признаваться *замкнутой в себе взаимосвязью бытия*, а именно взаимосвязью *абсолютного бытия*, такой, в которую ничто не может проникнуть и изнутри которого ничто не может выскользнуть, такой, для которой не может существовать никакой пространственно-временной внеположности и какая не может заключаться ни в какой пространственно-временной взаимосвязи; такой, которая не может испытывать причинного воздействия со стороны какой бы то ни было вещи и которая не может причинно воздействовать на какую бы то ни было вещь» (Гуссерль 2009: 93).

4. Следует подчеркнуть, что феномены, связанные с психикой человека, которые рассматривает Гуссерль, интересовали, как правило, и Маха (сознание, переживания, восприятия, воспоминания, разум, воля, внимание, воображение, фантазия и др., а также душевные состояния: желания, аффекты, верования и др. – и ценностные установки, логической строй мышления, например суждения, и др.). Процессуальную сторону он характеризует так: это рефлексия, акты, высматривание, потоки, видение, обоснование, теоретизирование, спонтанность, воление и мн. др. Но проблемное поле для Гуссерля лежит в диаметрально противоположной плоскости – физико-физиологические механизмы, связанные с познавательными актами, его не интересуют. Подобный методологический подход он квалифицирует как натурализм и в своей феноменологии разрабатывает своеобразную «технология очищения» актов познания от всего непосредственного и опытно данного. При этом Гуссерль нацелен на обнаружение *самой сущности актов познания*: восприятия, воспоминания, фантазии, разума и др. Ведь очевидно отличие ощущений цвета от ощущений звука – значит, они по сути своей разные, и надо найти способ выделить их в чистом виде. У самого Гуссерля по этому поводу говорится следующее: «...мы описываем, а вместе с тем и определяем в *строгих* понятиях... родовую сущность восприятия и сущность подчиненных видов, как-то: восприятия физической вещественности, животных существ и т. д., равно как и сущность воспоминания вообще, вчувствования вообще, веления вообще и т. д. Однако им еще предшествуют наивысшие всеобщности, такие, как переживание вообще, *cogitatio* вообще, – они уже делают возможными объемлющие сущностные описания» (Гуссерль 2009: 140).

Способом проникновения в сущность когнитивных актов, согласно его методологии, является исследование *идей*, продуцируемых указанными ак-

тами. С помощью идей, представляемых и выражаемых понятиями, и осуществляется познание. Оно может сопровождаться (как фоном) волевыми усилиями, эмоциями, аффектами, оценками и пр. Именно с помощью идей раскрывается сущность познаваемого. Тождественность идей с сущностями вовсе не означает, что они нечто исключительное; как отмечает Гуссерль, «на деле же все и... непрерывно, видят “идеи” и “сущности”, оперируют ими в своем мышлении, осуществляют суждения относительно сущностей» (Гуссерль 2009: 44). Познавательная деятельность в чистом виде являет собой движение идей.

Как видим, интерес мыслителя прикован как к сущности когнитивных актов, так и к сущности того, что получается в результате познания; это подтверждает наш тезис о *теоретико-познавательной* заданности феноменологии Гуссерля.

5. Оригинальность его позиции в теории познания заключается в развитии *принципа интенциональности* (заложенного Гегелем). Интенциональность означает признание того, что актам сознания свойственна *направленность на предметы* или, как пишет об этом сам Гуссерль, «под интенциональностью мы понимали свойство переживания “быть сознанием чего-либо”» (Гуссерль 2009: 167); при этом он дает пояснение об атрибутивности данного свойства когнитивным актам: «Ведь от сущности любого актуального *cogito* неотделимо то, что оно есть сознание *чего-либо*» (Гуссерль 2009: 65). Следствием этого выступает и другой фундаментальный принцип гуссерлевской феноменологии – тезис о том, что «мир коррелятивен сознанию», который конкретизируется достаточно сильными утверждениями: «Существование природы не может обуславливать существования сознания, – ведь она сама выходит наружу как коррелят сознания; природа существует, лишь конституируясь в упорядочиваемых взаимосвязях сознания» (Гуссерль 2009: 97); или вот еще: «...весь *пространственно-временной мир*... это по своему смыслу лишь простое интенциональное бытие, т.е. такое бытие, которое обладает лишь относительным, вторичным смыслом бытия для сознания» (Гуссерль 2009: 94). При всем неприятии обыденным сознанием подобной трактовки высказанная оценка является всего лишь развитием кантовской позиции: без субъекта нет объекта и мир таков, каким ему позволяют быть познавательные способности человека; по сути, это одна из версий трансцендентальной установки в философии.

В приведенной цитате фигурирует понятие *смысла*, входящее в систему основных категорий гуссерлевской феноменологии. Когнитивные акты, в силу их интенционального характера направленные на различные предметные области, конституируют реальность путем наделения смыслами продуктов своей деятельности. Приведем пояснения и аргументы самого Гуссерля при введении смыслового контекста: «Любое интенциональное переживание... означает, что сущность его в том, чтобы скрывать в себе нечто, подобное “смыслу”... и затем, на основе такого наделения смыслом... осуществлять иные свершения, которые именно благодаря такому наделению смыслом и делаются “осмысленными”» (Гуссерль 2009: 179). Переход от понятия *сущности* познаваемого объекта к понятию *смыслов* втягивает

в аргументацию феноменолога еще один, не обозначенный ранее, аспект – *диалектику индивидуального и intersубъективного*, выводящего когнитивные акты за пределы отдельного субъекта. И это, согласно позиции Гуссерля, не просто вспомогательное дополнение, а принципиально значимая характеристика когнитивных процессов. В данной связи он пишет: «Конституированность... сопрягается в первую очередь с... индивидуальным сознанием, затем с возможным общим сознанием, т.е. с некоторой... множественностью находящихся между собой в “общении” Я-сознаний и потоками сознания, для которых intersубъективно возможно давать и отождествлять какую-либо вещь как то же самое действительное» (Гуссерль 2009: 270). Другими словами, intersубъективность – это сущностный признак когнитивных процессов, поскольку благодаря ей достигается действительность познанного. Конституирование идей не объяснимо только через индивидуальное сознание – оно вовлечено в intersубъективные процессы через механизмы общения, которые и обеспечивают идеям их действительность. А когда intersубъективность (совокупность общающихся со мной других Я-сознаний) приобретает масштаб универсальности (=человек как род), она становится тождественной чистому сознанию. У Гуссерля об этом сказано так: «...миры опыта, фактически обособленные, благодаря взаимосвязям актуального опыта складывались, создавая один-единственный intersубъективный мир, коррелируют единого мира умов (т.е. Универсального расширения человеческой общности, сведенной к жизни чистого сознания и к чистому “я”» (Гуссерль 2009: 91).

Тем самым согласно феноменологической методологии когнитивная психология должна учитывать *динамику индивидуального и межсубъектного*, с которой связано само существование когнитивных процессов.

6. И, наконец, мы должны задаться вопросом: как все это связано с возможностью создания ИИ? Ситуация кажется парадоксальной. Тот способ рассмотрения когнитивных процессов, который предлагает феноменология, выносит их за пределы реального: движение идей, смыслов, сущность восприятий, фантазий и пр. – это уровень «ирреального» (термин самого Гуссерля). Напротив, все, что связано с ИИ, нацелено на материализацию и воплощение в реальность. И хотя во времена Гуссерля до создания ИИ было еще далеко, он, предчувствуя данную проблему, замечает: «...если материальный мир есть – в отношении всякого сознания и его собственно сущности – “чужое”, “инобытие”, то как может сплетаться с ним сознание – с ним и... со всем чуждым сознанию миром?» (Гуссерль 2009: 71). Этим объясняется признаваемая им фундаментальная двойственность сознания, которую он фиксирует следующим образом: «...с одной стороны, сознание – это абсолютное, в котором... в конечном счете конституируется весь психофизический мир, а с другой стороны, сознание – это подчиненный реальный процесс в рамках этого мира» (Гуссерль 2009: 104).

7. Своеобразную постановку и достаточно убедительное решение данной проблемы мы находим в работе «Начало геометрии», где Гуссерль задается вопросом об условиях возникновения и дальнейшего развития вплоть до современности такой культурной формы, как геометрия. Геометриче-

ские идеи и смыслы, созданные в процессе духовного творчества первогеометров, он называет *идеальными предметностями*, которые, попадая в межсубъектное пространство и следуя одна за другой во времени, «оседают», формируя традицию в геометрии как науке. За счет чего достигается «...устойчивое существование “идеальных предметов” также и тогда, когда первооткрыватель и его товарищи не вступают в... контакт или вообще уже умерли» (Гуссерль 1996: 220). Идеи и смыслы не превращаются в ничто, но обретают сверхвременное/вневременное бытие, а по терминологии Э. Гуссерля становятся «идеальными объективностями», поскольку «беспрерывное» бытие идеям и смыслам придает язык. Обретая «языковую плоть», они и попадают во вневременное межсубъектное пространство. В этом контексте Гуссерль, по сути, выстраивает своеобразную *онтологию языка*: «Все... может быть выражено в языке. <...> Язык... есть функция и упражняемая способность, коррелятивно связанная с миром, с универсумом объектов... Таким образом, люди как люди, человечество окружающих людей, мир, о котором мы вообще... можем говорить, и, с другой стороны, язык нераздельно переплетены...» (Гуссерль 1996: 218). Язык органичен человеческому познанию, через него предстают и познающий, и мир познаваемых объектов. Задаваясь вопросом о том, «...как языковое воплощение из лишь внутрисубъективного делает образование объективным» (Гуссерль 1996: 216), Гуссерль приходит к признанию значимости *письменной формы языка*: «Важной функцией письменного, фиксирующего языкового выражения является то, что оно делает возможным сообщения без непосредственного личного обращения, что оно есть... виртуальное сообщение» (Гуссерль 1996: 220). Идеи и смыслы, получая воплощение в письменном языке, приобретают вневременное бытие, становятся виртуальной реальностью, но одновременно они и материализуются, ведь письменные знаки телесны. Это и есть аргумент в пользу возможности их технического воплощения. Виртуальная реальность хранит «осевшие» смыслы, и активировать их со временем можно только потому, что «...будучи языковыми знаками, они так же, как и звуки языка, вызывают соответствующие знакомые значения» (Гуссерль 1996: 221). В этих *знакомых значениях* в онтологии языка Гуссерля и выражена специфика его позиции, которая радикально отличает ее от других разновидностей онтологии языка, например в аналитической философии. Если согласно аналитической философии в знаках языка выражены фактуально-опытные значения, обращенные к миру объектов, то у Гуссерля в значениях как смыслах/идеях присутствуют и мир объектов, и человеческий мир.

Главное здесь заключается в том, что Гуссерль показал, как происходит процесс *человеческого* познания. Без учета движения смыслов и идей, без рефлексии оно не может быть адекватно реализовано. По сути, он исследует собственно человеческое в познании мира человеком.

Заключение

Завершая анализ, зададимся вопросом: как соотнести рассмотренные подходы Э. Маха и Э. Гуссерля? Насколько справедлива заявленная

в названии статьи оценка их как *альтернативных* методологических позиций? Альтернативность, с философской точки зрения, заключается в диаметральной противоположности тех оснований, вокруг которых выстраивается механизм познавательной деятельности в концепциях данных мыслителей. У Маха это физико-физиологические, биологические процессы, сближающие человека с животными; тогда как у Гуссерля это экзистенциально-гуманитарные факторы, выделяющие человека из всего земного мира. Указанные отличия проявляются и тогда, когда обнаруживаются, казалось бы внешне сходные, моменты. Вместе с тем альтернативность подходов не исключает возможности их взаимного дополнения. В данном случае мы говорим о дополнительности в том значении, которое, например, имел в виду Г. Башляр, отыскивая принцип соотношения классической и неклассической науки. Альтернативность как взаимоотрицание, которое для него и есть собственно «философское отрицание», он трактует так: «...видеть в этом просто дуализм было бы неправильно. Напротив, эпистемологическая полярность... свидетельствует скорее о том, что каждая из философских доктрин, называемых нами эмпиризмом и рационализмом, эффективны в своем дополнении друг друга. Одна позиция завершает другую» (Башляр 1987: 163). Башляровское философское отрицание явно производно от принципа дополнительности квантовой механики, выдвинутого Н. Бором. Философское отрицание, являющее собой в изложенной форме синтез альтернативных методологических подходов, предполагает развитие когнитивной психологии в проблемном поле, где представлены онтологические версии познавательной деятельности и Э. Маха, и Э. Гуссерля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Башляр Г. 1987. Новый рационализм : пер. с фр. / предисл. и общ. ред. А.Ф. Зотова. Москва : Прогресс. 376 с.

Брянник Н.В. 2015. Э. Мах и З. Фрейд как первооткрыватели и исследователи неклассического эксперимента // Австрия как культурный центр Европы : материалы III Междунар. науч. симпозиума, Екатеринбург, 29–30 октября 2014 г. Казань : Изд-во «Познание» Ин-та экономики, управления и права. С. 16–22.

Гуссерль Э. 1996. Начало геометрии. Введение Жака Деррида / пер., коммент. и послесл. М. Маяцкого. Москва : Ad Marginam. 267 с.

Гуссерль Э. 2009. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / пер. с нем. А.В. Михайлова ; вступ. ст. В.А. Куренного. Москва : Академ. Проект. 489 с.

Мах Э. 2003. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний. 456 с.

Мах Э. 2005. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. Москва : Издат. дом «Территория будущего». 304 с.

Fisette D. 2012. Phenomenology and Phenomenalism: Ernst Mach and the Genesis of Husserl's phenomenology // *Axiomathes*. Vol. 22, № 1. P. 53–74.

Penchev V. 2020. A reductionist reading of Husserl's phenomenology by Mach's descriptivism and phenomenalism // *Continental Philosophy eJournal*. Vol. 13, № 9. P. 1–4.

Nadezda V. Bryanic,

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: n.v.bryanik@urfu.ru

SPIN-код: 6184-2791

Article received 14.07.2020, accepted 03.12.2020, available online 05.04.2021

Alternative Philosophical Methodologies for Cognitive Psychology: Ernst Mach and Edmund Husserl

Abstract. Cognitive psychology is one of the most significant areas of modern science related to the creation of artificial intelligence (AI). The multifactorial conditionality of cognition is captured in variety of philosophical concepts, some of which can have applied meaning, including for cognitive psychology. The article considers two approaches that address diametrically opposite factors affecting cognitive activity. On the one hand, the diversity of cognition phenomena – from simple (sensations and representations) to the most complex (will, attention, memory, imagination, etc.) – depends on the psycho-physiological processes associated ultimately with physical energy. E. Mach based his concept on the ontology of psychophysiological parallelism. Back in the early 20th century, he designed the possibility of technical embodying of the results of his research on various phenomena and mechanisms of human cognitive activity. On the other hand, in the first decades of the 20th century, Husserl claims to create his own methodology for psychological science, which (methodology) simultaneously appears as the theoretical level of this field of science due to the fact that it explores the essence of the entire variety of cognitive phenomena, such as consciousness in its various variations, mental states, values and logical structure. Ideas/meanings peculiar only to human cognition acquire the character of “ideal objectivity” through written language. Written language, according to Husserl, is a way of virtual timeless storage and increment of ideas and meanings. At the same time, it can also become a means of their material, including technical, implementation. Mach in his methodology focuses on the physical, physiological, and biological aspects of the process of cognition; Husserl focused on existential and humanitarian factors that give cognitive activity a proper human character. This is the alternative of these approaches, which does not exclude the possibility of their mutual complementarity.

Keywords: E. Mach; E. Husserl; cognitive psychology; artificial intelligence; methodology; cognitive activity; material embodiment; alternative.

For citation: Bryanic N.V. *Al'ternativnye filosofskie metodologii dlya kognitivnoy psikhologii: Ernst Makh i Edmund Gusserl'* [Alternative Philosophical Methodologies for Cognitive Psychology: Ernst Mach and Edmund Husserl], *Antinomii = Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 27-44. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-27-44 (in Russ.).

References

Bachelard G. *Novyy ratsionalizm* [New rationalism], Moscow, Progress, 1987, 376 p. (in Russ.).

Bryanik N.V. *E. Makh i Z. Freyd kak pervootkryvateli i issledovateli neklassicheskogo eksperimenta* [E. Mach and Z. Freud as discoverers and researchers of non-classical experiment], *Avstriya kak kul'turnyy tsentr Evropy : materialy III Mezhdunar. nauch.*

simpoziuma, Ekaterinburg, 29-30 oktyabrya 2014 g., Kazan, Izdatelstvo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2015, pp. 16-22. (in Russ.).

Fisette D. Phenomenology and Phenomenalism: Ernst Mach and the Genesis of Husserl's phenomenology, *Axiomathes*, 2012, vol. 22, no. 1, pp. 53-74.

Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kn. 1* [Ideas to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. B. 1], Moscow, Akademicheskij Proekt, 2009, 489 p. (in Russ.).

Husserl E. *Nachalo geometrii. Vvedenie Zhaka Derrida* [Beginning of the geometry. Introduction By Jacques Derrida], Moscow, Ad Marginam, 1996, 267 p. (in Russ.).

Mach E. *Analiz oshchushcheniy i otnoshenie fizicheskogo k psikhicheskomu* [Analysis of sensations and the relation of the physical to the mental], Moscow, Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», 2005, 304 p. (in Russ.).

Mach E. *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya* [Knowledge and delusion. Essays on research psychology], Moscow, BINOM. Laboratoriya znaniy, 2003, 456 p. (in Russ.).

Penchev V. A reductionist reading of Husserl's phenomenology by Mach's descriptivism and phenomenism, *Continental Philosophy eJournal*, 2020, vol. 13, no. 9, pp. 1-4.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE



Фишман Л.Г. Удаленная занятость в период пандемии COVID-2019: исполнение желаний и «апокалипсис-лайт». DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-45-60 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 45–60.

УДК 323.3:331.1:7.067

DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-45-60

Удаленная занятость в период пандемии COVID-2019: исполнение желаний и «апокалипсис-лайт»¹

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН,
главный научный сотрудник Института
философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: lfishman@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5062-8291

ResearcherID: K-2346-2018

SPIN-код: 8725-9656

*Статья поступила 01.02.2021, принята к печати 10.03.2021,
доступна online 05.04.2021*

Статья посвящена имеющимся в обществе ожиданиям, связанным с COVID-2019. Показано, что из них в целом складывается картина будущего, так или иначе

¹ Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ № 20-04-60337 «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии».



© Фишман Л.Г., 2021

близкая к антиутопической или к такой, у которой без труда обнаруживается антиутопическая подоплека. Автор обосновывает, что сами ситуации кризиса и катастрофического выхода из него вызывают не только негативный отклик в душах многих людей и являются важным элементом если не мировой, то европейской культуры, частью которой мы являемся. Жизнь в условиях пандемии и есть в определенном смысле удовлетворение желаний, вытекающее из даруемых ситуацией новых возможностей и расширения границ прежней свободы. Не случайно имеющий место дискурс об удаленной занятости оперирует терминами удовлетворенности, счастья, исполнения желаний. Рассматривается роль «апокалипсиса-лайт» в современной культуре. Делается вывод, согласно которому мы вступили в эпоху, когда такие «апокалипсисы-лайт» в общественном сознании и бессознательном отчасти заменяют революции, никак не оправдываемые связываемые с ними надежды. Поэтому нередкое сегодня обещание дальнейших катастроф означает молчаливое признание того, что мир, в котором идея революции дискредитирована, не перестает нуждаться в переменах, и потому обречен на повторение контролируемых апокалипсисов.

Ключевые слова: COVID-2019, утопия, антиутопия, удовлетворение желаний, дистанционная занятость, счастье, «апокалипсис-лайт».

События, связанные с COVID-2019, привычно рассматриваются как триггер различных изменений, как катастрофа, которую усугубили экономический кризис и меры, предпринятые для борьбы с пандемией. Что будет после пандемии? Новый тоталитарный мир или более высокие степени свободы? Недостатка в ответах на эти вопросы нет. Они, по большей части, отражают мировоззренческие установки отвечающих и их желание видеть постковидный мир как результат кажущихся им необходимыми преобразований. Целью предлагаемой статьи не является детальный разбор данных установок и пожеланий, несмотря на то что голоса тех, кто их озвучивает, часто оказываются громче прочих. Здесь мы, опираясь как на данные научных исследований, так и на иные источники, хотим показать, что в том, каковым станет мир будущего, большую роль будут играть, во-первых, исполнение желаний множества «обычных людей», затронутых практиками периода пандемии (в первую очередь, практиками дистанционной занятости), и, во-вторых, позитивные ожидания, связанные с катастрофами как таковыми, в нашей культуре.

Привычные ожидания: смесь утопии и антиутопии

Тем не менее мы начнем с ожиданий ученых и публицистов, которые, по сути, не изменились сравнительно с тем, что ими говорилось до пандемии (см. об этом: Фишман, Мартьянов 2020). В общем виде эти ожидания представляют собой своего рода привычную смесь утопических и антиутопических прогнозов, оптимизма и алармизма. Хороших ожиданий в целом немного. В основном речь идет о картине будущего, так или иначе близкой к антиутопической или к такой, у которой без труда обнаруживается антиутопическая подоплека. Самый яркий пример тут, вероятно, – нашумевшая книга К. Шваба и Т. Маллерета о «великой перезагрузке». Авторы пытались выразиться максимально обтекаемо. Они рисовали такую

картину будущего, где преодолевается бездумная установка на экономический рост, но рост все же не прекращается; где правительства уделяют больше внимания «инклюзивному» и «устойчивому» подходу к управлению и измерению экономики, который также способствует росту рабочих мест, улучшению уровня жизни и защиты планеты (Schwab, Malleret 2020: 50)¹; где, наконец, исчезнет неолиберализм, отрицающий солидарность в угоду прибыли и доказавший свое банкротство тем, что две самые подверженные ему страны, Великобритания и США, понесли во время пандемии самые большие потери (Schwab, Malleret 2020: 61); где правительства заставят компании предлагать работникам контракты с такими льготами, как социальное и медицинское страхование (Schwab, Malleret 2020: 140) и т.д. Критики сразу же обнаружили антиутопическую подкладку этого прекрасного мира, отметив, что он описан языком, «принятым капитализмом, когда он отказывается от претензий на либеральную демократию и переключается на полностью фашистский режим»; по их мнению, такой сценарий означает «фашистское слияние государства и бизнеса», что ведет к дальнейшему укреплению могущества государства и к миру, в котором правительства, скорее всего, будут в интересах общества переписывать правила игры и постоянно повышать свою роль (Winter Oak 2020); в конечном счете все это «имеет под собой совершенно сатанинскую подоплеку» и есть «подготовка к антихристу» (Соловьёва 2020). Если даже капитализм рухнет, то нечто, идущее ему на смену, далеко от идеала. «Освобожденные от конкуренции, – замечает Я. Варуфакис, – колоссальные платформенные компании, такие как Amazon, удивительно хорошо справились с крахом капитализма и заменой его чем-то, напоминающим техно-феодализм» (Varoufakis 2020). Тревогу вызывает и перевод в режим онлайн изрядной части экономики, политики, культуры. В этом усматривается «возможность эмуляции реальности, в которой взаимодействовать между собой начнут “реплики-голограммы человека”, объединенные его “электронной личностью”. В то время как их “неповторимые оригиналы” могут быть заперты в тюрьме прямых физиологических потребностей или вообще оказаться лишены права на существование. Все переходит в виртуальное измерение бытия: деньги, товары, услуги, сами люди...»² В перспективе видятся сворачивание демократии, принудительная привязка населения к местам проживания, отказ от массового очного образования, редукция целых направлений экономической деятельности, всевластие цифровых корпораций, опора на агрессивные, деструктивные меньшинства, грубый уличный террор в отношении оппонентов³. Отмечается, что

¹ Здесь и далее перевод наш. — Л.Ф.

² Россия вырывается из матрицы «Темных веков»: Владимир Винников подвел итоги 2020 года, 30.12.2020. URL: https://riafan.ru/1362116-rossiya-vyrvaetsya-iz-matricy-temnykh-vekov-vladimir-vinnikov-podvel-itogi-2020-goda?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 01.03.2021).

³ Бойков И. Трамп проиграл окончательно. Что дальше? 11.01.2021. URL: <https://www.km.ru/world/2021/01/11/otnosheniya-rossii-i-ssha/884729-tramp-proigral-okonchatelno-chto-dalshe> (дата обращения: 01.03.2021).

Covid-19 предельно обнажил размежевание, уже существующее в мировой экономике, характеризующееся разнообразными проявлениями экономического неравенства, подавлением прав наемных работников, дискриминацией в отношении женщин, мигрантов и других лиц. «Эти факторы стали движущей силой национализма, экстремизма и недоверия во всех регионах мира»¹.

«Франшиза коронабесия» (по выражению М. Делягина) имеет своей целью скрыть от общественного сознания довольно-таки мрачное будущее, «замаскировать глубину перехода, который человечество сейчас совершает, чтобы снизить травматичность этого перехода для психики»². Если какая-то надежда на лучшее есть, то она весьма умеренная и омраченная скептицизмом. Предполагается, что в любом случае восстановление мировой экономики после спада, вызванного пандемией, будет длительным³. В плане социальной политики тоже многого ждать не стоит: «...если тема борьбы с неравенством выйдет на первый план в мировом масштабе, то, возможно, у нас в России тоже станут делать для уменьшения неравенства хотя бы немного больше, чем сейчас»⁴.

Словом, если подытожить подобные ожидания, все выглядит плохо сейчас и будет еще хуже; всякая попытка нарисовать утопию тут же оборачивается антиутопией. В данной ситуации не слишком помогают популярные рассуждения на тему «кризис – это возможности». Безусловно, разного рода кризисы в итоге ведут к прогрессу в технике, науке, быту и в конечном счете способствуют общему улучшению жизни. Однако высказываются обоснованные опасения, что новыми возможностями и плодами прогресса смогут воспользоваться далеко не все. Иными словами, будущее не осуществит наших желаний, а если и осуществит некоторые, то ненадолго и неудовлетворительным образом. Настоящее во время пандемии, если даже не учитывать сугубо материальных и иных лишений, тоже не сулит ничего хорошего.

Плюсы «апокалипсиса-лайт»

Однако, подойдя к таким заключениям касательно настроений ученых и общественных деятелей, трудно, несмотря на имеющиеся под ними основания, избавиться от ощущения, что мы упустили нечто важное.

¹ Барроу Ш. COVID: куда теперь? 30.12.2020. URL: <https://www.solidarnost.org/Blog/barrou/covid-kuda-terper.html> (дата обращения: 01.03.2021).

² Михаил Делягин: Коронавирус с нами навсегда, 22.10.2020. URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2020/10/28/koronavirus/881342-mikhail-delyagin-koronavirus-s-namivsegda> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Робертс М. Економіка пандемії: чому світ стоїть на порозі нової кризи, 11.02.2010. URL: <https://commons.com.ua/uk/ekonomika-pandemiyi/> (дата обращения: 01.03.2021).

⁴ Куликова Т. Станет ли 2020 год началом новой «эпохи беспорядка»? 17.09.2020. URL: <https://csruso.ru/nashi-universitety/politjekonomija/stanet-li-2020-god-nachalom-novoj-jepohi-besporjadka/> (дата обращения: 01.03.2021).

И это важно заключается вот в чем. Да, навевающие антиутопические ассоциации последствия пандемии сулят мало хорошего и, кажется, имеют мало общего с удовлетворением желаний. Но надо учитывать, что *сами ситуации кризиса и катастрофического выхода из него (по крайней мере, пост-фактум) вызывают не только негативный отклик в душах многих людей и являются важной частью если не мировой, то европейской культуры. Жизнь в условиях пандемии и есть в определенном смысле удовлетворение желаний, вытекающее из даруемых ситуацией новых возможностей и расширения – как это ни парадоксально – границ прежней свободы.*

Эффективность, удовлетворение желаний и счастье

Примеры этих новых возможностей и их границ легче всего найти в распространившейся практике удаленной работы и учебы и связанных с ней изменениях в образе жизни. По нашему мнению, следует обратить особенное внимание на комплексный, превосходящий экономические, политические или даже культурные рамки, антропологический характер складывающегося дискурса, в котором соображения эффективности переплетаются с дискурсами удовлетворенности, свободы, счастья, исполнения желаний¹.

Несмотря на то что удаленная занятость воспринимается многими как нечто потенциально вредное, несущее большие издержки в социальном смысле, нельзя не отметить, что у большинства ряд практик эпохи ковида не вызывает отторжения. Изменения, обозначившиеся во времена самоизоляции, локдаунов и удаленной работы, ослабляют удавку *modus vivendi*, сложившегося в период промышленной революции и урбанизации. Мало кому нравятся жизнь по графику, ежедневный подъем по будильнику, подстегивание себя ради поддержания в тонусе привычными стимуляторами в виде алкоголя и никотина, разнообразные способы, которыми тебя принуждают соблюдать трудовую дисциплину, и еще десять тысяч вещей, из-за которых большинство трудоспособного населения с нетерпением ждет пятницы. Поэтому при всех страхах пандемия встречалась и робкими надеждами на то, что «дистанционная занятость всем так понравится, что потом за уши не оттащишь». И это – вне зависимости как от реальной экономической эффективности дистанционной занятости, так и от действительных преимуществ и недостатков, которыми отличается последняя с точки зрения вовлеченного в нее человека.

В самом деле, если мы ознакомимся с разного рода прагматическими и экономическими соображения по поводу удаленной занятости, то заметим, что они, мягко говоря, противоречивы.

В пользу удаленной занятости свидетельствует ряд постоянно воспроизводимых прагматических соображений, согласно которым удаленные сотрудники так же эффективны, ибо почти не берут отгулов или больничных, лучше концентрируются на задаче. Труд вне офиса экономит

¹ Что можно обнаружить уже в исследованиях периода до пандемии, посвященных удаленной занятости (см., напр.: Contreras et al. 2020).

деньги работника и дает не менее ощутимую экономию работодателю. Она приносит выгоду и сотрудникам, так как значительно снижаются расходы не только на обеды в кафе и ресторанах вне офиса, но и на амортизацию автомобиля, одежды или обуви. Помимо прочего, указывается, что дистанционная занятость влечет за собой немалую экономию вообще на всяких расходах, если речь идет о переезде работника из дорогого региона в дешевый при сохранении прежней зарплаты. Для бизнеса это означает возможность сразу нанимать менее дорогих работников из провинции там, где это не влияет на качество работы.

В то же время совсем не редки соображения, полностью или частично дезавуирующие сказанное выше. В ряде случаев командной работы высокая продуктивность является следствием тесного взаимодействия именно оффлайн – и этот эффект сильнее для срочных и сложных задач. Кроме того, к примеру, у исследователей продуктивность удаленной работы в среднем выше, «чем у менеджеров и сотрудников», а «разброс производительности очень велик даже в пределах одного занятия» и лишь «небольшое количество людей ответило, что их продуктивность дома выше, чем в офисе»¹. К однозначно негативным последствиям перевода работников на дистант относят рост уровня бюрократии, падение креативности ввиду лишения живого неформального общения и снижение продуктивности по причине невозможности для ряда работников надолго сосредоточиться на своих обязанностях из-за необходимости отвлекаться на бытовые и семейные дела². Не случайно, по данным одного из социологических исследований, о повышении производительности чаще сообщали респонденты, не живущие с детьми и, следовательно, менее склонные к неожиданным перерывам в работе. А те, кто имеет высшее образование и ученую степень, оказывались менее продуктивными (Shi Xiao et al. 2020).

Не менее значима та часть дискурса об удаленной занятости, которая оперирует терминами удовлетворенности, счастья, исполнения желаний.

Действительно, в некоторых отношениях для многих людей жизнь во время пандемии и дистанта стала чуть больше отвечать их давним желаниям и потребностям. То же самое снижение беспокойства о финансовом положении, обусловленное упомянутой выше экономией, благотворно

¹ Morikawa M. COVID-19, teleworking, and productivity, 10.04.2020. URL: <https://voxeu.org/article/covid-19-teleworking-and-productivity> (дата обращения: 01.03.2021).

² За что боролись: почему Facebook и Google страдают от удаленки, 08.11.2020. URL: https://zen.yandex.ru/media/rbc_trends/za-cto-borolis-pochemu-facebook-i-google-stradaiut-ot-udalenki-5fa6ef8d1aeb58326c18ff58 (дата обращения: 01.03.2021).

³ Шаповалова В. Remote control: почему удаленной работы станет только больше, 20.01.2021. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/18742-remote-control-pochemu-udalennoy-raboty-stanet-tolko-bolshe?utm_source=vkontakte&utm_medium=smm&utm_campaign=18742&utm_content=post&utm_term=21.01 (дата обращения: 01.03.2021).

тем, что снижает общий уровень напряжения³. Отмечается, что на дистанте у многих улучшилось качество сна, которое ассоциируется с качеством жизни вообще, а кто-то получил возможность больше внимания уделять своим хобби – и все это не снизило производительности труда. Да и в целом участие в деятельности, не связанной с работой, помогло компенсировать потребность в непрерывной работе (Shi Xiao et al. 2020), которая столь характерна для многих наших современников. Однако если для некоторых трудовой коллектив в той или иной степени заменяет семью, то отдельные категории людей, напротив, чувствуют себя психологически комфортней, минимизируя общение «в реале». Тесное взаимодействие с коллективом не выглядит однозначным благом для них самих, и так же верно обратное.

Как замечает один из российских публицистов, «обыватели, обустроившись в разного вида “экосистемах”, вряд ли уже захотят вылезать оттуда своей тушкой на солнышко и тем более на холодные ветра. Уж слишком все там удобно, чтобы не вставать с дивана и не выходить/не выезжать из дома. Снаружи ведь плохая экология, пробки и платные парковки с платными дорогами между ними»¹. Поэтому не удивительно, что, как следует из результатов исследования сервиса по поиску работы SuperJob, в конце 2020 г. желающих остаться на удаленной работе после нормализации эпидемиологической обстановки обнаружился 41%, тогда как в апреле их было 19%². Удаленный сотрудник чувствует себя счастливее ввиду самой возможности «хотя бы иногда самостоятельно выбирать условия труда» и не спешить утром³. Если не счастливей, то комфортней, как выяснилось, чувствуют себя дистанционные работники с иммиграционным прошлым: уменьшение физического контакта с клиентами и коллегами влечет и снижение дискриминации по этническому признаку (Baert et al. 2020: 15). Однако степень субъективной удовлетворенности дистанционных работников существенно зависит от того, являются ли они родителями или нет; работают ли они в будние дни или в выходные и праздничные. Например, родители, особенно мужчины, менее удовлетворены, если им приходится брать работу на дом в будние дни; в то же время степень удовлетворенности возрастает, когда работа берется на выходные или праздники (Song, Gao 2020).

В некоторых отношениях дистант понравился студентам, которые «уже привыкли к дистанционному формату, нашли в нем много плюсов – в частности возможность совмещать учебу с работой и другими занятиями»⁴.

¹ Бовт Г. Он ушел. Все будет хорошо, 14.01.2021. URL: <https://blogrb.ru/author-articles/264953> (дата обращения: 01.03.2021).

² Желających остаться на удаленке навсегда стало больше в 2 раза, 26.12.2020. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112617/zhelayuschih-ostatsya-na-udalenske-navsegda-stalo-bolshe-v-2-raza/> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Шаповалова В. Remote control: почему удаленной работы станет только больше.

⁴ Ефимова А. «Решение противоречиво»: почему в вузах боятся выхода с дистанта, 29.01.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/01/29/13459958.shtml> (дата обращения: 01.03.2021)

Отдельно отметим, что осмысление благ удаленной занятости (и не только занятости в смысле работы) в категориях счастья и удовлетворенности прямо связано с проблематикой самореализации и переоценки жизненных ценностей. Поэтому нередки высказывания в том духе, что: «коронавирус нанес мощный удар по понтам в образовании высшем. Встал вопрос: а зачем платить за обучение в крутом университете порой десятки тысяч долларов, чтобы потом тебе не дали визу или перевели на дистант? Оно того стоит? Ответ на этот вопрос может сформироваться уже в самое ближайшее время. У дистанционного обучения в высшем образовании куда больше шансов на развитие, чем в школьном»¹. Впрочем, и в школьном образовании оказывается не все плохо, поскольку обучение онлайн может осмысливаться не как временная неполноценная замена очным урокам, а как совершенно другой жанр, дающий новые возможности тем, кто хочет и может ими воспользоваться. «И этот новый жанр порой куда более эффективен! Он позволяет пригласить на урок специалиста, который постеснялся бы прийти в школу, позволяет совместно работать над текстом, программой или базой данных, позволяет участвовать в уроках даже тем, кто вчера простудился или сегодня обленился. Это куда более гибкая форма, но она, с другой стороны, требует от ребенка желания. И если он не хочет учиться – заставить его невозможно»².

Что останется после пандемии?

На наш взгляд, было бы ошибочным отвечать на этот вопрос, как это нередко делается, некритически экстраполируя на будущее ряд практик, вызванных сугубо эпидемиологической спецификой сегодняшнего кризиса. Утверждения вроде «медицинская маска может стать такой же привычной деталью повседневного гардероба, как капюшон или шарф»³ имеют под собой не больше оснований, чем как если бы после мировых войн предсказывалось, что солдаты и в мирной жизни продолжат по привычке ходить в каске.

С позиции сегодняшнего дня мы не можем дать достаточно взвешенного ответа о перспективах дистанционной занятости и иных связанных с пандемией практик. Причина банальна: массовый и резкий переход к дистанционной работе в условиях пандемии (даже в тех секторах и сферах деятельности, которые вряд ли будут экспериментировать с удаленной работой в обычных обстоятельствах) обусловил ряд негативных явлений, которых не произошло бы или которые были бы сглажены (и сглаживаются методом проб и ошибок) в относительно нормальных условиях. То, что способно несколько расширить степень доступной наемному работнику свободы, в экстремальных условиях пандемии не может полностью

¹ Бовт Г. Он ушел. Все будет хорошо.

² Десницкий А. Дивный новый частный мир, 20.01.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/13447304.shtml> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Мир постковидного периода: как пандемия навсегда изменит нашу жизнь, 25.05.2020. URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/184481> (дата обращения: 01.03.2021).

реализоваться хотя бы потому, что удаленная работа во время изоляции оказывается заряжена сильным негативным эмоциональным компонентом, связанным с неуверенностью в сохранении здоровья и даже самой жизни. Поэтому наиболее обеспокоенные по поводу разных аспектов, не соотносимых с профессиональной деятельностью, работники показывают «более скромный рост во взаимосвязи между производительностью удаленной работы и удовлетворенностью удаленной работой» (Toscano, Zappalà 2020).

Тем не менее мы окажемся в действительно новом мире, когда отягощающие возможность адекватного прогноза эпидемиологические факторы сойдут на нет. В нем будут распространены разнообразные сочетания дистанционной и обычной занятости, которые дадут большему числу людей большую степень комфорта и свободы, нежели прежде. Не все из них будут полностью новыми. Однако возможность выбирать время и место для выполнения профессиональных обязанностей, что было доступно в основном элитам, интеллектуалам, представителям свободных профессий, станет реальной для некоторой части тех, кому в этом раньше было отказано. Например, некоторые работники, выполняющие «низкоквалифицированные и стандартизированные задачи», получили большую степень свободы от прямого контроля; некоторые «смогли занять больше ниш независимости в новой ситуации и были в большей степени способны противостоять давлению руководства, требующему большего контроля и стандартизации». Все они имеют теперь возможность более гибко управлять своим временем. «И именно по этой причине подавляющее большинство респондентов желают закрепить практику удаленной работы также после окончания изоляции» (Massimo 2020).

Как говорил Спиноза, для человека самым ценным является другой человек; в то же время, по словам Сартра, «другие» являются «адам». Происходящая оптимизация практик занятости означает сохранение взаимодействия с «другими» и прежних дисциплинарных практик ровно (в идеале) настолько, насколько это технически необходимо для выполнения собственно работы и частично для поддержания психологического комфорта, удовлетворения определенных экзистенциальных потребностей. В этом смысле тонкая настройка занятости, делающая ее «гибридной» (сочетание онлайн и оффлайн), может поднять эффективность работы, облегчить психическое состояние многих, притушить для них огни этого вечного горящего ада. Гибридная занятость в пронизанном антагонизмами и отчуждением обществе способна хотя бы слегка смягчить последствия этого отчуждения. Она не исправляет социальных пороков, но позволяет на индивидуальном уровне несколько уклоняться от их последствий. Это шаг вперед к свободе создавать для себя чуть более комфортный мир с меньшей долей обезличивающих дисциплинарных практик и прямого принуждения и самопринуждения. Разумеется, ее потенциальными противниками оказываются те, чьи экзистенциальные потребности, в том числе и удовольствие от отношений доминирования и прочих отчуждающих отношений, перестанут удовлетворяться или будут удовлетворяться

в меньшей степени, чем прежде. Насколько они будут иметь успех – это уже, как говорят марксисты, определяет «соотношение сил в классовой борьбе» и экономическая целесообразность.

Мир, нуждающийся в «апокалипсисах-лайт»?

Из сказанного выше может возникнуть впечатление, что мы рассматриваем пандемию как событие достаточно случайное, чья функция (быть триггером назревших изменений) с успехом могла бы быть выполнена если не революциями, так реформами, как это было еще в относительно недавнем прошлом. Однако это не верно. Значение пандемии во многом обусловлено тем, какую роль стал играть сам концепт катастрофы, апокалипсиса, крушения мира в общественном сознании, о чем косвенно свидетельствует обилие фильмов и книг на данную тему, появившихся в последние десятилетия¹.

Ситуация катастрофы открывает пути для удовлетворения желаний не только в том мирном и рутинном облике, который был описан выше. Катастрофические события и периоды – это всегда еще и повод для удовлетворения определенного вида индивидуальных и социальных потребностей, которые не могут быть полностью удовлетворены в стабильные времена. Поэтому люди, пережившие, например, тяжелую войну (на фронте или в тылу), нередко вспоминают ее как лучшее время в своей жизни или как время, в которое они смогли испытать утраченные позднее чувства единения, солидарности, воинского братства, причастности к чему-то великому и т.д. Сказанное выше о таких «праздниках общей беды» в значительной мере касается и пандемии COVID-2019. (Следует уточнить, что, хотя, к примеру, солидарность несколько затруднительно проявлять в ситуации, когда требуется минимализация непосредственных контактов с другими людьми, сама самоизоляция, помощь с покупкой продуктов пенсионерам, тщательное соблюдение правил ношения масок и т.д. могут рассматриваться как проявление солидарности.)

Однако описанными выше психологическими коллизиями данный аспект нашей культуры не исчерпывается. У европейцев, в том числе и у нас, чрезвычайно востребована, в первую очередь в области художественной фантазии, апокалиптическая тема. В ней великие катастрофы и возникающие относительно них ожидания играют роль, которую трудно переоценить.

Связанные с катастрофами ожидания суть ожидания на порядок больших, чем ранее, возможностей и свободы – пусть даже и ценою крушения прежнего мира с гибелью большинства или значительной части людей. Возбуждаемая катастрофа здесь выступает как повод сбросить гнет культуры и цивилизации, недовольство которым проявляется в той или иной форме у любого человека. Как заметил в свое время З. Фрейд, «каждый отдельный

¹ Этот массив произведений искусства, разумеется, заслуживает отдельного рассмотрения, однако последнее не является темой нашего исследования. Мы указываем здесь на него исключительно как на факт, самоочевидный для всякого не совсем изолированного от массовой культуры читателя.

индивид виртуально является врагом культуры... Примечательно, что, как бы мало ни были способны люди к изолированному существованию, они, тем не менее, ощущают жертвы, требуемые от них культурой ради возможности совместной жизни, как гнетущий груз» (Фрейд 2013). То же самое относится и к труду, который, как отмечал Э. Мунье, «всегда оказывается навязанным» и содержит «элемент принуждения, сколько бы незначительным он ни был»; последний, правда, ослабляется в той мере, в какой труд «выполняется свободно (а тем более, если он выполняется по призванию или по любви)» (Мунье 1999: 146).

Поэтому и постапокалиптика (литература, кино) выражает не столько пессимизм и эскапизм, сколько стремление к исполнению желаний, обычных для человека общества, пронизанного разного рода принуждением, обусловленным неравенством, борьбой за существование, эксплуатацией и прочими неприглядными явлениями. Даже относительно успешный в таком мире человек далеко не всегда чувствует себя счастливым и самореализовавшимся. И поэтому катастрофа для него является одновременно крушением прежних социальных перегородок, появлением новых возможностей, началом в чем-то лучшего, более естественно-го, нежели утраченный, мира. Постапокалиптика как жанр отвечает желаниям среднестатистического человека, который не может избавиться от недовольства трудом и культурой, но разочаровался в утопиях, призывающих к построению лучшего мира. Что остается после этого? Открытое признание готовности построить свое счастье на руинах такого мира, который все равно невозможно изменить к лучшему. В этом признании единоклассники, к примеру, герои американской постапокалиптики столетней давности и современной российской. Так, главный герой книги Ингланда «Незанятый мир», инженер Стерн, пробудившись спустя тысячелетия после исчезновения человечества, не чувствует себя слабым и разбитым, напротив. То же самое можно сказать и о его спутнице. Характерно, что герои Ингланда в финале поселяются на комфортабельной вилле, ранее принадлежавшей миллионеру; такого, понятно, они не могли позволить себе в своей прошлой жизни (Ингланд). А вот сходные рассуждения, которые современный российский автор приписывает своему герою: «(его. – Л.Ф.) если честно, катастрофа лишила немного – жизнь, какую он был вынужден вести раньше, нравилась ему куда меньше, чем нынешняя, опасная, но зато разнообразная и непредсказуемая, лишенная удушающей рутины существования обычного горожанина. Уж лучше “гориллы”, “собаки” и “кузнечики”, чем монстры прежних времен – бюрократы-чиновники, жадные гаишники или трамвайные хамы. Если нынешние всего-навсего пытались убить тебя, то прежние “сосали кровь” понемногу, растягивали убийство на долгие годы, превращали его в невероятно долгую пытку» (Казаков).

Понятно, что на практике мало кто всерьез пожелал бы радикального расширения возможностей ценой *тотальной* катастрофы. «Миру провалиться, лишь бы мне чай свой завсегда пить» – такие речи уместны, скорее, в устах литературного героя, чем рядового обывателя. Но в период

«апокалипсиса-лайт», не несущего экзистенциальной угрозы человечеству, выявляется некоторый потенциал расширения рамок возможностей и свободы, который легитимируется чрезвычайностью ситуации. И такое развитие событий грозит затянуться на неопределенное время, повторяться снова и снова и даже усугубиться, если верить прогнозам ВОЗ и Билла Гейтса. Тем более что ситуация «апокалипсиса-лайт» достаточно противоречива в плане «недовольства культурой и трудом». Локдауны и жесткая самоизоляция, как мы видим, на индивидуальном уровне повлекли за собой эксцессы, связанные с нешуточными страданиями, вызванными отказом от прежней степени вовлеченности в культурную жизнь и трудовые занятия. Стресс, вызванный последним, породил или обострил ряд имевшихся ранее психических патологий¹, у многих «культурные потери» стали причиной ощущения неопределенности, деперсонализации, постоянного страха, привели к некоторой дегуманизации². Утрируя, можно заметить, что таким образом невольно была осуществлена профилактика «крушения цивилизации», вызванного общим недовольством трудом и культурой. В труде и культуре отказали настолько резко и радикально, что многие ощутили не только их материальную ценность (зарплата), но и экзистенциальную необходимость.

Так или иначе, пандемия на некоторое время открыла окно возможностей для частичной реализации желания ослабить гнет культуры и труда. «Апокалипсис-лайт» может восприниматься как ситуация, в которой возможности и свобода, конечно, не вырастают взрывообразно, однако расширяются быстрее, чем обычно, обнаруживая новые контуры границ свободы.

Но обещания новой свободы могут и не реализоваться, особенно если учесть антиутопические прогнозы. Или если речь идет об «апокалипсисе-лайт», то его одного может не хватить и потому потребуется еще один или больше. Возможно, мы вступили в такое время, когда «апокалипсисы-лайт» в общественном сознании и бессознательном отчасти заменяют дискредитированные³ революции и связанные с ними надежды. Поэтому обещания дальнейших подобного рода катастроф и призывы готовиться к ним, непрерывно оглашаемые различными персонами и организациями, только на

¹ Вознесенская Д. Труссы на голове и мешок соли у дома: как COVID-19 сказался на психике россиян, 15.10.2020. URL: <https://newizv.ru/news/society/15-10-2020/trusy-na-golove-i-meshok-soli-u-doma-kak-covid-19-skazalsya-na-psihike-rossiyan> (дата обращения: 01.03.2021).

² «Возвращения не будет»: как пандемия изменила нашу психологию, 27.01.2021. URL: <https://zen.yandex.ru/media/ideanomics/vozvrasceniia-ne-budet-kak-pandemiia-izmenila-nashu-psihologiiu-6011a0252ff89f235777b4bd> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Это обусловлено крушением «мировой системы социализма», а также последствиями ряда «цветных революций». Сам по себе рост протестной активности в последние годы и даже десятилетия не означает автоматической реабилитации идеи революции в силу того, что действительно успешных революций (кроме нескольких «цветных» с сомнительными последствиями) она не влечет.

поверхностном уровне являют собой попытки предупредить или напугать. На самом деле они означают молчаливое признание того, что мир, в котором идея революции дискредитирована, не перестает от этого нуждаться в переменах, и потому обречен на повторение своего рода контролируемых апокалипсисов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Инглэнд Дж.А. Незанятый мир. URL: <http://fantasy-worlds.net/lib/id29995/read/> (дата обращения: 01.03.2021).

Казakov Д. Перегрузка. URL: <http://fantasy-worlds.net/lib/id17285/read> (дата обращения: 01.03.2021).

Мунье Э. 1999. Манифест персонализма. Москва : Республика. 558 с.

Соловьёва Т. 2020. Великая перегрузка. Четвертая промышленная революция. Куда нас всех ведут, 17.11.2020. URL: <https://solovyeva.livejournal.com/344413.html> (дата обращения: 01.03.2021).

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С. 2020. После коронавируса: от оптимизированного старого к новому миру? // Свободная мысль. № 3. С. 9–28.

Фрейд З. 2013. Будущее одной иллюзии. Харьков : Фолио. 160 с. URL: https://librebook.me/the_future_of_an_illusion/vol1/1 (дата обращения: 01.03.2021).

Baert S. et al. 2020. The COVID-19 Crisis and Telework: A Research Survey on Experiences : Technical Report / S. Baert, L. Lippens, E. Moens, P. Sterkens, J. Weytjens ; Institute of Labor Economics // Discussion Paper Series. May. 37 p. URL: <http://ftp.iza.org/dp13229.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).

Contreras F. et al. 2020. E-Leadership and Teleworking in Times of COVID-19 and Beyond: What We Know and Where Do We Go. DOI 10.3389/fpsyg.2020.590271, 11.12.2020 / F. Contreras, E. Baykal, G. Abid // Front. Psychol. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.590271/full> (дата обращения: 01.03.2021).

Massimo F.S. 2020. Impact of the Covid-19 confinement measures on telework in France : A qualitative survey / European Commission. JRC Technical Report. 56 p. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/sites/jrcsh/files/jrc122669.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).

Schwab K., Malleret T. 2020. COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing. 212 p. URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

Song Y., Gao J. 2020. Does Telework Stress Employees Out? A Study on Working at Home and Subjective Well-Being for Wage/Salary Workers. DOI 10.1007/s10902-019-00196-6 // Journal of Happiness Studies. № 21. P. 2649–2668. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10902-019-00196-6> (дата обращения: 01.03.2021).

Shi Xiao et al. 2020. Factors Influencing Teleworking Productivity – a Natural Experiment during the COVID-19 Pandemic. DOI 10.32866/001c.18195, 22.12.2020 / Shi Xiao, Anne Vernez Moudon, Brian H.Y. Lee, Qing Shen, Xuegang (Jeff) Ban // Findings. URL: <https://findingspress.org/article/18195-factors-influencing-teleworking-productivity-a-natural-experiment-during-the-covid-19-pandemic> (дата обращения: 01.03.2021).

Toscano F., Zappalà S. 2020. Social Isolation and Stress as Predictors of Productivity Perception and Remote Work Satisfaction during the COVID-19 Pandemic: The Role of Concern about the Virus in a Moderated Double Mediation. DOI 10.3390/

su12239804 // Sustainability. № 12 (23). 9804. 14 p. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/23/9804> (дата обращения: 01.03.2021).

Varoufakis Y. 2020. The Seven Secrets of 2020, 28.12.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/seven-secrets-revealed-by-2020-by-yanis-varoufakis-2020-12> (дата обращения: 01.03.2021).

Winter Oak. 2020. Klaus Schwab & His Great Fascist Reset, 12.10.2020. URL: <https://off-guardian.org/2020/10/12/klaus-schwab-his-great-fascist-reset/> (дата обращения: 01.03.2021).

Leonid G. Fishman,

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5062-8291

ResearcherID: K-2346-2018

SPIN-код: 8725-9656

Article received 01.02.2021, accepted 10.03.2021, available online 05.04.2021

Remote Jobs During COVID-2019 Pandemic: Fulfillment of Desires and “Apocalypse-lite”

Abstract. This article focuses on expectations in society related to COVID-2019. It is shown that these expectations suggest a picture of future that is close either to a dystopian one or to the one with clear dystopian background. The author proves that such crisis situation and the catastrophic way out of it provokes not just the negative response in the souls of many people being an important part of at least European culture, which we are part of. Life in a pandemic is, in a sense, the satisfaction of desires arising from the new opportunities given by the situation and the expansion of the boundaries of the former freedom. It is no coincidence that the current discourse about remote employment operates in terms of contentment, happiness, and fulfillment of desires. The role of “light-apocalypse” in modern culture is considered. The author concludes that we have entered an era when such “light-apocalypses” partly replace discredited revolutions and associated hopes in public consciousness and unconsciousness. Therefore, nowadays the frequent promise of further catastrophes means a tacit recognition that a world with discredited idea of revolution is still in need for changes, and therefore is doomed to a repetition of controlled apocalypses.

Keywords: COVID-2019; utopia, dystopia; wish fulfillment; distance employment; happiness; “light-apocalypse”.

For citation: Fichman L.G. *Udalennaya zanyatost' v period pandemii COVID-2019: ispolnenie zhelaniy i «apokalipsis-layt»* [Remote Jobs During COVID-2019 Pandemic: Fulfillment of Desires and “Apocalypse-lite”], *Antinomii = Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 45-60. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-45-60 (in Russ.).

The work was supported by the research project under the RFBR grant No. 20-04-60337 “Optimization of socio-economic principles of modern societies regulation in the context of the coronavirus pandemic consequences”.

References

Baert S., Lippens L., Moens E., Sterkens P., Weytjens J. The COVID-19 Crisis and Telework: A Research Survey on Experiences : Technical Report; Institute of Labor Economics, *Discussion Paper Series*, 2020, may, 37 p., available at: <http://ftp.iza.org/dp13229.pdf> (accessed February 10, 2021).

Contreras F., Baykal E., Abid G. E-Leadership and Teleworking in Times of COVID-19 and Beyond: What We Know and Where Do We Go. DOI 10.3389/fpsyg.2020.590271, 11.12.2020, *Front. Psychol.*, 2020, available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.590271/full> (accessed February 10, 2021).

England G.A. *Nezanyatyty mir* [Unoccupied World], available at: <http://fantasy-worlds.net/lib/id29995/read/> (accessed February 10, 2021). (in Russ.).

Fishman L.G., Martyanov V.S. *Posle koronavirusa: ot optimizirovannogo starogo k novomu miru?* [After Coronavirus: From Optimized Old to New World?], *Svobodnaya mysl'*, 2020, no. 3, pp. 9-28. (in Russ.).

Freud S. *Budushchee odnoy illyuzii* [The future of one illusion], Kharkiv, Folio, 2013, 160 p., available at: https://librebook.me/the_future_of_an_illusion/vol1/1 (accessed February 10, 2021). (in Russ.).

Kazakov D. *Perezagruzka* [Reboot]. available at: <http://fantasy-worlds.net/lib/id17285/read> (accessed February 10, 2021). (in Russ.).

Massimo F.S. *Impact of the Covid-19 confinement measures on telework in France : A qualitative survey*, European Commission, JRC Technical Report, 2020, 56 p., available at: <https://ec.europa.eu/jrc/sites/jrcsh/files/jrc122669.pdf> (accessed February 10, 2021).

Mounier E. *Manifest personalizma* [Manifesto of Personalism], Moscow, Respublika, 1999, 558 p. (in Russ.).

Schwab K., Malleret T. *COVID-19: The Great Reset*. Forum Publishing, 2020, 212 p., available at: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf (accessed February 10, 2021).

Shi Xiao, Vernez Moudon A., Lee B.H.Y., Qing Shen, Ban X. Factors Influencing Teleworking Productivity – a Natural Experiment during the COVID-19 Pandemic. DOI 10.32866/001c.18195, 22.12.2020, *Findings*, 2020, available at: <https://findingspress.org/article/18195-factors-influencing-teleworking-productivity-a-natural-experiment-during-the-covid-19-pandemic> (accessed February 10, 2021).

Solovyeva T. *Velikaya perezagruzka. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. Kuda nas vsekh vedut*, 17.11.2020 [The Great Reset. The fourth industrial revolution. Where are we all being taken], available at: <https://solovyeva.livejournal.com/344413.html> (accessed February 10, 2021). (in Russ.).

Song Y., Gao J. Does Telework Stress Employees Out? A Study on Working at Home and Subjective Well-Being for Wage/Salary Workers. DOI 10.1007/s10902-019-00196-6, *Journal of Happiness Studies*, 2020, no. 21, pp. 2649-2668, available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10902-019-00196-6> (accessed February 10, 2021).

Toscano F., Zappalà S. Social Isolation and Stress as Predictors of Productivity Perception and Remote Work Satisfaction during the COVID-19 Pandemic: The Role of Concern about the Virus in a Moderated Double Mediation. DOI 10.3390/su12239804, *Sustainability*, 2020, no. 12 (23), 9804, 14 p., available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/23/9804> (accessed February 10, 2021).

Varoufakis Y. *The Seven Secrets of 2020*, 28.12.2020, available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/seven-secrets-revealed-by-2020-by-yanis-varoufakis-2020-12> (accessed February 10, 2021).

Winter Oak. *Klaus Schwab & His Great Fascist Reset*, 12.10.2020, available at: <https://off-guardian.org/2020/10/12/klaus-schwab-his-great-fascist-reset/> (accessed February 10, 2021).



Гильмуллин А.Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-61-77 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 61–77.

УДК 34.01

DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-61-77

Сохранение человечества как фундаментальное основание права

Айнур Разифович Гильмуллин

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета
Казанского федерального университета,
г. Казань, Россия.

E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9842-8587

ResearcherID: H-8573-2018

ScopusID: 57211906682

SPIN-код: 9974-2337

*Статья поступила 16.04.2020, принята к печати 18.11.2020,
доступна online 05.04.2021*

Статья посвящена вопросам правопонимания, а именно генезису права, установлению существенных признаков и закономерностей его возникновения и развития. В ходе анализа учитываются не только научно установленные и практические особенности правовой реальности в историческом либо современном ключе, но и «нажитый» материал антропологии, социологии, философии, биологии и техногуманистики, что свидетельствует о междисциплинарном характере исследования. В работе рассматриваются выборочные социальные коммуникации, характерные



© Гильмуллин А.Р., 2021

для протообществ, в целях изучения естественных и социальных признаков человека и выявления их влияния на функционирование разума человека. Речь идет о разумном отборе как истинном и объективистском по своему характеру принципе, на основе которого происходили рациональные исключения либо трансформация нежизнеспособных, разрушительных для общественного существования и развития моделей поведения и при помощи которого были созданы величайшие императивы для всего человечества, в дальнейшем получившие свое воплощение в нравственных, религиозных догмах и т.д., а самое главное, обеспечившие сохранение природы человека. Разумный отбор на определенном историческом этапе развития человека свидетельствует, что единственным цивилизованным инструментом сохранения природы человека, способным выступить эффективным и безопасным регулятором, является право, фундированное на сохранении природы человека и реализуемое исключительно в условиях государственного (институционального) регулирования общественных отношений. На основе анализа исторической адаптации человека, а также современных вызовов, продиктованных научно-биотехнологическим прогрессом и проблемами, связанными с гендерной идентичностью и сексуальной ориентацией человека, отстаивается позиция, согласно которой природа человека, в том числе на современном этапе развития, нуждается в ее защите посредством права.

Ключевые слова: сохранение природы человека, позитивное право, разум, естественное право, правопонимание.

Отсутствие в правовой теории консолидированного, универсального понятия права является не только вечной и неизменной проблемой (Wacks 2012), но и преградой для эффективного построения и функционирования всей правовой системы, в частности процессов законотворчества и судопроизводства, общественно-правовой практики взаимодействия людей в государстве. Этой точки зрения придерживаются многие отечественные исследователи. Так, М.И. Байтин полагает, что «творческое исследование... разносторонних проблем... возможно лишь на основе верного понимания права...» (Байтин 2001: 17). М.Н. Марченко, рассуждая о проблемах правопонимания, констатирует: «...успешное решение их весьма важно не только само по себе как правовая самоценность и самодостаточность, но и в связи с познанием других неразрывно связанных с понятием права явлений и отражающих их категорий и понятий» (Марченко 2016: 10-11). При этом необходимо отметить, что не все авторы разделяют мнение о необходимости выработки единого понятия права. Например, Е.А. Лукашева, анализируя многочисленные попытки дать определение праву, приходит к выводу, что «единого понятия нет, да и не должно быть» (цит. по: Графский 2003: 10). Важно и то, что помимо ученых-юристов о серьезности проблемы правопонимания говорят и представители высшей судебной инстанции. Председатель Конституционного Суда России (КС РФ) В.Д. Зорькин, делая замечание по поводу российской теории права, подчеркивает: «Задачи суда были бы существенно облегчены, если бы он мог опираться на общепризнанную в теории и практике правовую доктрину, выражающую своего рода *“communis opinio doctorum”* по вопросу о понятии права» (Зорькин 2010). Схожей позиции придерживается и другой судья КС РФ, К.В. Арановский, который

в одном из интервью отметил, что «в конституционном праве есть, кажется, неясности в ориентирах правопонимания» (Арановский 2019).

На наш взгляд, при разработке концепции правопонимания следует не только учитывать имеющиеся в науке теории правопонимания, исследования современных политико-правовых проблем в национальном, международном праве и т.д. (что безусловно необходимо), но также и выявлять закономерности происхождения права. Установление закономерностей возникновения права может способствовать переосмыслению социальной природы, функциональных и аксиологических признаков и принципов права, а также его роли как социального регулятора общественных отношений в решении социальных задач на современном этапе развития цивилизации.

В этой связи мы предполагаем обратиться к фундаментальным истокам возникновения права, а именно на основе фрагментарного анализа ключевых (переломных) событий (как исторических, так и связанных с современными вызовами) попытаемся установить причины и закономерности, послужившие порождению права как формального регулятора социального взаимодействия и разумного средства, способного обеспечить сохранение природы человека. В целях обеспечения полноценного и концептуального разрешения поставленной задачи мы будем опираться на междисциплинарный метод исследования, а именно на материалы антропологии, социологии, философии, а также данные биологии и техногуманистики.

Как известно, человек – это социобиологический элемент бытия, которому для существования, развития и жизнеобеспечения необходимо коммуникативное взаимодействие с себе подобными. Как отмечается в литературе, в процессе «своей адаптации человек меняет среду, и одновременно происходят изменения и общественных отношений людей» (Хрисанфова, Перевозчиков 2005: 208). Именно взаимодействие с людьми позволяет человеку удовлетворить его естественные потребности (интересы). Происхождение такого взаимодействия (как отправной, фундаментальный признак, условие возникновения права) необходимо рассматривать начиная с потестарных отношений индивидов, когда не существовало таких социальных институтов, как семья, государство, религия, закон.

Согласно данным антропологии, уже на ранних стадиях своего развития человек не мог справиться в одиночку с теми вызовами, которые ставила перед ним его среда обитания. Отсутствие помощи при добывании пищи, строительстве крова, обеспечении безопасности, защите детенышей и т. д. означало скорейшее вымирание. Как писал по этому поводу П.А. Кропоткин, «естественно, что среди очень многих человекоподобных видов, с которыми человек находился в борьбе за жизнь, выжил тот вид, в котором было сильнее развито чувство взаимной поддержки, тот, где чувство общественного самосохранения брало верх над чувством самосохранения личного, которое могло иногда влиять в ущерб роду или племени» (Кропоткин 1991: 207).

Французский ученый-антрополог Тейяр де Шарден в своей работе «Феномен человека», говоря о наличии разума у неандертальцев, отмечал:

«...деятельность этого разума была в значительной степени сведена к заботам о сохранении существования и о размножении» (Шарден 1987: 163). Действительно, ключевой задачей социальной группы являлось сохранение племени, выживание его участников, продолжение родовых отношений. Лишь при прочной внутриплеменной спайке, самоотверженности, товариществе, честности, чувстве жалости потомство могло прожить целое десятилетие, от рождения до относительной самостоятельности. Кроме того, социальная коммуникация являлась (является) динамической составляющей развития способностей и свойств человека. При этом постоянное контактирование на основе иррациональных чувств с членами племени, таких как стремление к господству, борьба с соперниками за добычу, за самку и т.д., всегда сопровождалось непредсказуемостью, непоследовательностью, где-то откровенной жестокостью, что прямо отражалось на социально-биологическом, эмоционально-психологическом и умственном развитии его участников. В целях благоприятного существования и самосохранения в социальной группе начиналось культивирование постепенного разумного упорядочивания различных моделей поведения: вырабатывались консенсуальные методы решения общих задач; конфронтация среди членов общества, приводящая к их гибели, сводилась к минимуму; дискреционное поведение становилось более ординарным, предсказуемым. Как указывал И. Кант, «сам разум не действует инстинктивно, а нуждается в испытании, упражнении и обучении, дабы постепенно продвигаться от одной ступени проницательности к другой» (Кант).

Современные исследователи говорят о том, что «человек – это принципиально незавершенное существо, открытое для мира, возможностей действия, способное и вынужденное делать выбор» (Хасанова 2015: 13). Со временем конкретные общепользные действия и поступки, которые в процессе жизнедеятельности показывали свою результативность, эффективность и безопасность, стали вызывать у людей чувства оправданности и доверия, то есть таким образом происходил разумный отбор (выбор) тех действий и поступков, которые способствовали самосохранению человека. Ч. Дарвин в работе «Происхождение человека и половой отбор» отмечал: «Никакое общество не ужилося бы вместе, если б убийство, грабеж, измена и т.д. были распространены между его членами...» (цит. по: Максименко, Павлова 2008: 375).

Так, к примеру, «на заре организации человеческих сообществ с развитием речи все большее, а где-то и решающее значение в борьбе племени за существование стал играть накапливаемый и передаваемый опыт. Объем знаний, умений и навыков, необходимый племени для выживания в борьбе с природой и врагами, неуклонно возрастал. Требовались знания о звездах, реках, болотах, горах, умение лечить раны и болезни, устраивать жилье, ухаживать за младенцами и т.д. Весь этот поистине энциклопедический арсенал знаний, получаемый от предков и накапливаемый, осваиваемый, проверяемый в жизни, при отсутствии письменности во всем своем объеме мог становиться достоянием лишь старых людей» (Эфроимсон 1971). В различных сообществах по-разному относились и относятся к представителям

наиболее взрослого контингента, по-разному ценят их жизненный опыт. Можно лишь с уверенностью констатировать, что в тех сообществах, где зашита, оберегание старых людей, а также благодетельство им не были общепринятым правилом, вряд ли могла идти речь о будущем, во всяком случае, они точно оказывались в худшем положении, нежели сообщества, в которых разнообразный опыт, мудрость предков и их бесценные знания непрерывно, из поколения в поколение передавались посредством органической цепочки от старых мужчин и женщин. На основании отношения к старикам как к живой энциклопедии, содержащей объективные сведения о том, как выжить и сохранить все нажитое, а также с учетом того факта, что эти люди, будучи в зрелом возрасте, достойно и мужественно оберегали всех представителей племени, в сообществах на эмоционально-психологическом уровне приобретались наследственные чувства почета, уважения, защиты пожилых людей, оказания им помощи. Р. Фоули отмечал: «Наследственность, несомненно, составляет основной набор правил, с помощью которых вырабатываются поведенческие стратегии» (Фоули 1998: 16). Именно эти положительные эмоции, претерпевшие разумный отбор и мотивированные на утилитарно-прагматическом уровне, прочно закладывались в наследственную массу и в дальнейшем использовались в качестве моральных средств воспитания представителей более молодого поколения, являлись своего рода разумным императивом при выстраивании отношений со старшими.

Ф. Энгельс в известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», рассуждая о проблемах семьи и о том, как биологические факторы влияют на социальные, отмечает, что замеченное людьми негативное влияние кровного родства родителей на потомство привело к грандиозному перевороту в системе брачных отношений, суть которого заключалась в замене группового брака парным, притом обязательно экзогамным, не допускающим близкородственного союза. Опираясь на эмпирические эксперименты антропологов, Ф. Энгельс приходит к выводу, что на замену группового брака парным, притом обязательно экзогамным (то есть исключая половую связь между сестрами и братьями), повлияли биологические факторы. В связи с этим Ф. Энгельс подчеркивает: «Не подлежит сомнению, что племена, у которых кровосмешение было благодаря этому шагу ограничено, должны были развиваться быстрее и полнее, чем те, у которых брак между братьями и сестрами оставался правилом и обязанностью» (Маркс, Энгельс 1986: 16). Согласно выводам современной эволюционной генетики межгрупповой отбор отвергал племена с кровосмесительными браками и способствовал развитию тех племен, где эти браки табуировались. Вследствие этого происходила реорганизация всего племенного устройства. Исследователи отмечают, что «человек как индивид остается во власти биологических законов» (Яблоков, Юсуфов 1998: 167). Для табуирования кровосмесительного инцеста абсолютно не требовалось проведения каких-либо воспитательно-профилактических мероприятий, включающих указание на абстрактные человеческие чувства и оценки, такие как позорность, распутство, порочность и т.д., поскольку эти явления сами по себе отпадали под влиянием биолого-физиологической адаптации, а разуму

оставалось лишь уяснить эту закономерность и включить ее в ценностный арсенал человеческой памяти как «положительную», то есть способствующую сохранению человеческой природы. Таким образом, биологический фактор, непосредственно воздействуя на внутриплеменные отношения благодаря системе продуцирования человека, продемонстрировал свое колоссальное влияние на разум индивидов, которому оставалось лишь осознать и обобщить эти процессы.

Действительно, социальные процессы, которые зарождались в начале истории развития человека, способствовали раскрытию его биологических особенностей, актуализировали иррациональные установки человека (инстинкты, рефлексy, интуицию и т.д.), однако важно подчеркнуть, что указанные биологические и иррациональные особенности человеческой природы находили свое значение, смысл и оценку, становились объектом мыслительной деятельности только в процессе функционирования разума человека (как главного отличия человека от животных). Именно разуму человека надлежало осмыслить и осознать биологические и иррациональные факторы и определить дальнейшие благоприятные пути жизнедеятельности и развития социума.

На основе вышеприведенных выборочных, селекционных коммуникаций протообществ можно сделать вывод, что для человека как носителя рациональных и биологических свойств был доступен анализ возникающей социально-эмпирической практики, что открывало возможности формирования исходя из принципа разумного отбора безопасных, эффективных, соответствующих его природе моделей поведения. Именно те модели поведения, которые разум определял как «положительные» (безопасные, эффективные), упорядочивающие социальные отношения, то есть обеспечивающие сохранность человеческой природы, со временем становились императивами, которым в будущем надлежало лечь в основу нормативно-правовых предписаний. Как верно отмечает Г.В. Мальцев, «своим существованием право не обязано ни религии, ни морали, ни политике, хотя с ними, если рассматривать их как нормативно-регулятивные системы, оно тесно связано. Правовой способ регуляции общественных отношений имеет собственные основы и свои задачи в обществе...» (Мальцев 2000: 81).

Надо полагать, что появление государства и права также было опосредовано развитием и действием человеческого разума на определенном историческом этапе развития. «Государство и право возникает на достаточно высоком уровне развития общества. Способность общества рационально, т.е. на основе разума, организовать свою жизнь, есть та основа, которая позволяет создать государство и право» (Жуков 2019: 378). Несомненно, политическая организация общества не сложилась в один день, то есть разум человека не мог молниеносно, моментально обеспечить упорядоченное состояние общественным отношениям и создать цивилизованное, правовое государство, которые стало бы выражать и защищать потребности (интересы) человека и общества. Исторический процесс развития политического устройства различных обществ протекал крайне продолжительно и неоднородно, принимал различные формы и осуществлялся различными

методами, сопровождаясь массовым истреблением и угнетением людей, а где-то и уничтожением государственности. В качестве примера можно привести цивилизации Запада и Востока, где политико-правовые процессы становления и развития имели различные исторические особенности и предпосылки, обусловленные в числе прочего природными условиями и географическим положением этих цивилизаций. Оценивая закономерности становления политических форм организации общества, можно сделать вывод о том, что разумный отбор, диалектически вырабатывая все новые формы и основы для обеспечения физического сосуществования и безопасности человека (Гоббс 1991: 109-124), для сохранения природы человека, продолжил свой путь в поиске эффективных и результативных механизмов, которыми и стали государственность и право. На это, в частности, указывает один из разработчиков теории общественного договора, Ж.-Ж. Руссо, который отмечал: «Общественный договор имеет своей целью сохранение договаривающихся» (Руссо 1998: 225). Кроме того, американский философ-либертарианец Роберт Нозик (последователь учений Дж. Локка) в своей работе «Анархия, государство и утопия» (Nozick 1974) вполне обоснованно говорит о том, что человек, изначально находясь в естественном состоянии, то есть в состоянии «естественной анархии», когда отсутствует какое-либо принудительное воздействие со стороны государства, со временем, в целях защиты естественной свободы, переходит из состояния анархии в состояние государственности. В будущем, либо учредив, либо подчинившись вольно/неволью государственной власти, человек в результате развития своего разума и общественных отношений, а также в поисках благоприятных условий для существования (развития) столкнется с новыми вызовами и угрозами для своей безопасности. Эти угрозы будут исходить уже непосредственно от государственной власти и ее установлений, основанных на антидемократических принципах и не соблюдающих интересы и свободы членов общества. Таким образом, следует подчеркнуть, что вместе с появлением государства образуется и право, но только сугубо в позитивистской традиции, а именно как закон, исходящий от власти государства. Право в идейном, сущностном смысле (то есть как отличное от закона явление) изначально не существовало, а вся общественная регуляция основывалась на мононормах (обычаи, религиозные и мифологические веления и т.д.) и законах, исходящих от власти. При этом содержание властных установлений (законов), как отмечал софист Фрасимах, напрямую зависело от того, кто стоит у власти, потому как каждый, кто стоит у власти, принимает законы в свою пользу и объявляет их справедливыми (например, демократы принимают демократические законы, тираны — тиранические и т.д.). Человеческий разум в этот период не претендует на искания метафизических свойств, присущих праву; человеку на данном этапе достаточно того, что общественные отношения регулируются исходя из законов (позитивного права), установленных властью, которая воспринимается как священная и божественная. Следовательно, и законы, исходящие от такой власти, являются верными и справедливыми: «верховную власть, представленную или одним человеком, или неким советом, они почитали как некое зримое

божество» (Гоббс 1989: 277). Впоследствии человек, учредивший государство во главе с неограниченной властью правителя, убедившись в несостоятельности, опасности последствий неограниченной власти, был вынужден начать новый рациональный поиск средств и способов своей защиты с целью обезопасить себя от произвольной власти, игнорирующей его интересы и интересы общества в целом. В результате разумного поиска и выбора наиболее эффективных механизмов противодействия произволу, исходящему от власти правителей, то есть снова по принципу разумного отбора, общество (на примере Древней Греции) в лице представителей древнегреческой философии приходит к одному из весьма эффективных в плане защиты и развития человека инструментарию, противопоставляя положенному (позитивному) закону государства естественное право, понимаемое ими как «предпозитивное», «надзаконное», то есть находящееся выше позитивного закона по всем моральным, юридическим, нравственным и другим признакам, а также способное обеспечить справедливое, основанное на равенстве существование и развитие общества и государства.

Другим, не менее могучим, достижением человеческого разума, инструментом защиты природы человека стали авраамические религии, внесшие исторический и кардинальный по своему масштабу вклад в развитие представлений о сущности и смысле существования человека, что придало общественным отношениям иное, основанное на принципах гуманизма, милосердия и нравственности содержание. Возникновение религий, проповедующих человеколюбие и милосердие, в частности, являлось реакцией на существовавшие в тот исторический период языческие религии с их жестокостями, человеческими жертвоприношениями, распущенностью, убийствами и т.д., что негативно сказывалось на природе человека, ставило под вопрос его сохранение. Все вышесказанное прежде всего следует отнести к христианству. Однако, как пишет В.Н. Жуков, «позднее его взяли на вооружение государство и господствующие классы, поскольку и им христианство давало приемлемую для них модель поведения» (Жуков 2019: 326). Христианство, появившееся как реакция на существующий эксплуататорско-рабовладельческий строй и представшее как религия рабов и вольноотпущенников, очень быстро само превратилось в религию угнетателей, то есть «прежняя религия рабов и бедноты потеряла свою былую оппозиционность и перешла на службу к господствующим классам» (Ковалёв 2002: 797). Как известно, религиозная идеология с ее главным принципом «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» прочно укрепила свое доминирующее положение в Средние века, всячески противясь процессам развития и стараясь сохранить феодальное устройство в государстве.

Тем не менее в Западной Европе в эпоху Нового времени под натиском развития рыночных отношений, частной собственности и т.д. происходит снижение роли христианской религии, являющейся «ядром мировоззрения феодального общества» (Нерсисянц 2004: 118). Наконец, в свете антропоцентризма и рационализма начинается переоценка человека как биосоциального существа, то есть интеллектуальный поиск и утверждение новых стандартов и принципов построения гражданского общества. В целях само-

сохранения своей природы разум человека переосмысливает правовое наследие прошлых времен и разрабатывает такие фундаментальные правовые принципы, как право на жизнь; право на свободу личности, частной собственности, договора, слова; право на судебную защиту; юридическое равенство и законность; презумпция невиновности и т.д. Указанные основополагающие правовые положения становятся императивами, которые постепенно, начиная с XVII в., находят свое выражение в основных актах государств Западной Европы и выступают формальной основой осуществления государственной власти и критериями ее оценки. Понимание перманентности, бесконечности процессов познания человеком мира, самого себя в этот период достигает максимума; происходит переосмысление естественно-правовых учений античных мыслителей о правах и свободах человека, демократических ценностях и т.д., что в целом способствует развитию и укреплению человеческой природы.

Но, пожалуй, особое значение процессы, связанные с укреплением гуманистических ценностей и возрождением естественного права как в теории, так и на практике, получают в середине XX в. «под влиянием разрушительного опыта Второй мировой войны, а также практики тоталитарных режимов СССР и фашистской Германии, убедительно продемонстрировавших те опасности, которые таит в себе легистско-позитивистская модель правовой системы» (Лапаева 2018). Указанный сокрушительный опыт поставил перед мировым сообществом вопрос о необходимости модернизации позитивного права с его приказным, произвольным характером, что находит свое выражение во включении естественно-правовых ценностей в содержание фундаментальных международных документов о правах человека. Таким образом, на определенном историческом этапе развития человека принцип разумного отбора в очередной раз демонстрирует свою бескомпромиссность и указывает на недопустимость произвольных установлений власти, а также на целесообразность включения в содержание позитивного права императивов, обеспечивающих сохранение природы человека.

Несомненно, «ренессанс» естественного права на Западе явился событием, основанием для принципиально иного восприятия права и изменения подхода к нему, рационального переосмысления его роли и места в обществе и государстве. Однако не минуло и столетие, как естественное право с его идеализированным, декларативным и абстрактным характером, основанным на гедонистической, либерально-индивидуалистической идеологии, под натиском лозунгов и призывов о правах человека на сексуальную ориентацию и гендерную идентичность привнесло сначала в социальную, а затем и в правовую практику новые вызовы и споры (в том числе судебные)¹, требующие фундаментальных доктринально-правовых ответов. Как в этой связи справедливо замечает В.Д. Зорькин, «человек, возмнивший себя венцом творения, смотрит на окружающий его мир не как на внутренне связанную с ним среду его обитания, являющуюся условием

¹ (См.: Постановление... № 24-П, 2014).

продолжения человеческого рода, а как на совокупность внешних по отношению к нему средств, которые он может использовать для своего личного благополучия и самореализации» (Зорькин 2019: 20).

Современная международная практика свидетельствует, что вопросы гендерной идентичности и сексуальной ориентации человека приобретают не только общественное, но и политическое звучание. Это получает поддержку со стороны официальных международных институтов, таких как Организация Объединенных Наций (ООН) и Европейский суд по правам человека. Деятельность появившегося в середине XX в. так называемого ЛГБТ-движения, прямо пропагандирующего толерантное отношение к гомосексуальности и выступающего за установление равноправия через законодательное урегулирование всех сфер общественной жизни, со временем принесла свои плоды в борьбе за якобы достижение прав человека, о чем свидетельствует принятая ООН Декларация по проблемам сексуальной ориентации и гендерной идентичности (2008), которая прямо указывает на необходимость соблюдения прав гомосексуалов. Кроме того, на сегодняшний день действует немалое количество иных нормативных актов Совета Европы, которые также регулируют отношения, связанные с гендерной идентичностью и сексуальной ориентацией, среди них: Рекомендация № 1915 (2010 г.) «Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности»; Резолюция № 1728 (2010 г.) «Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности»; Рекомендация № 1635 (2003 г.), касающаяся защиты прав лесбиянок и геев в области спорта и т.д. (Кириченко 2010: 102).

Кроме того, исходя из сложившейся в Европейском суде по правам человека практики, специалисты выделяют ряд принципов, регулирующих на территории Европы правовое положение гомосексуалов и транссексуалов в области уголовного, семейного, трудового права, свободы собраний, в частности:

- сексуальные отношения между двумя взрослыми лицами по согласию в частной обстановке не должны рассматриваться как уголовное преступление;
- должна обеспечиваться возможность проведения мирных публичных мероприятий в защиту прав и интересов;
- отношения между двумя лицами одного пола могут признаваться семейной жизнью;
- не должна допускаться дискриминация по признаку сексуальной ориентации в трудовых отношениях и на государственной службе (Кириченко 2010: 19).

Помимо этого, в современный период активно развиваются эволюционные процессы, связанные с научно-биотехнологическим прогрессом, подпитываемые международной научной конкуренцией за глобальное технологическое могущество: «...биотехнологии потенциально несут в себе целый букет серьезных угроз, но угроз незаметных, латентных, не способных сразу же привлечь к себе внимание на политическом уровне» (Никонов 2002; подробнее см.: Фукуяма 2004). Свои опасения по поводу этой тенден-

ции высказывает академик В.С. Степин: «Проблема сохранения личности приобретает в современном мире еще одно, совершенно новое измерение. Речь идет об угрозе существования человеческой телесности, которая является результатом миллионов лет биоэволюции и которую начинает активно деформировать современный техногенный мир» (Степин 2006: 102). Нельзя не согласиться и с великим физиком Луи де Бройлем, который дал точную и лаконичную оценку вызовам современности, заявив, что единственная проблема заключается в том, сумеет ли человек пережить свои собственные изобретения.

Безусловно, в конечном итоге принятые решения будут погружены в правовую оболочку и приобретут общеобязательный характер для всех, что опять-таки может породить негативные последствия, в том числе правовую неопределенность, социальное напряжение и т.д. Кроме того, на сегодняшний день существует немалое количество различного рода международных актов, унифицирующих деятельность в области биотехнологий; это, прежде всего, «Нюрнбергский кодекс» (1947), содержащий положения, регулирующие проведение опытов над людьми; «Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека» (1997), в которой говорится об уважении достоинства человеческой личности, равноправии людей и т.д.; «Конвенция о правах человека и биомедицине» (1996), направленная на недопустимость принудительного медицинского вмешательства; Декларация ООН «О клонировании человека» (2005), содержащая положения о запрете любых форм клонирования людей и т.д. Однако, как и любой иной процесс законодательной регламентации, законодательное регулирование в области биотехнологий должно носить сугубо профессиональный, рациональный (компетентный) характер. Важное значение имеет понимание того, что, прежде чем законодательно ограничивать использование тех или иных научных достижений, эти ограничения следует действительно обосновать – либо путем научных доказательств (опровержений), либо эмпирическими данными, в результате апробации этих достижений на практике. В противном случае может сложиться ситуация, в которой будут нарушены либо ограничены чьи-либо права и законные интересы.

Приведенные выше современные вызовы по своему масштабу, социальной и утилитарной значимости прямо проецируются на содержание общественных отношений, ставят под угрозу природу человека как социобиологического существа. Речь не идет о том, чтобы слепо, то есть ссылаясь на традиционные и духовные ценности, воспротивиться этим процессам, не попытавшись дать им научно обоснованное, рационально-логическое объяснение; напротив, стоит задача осознать, определить, насколько эти вызовы могут повлиять на состояние человеческой природы в настоящем и будущем.

На наш взгляд, в плане рационального осознания, исследования и разрешения всех этих фундаментальных вопросов право не может тихо стоять в стороне и выступать лишь в контексте позитивистской или нормативистской традиции, то есть как форма, система и т.д., которая должна обеспечить формально-логическое и юридико-догматическое

сопровождение и оформление полученных результатов. Право должно стать мерилom, определяющим базисом, оно должно обладать рационально-философским (сущностным), теоретико-методологическим содержанием и четкой позицией по вопросам, связанным с человеческим естеством и его сохранением, основанным на конкретном теоретически выстроенном правопонимании. Именно собственное содержание права должно явиться критерием любого нормативного предписания и установления, дабы обеспечить им именно правовое содержание закона и в конечном итоге принять форму правового закона. Для этого (для определения собственного содержания права и дальнейшей разработки теории правопонимания), как нам видится, необходимо обратиться к его фундаментальным истокам, закономерностям становления права.

Исходя из представленного выше фрагментарного анализа, на наш взгляд, можно сделать следующее заключение. Как показывает процесс разумного отбора, человек на протяжении всей своей истории находился в динамическом состоянии поисков по удовлетворению своих потребностей (интересов), тем самым непрерывно открывал для себя новые модели поведения, устанавливал новые стандарты человеческого общежития и создавал различные общественные институты (семья, государство, религия и право), сущность которых зиждилась в числе прочего на сохранении человеческой природы. Как справедливо указывал Т. Гоббс, «человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством к ее сохранению» (Гоббс 1991: 98). А самое главное, разумный отбор показал, что единственным действенным механизмом и детищем культуры всего человечества, способным обеспечить безопасное существование и развитие человека, является право, основанное на императиве сохранения природы человека и реализуемое в условиях государственного регулирования общественных отношений.

Кроме того, существующие в современной цивилизации вызовы (о некоторых из них шла речь выше), продиктованные научно-технологической революцией, трансформацией социального поведения, ценностных ориентацией и несущие угрозу новых конфликтов, актуализируют потребность в основанной на сохранении природы человека теории правопонимания, которая сможет создать универсальные правовые механизмы и выступить эффективным общественным регулятором.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арановский К.В. 2019. Право существует в человеке [интервью с судьей Конституционного Суда РФ Константином Викторовичем Арановским] // Закон. № 12. С. 8-18. URL: <https://igzakon.ru/list?archive=1&type=55&year=2019> (дата обращения: 11.07.2020).

Байтин М.И. 2001. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : Саратов. гос. акад. права. 416 с.

Гоббс Т. 1989. Основ философии. Ч. 3. О гражданине // Т. Гоббс. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 270-506.

Гоббс Т. 1991. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 2. С. 3-545.

Графский В.Г. 2003. К вопросу о правопонимании: основные концепции права и государства в современной России: (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. № 5. С. 5-33.

Жуков В.Н. 2019. Философия права : учебник для вузов. Москва : Мир философии : Алгоритм. 559 с.

Зорькин В.Д. 2010. Право и правоприменение в Российской Федерации: доктрина и практика. Материалы к докладу на международной конференции «Право и правоприменение в России: междисциплинарные подходы», проводимой Институтом проблем правоприменения Европейского университета (г. Санкт-Петербург, 15 апреля 2010 г.). URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=36> (дата обращения: 11.07.2020).

Зорькин В.Д. 2019. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М. 368 с.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Idea.pdf> (дата обращения: 10.04.2019).

Кириченко К. (сост.) 2010. Избранные решения Европейского суда по правам человека. Вопросы сексуальной ориентации и гендерной идентичности / [сост., авт. «Введения» и ст. К. Кириченко]. Москва : Моск. Хельсинк. гр. 104 с.

Ковалёв С.И. 2002. История Рима / под ред. Э.Д. Фролова. Санкт-Петербург : Полигон. 864 с.

Кропоткин П.А. 1991. Этика : Избранные труды. Москва : Политиздат. 496 с.

Лапаева В.В. 2018. Право как фактор снижения антропогенных рисков: с позиций концепции техно-гуманитарного баланса, 17.01.2018. URL: <http://www.igpran.ru/articles/4473/> (дата обращения: 10.04.2019).

Максименко А.А., Павлова А.В. 2008. Солидарный интерес как условие идентичности организационной культуры // Вестник Костромского государственного университета им. А.Н. Некрасова. № 4. С. 371-376. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/solidarnyy-interes-kak-uslovie-identichnosti-organizatsionnoy-kultury/viewer> (дата обращения: 11.07.2020).

Мальцев Г.В. 2000. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. Москва : Изд-во Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. 189 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1986. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. Москва : Политиздат. 639 с.

Марченко М.Н. (отв. ред.) 2016. Современное правопонимание : курс лекций / Ершов В.В. и др. ; отв. ред. М.Н. Марченко. Москва : Норма : ИНФРА-М. 368 с.

Нерсесянц В.С. (ред.) 2004. История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма. 944 с.

Никонов А. 2002. Наше постчеловеческое будущее: [Рецензия на кн.: Ф. Фукуяма. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции], 16.11.2002. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nashe-postchelovechesкое-budushhee/> (дата обращения: 11.07.2020).

Руссо Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре / пер. с фр. Москва : КАНОН-пресс : Кучково поле. 416 с.

Степин В.С. 2006. Философия науки. Общие проблемы : учебник для аспирантов и соискателей учен. степени канд. наук. Москва : Гардарики. 384 с.

Фоули Р. 1998. Еще один неповторимый вид // Антропология : хрестоматия / сост. Т.Е. Россолимо, Л.Б. Рыбалов, И.А. Москвина-Тарханова. Москва : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК. С. 14-16.

Фукуяма Ф. 2004. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М.Б. Левина. Москва : АСТ : ЛЮКС. 352 с.

Хасанова Г.Б. 2015. Антропология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 6-е изд., стер. Москва : КноРус. 231 с.

Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. 2005. Антропология : учебник. 4-е изд. Москва : Изд-во Моск. ун-та : Наука. 400 с.

Шарден П.Т. де 1987. Феномен человека / предисл. и коммен. Б.А. Старостина ; пер. с фр. Н.А. Садовского. Москва : Наука. 240 с.

Эфроимсон В.П. 1971. Родословная альтруизма (этика с позиций эволюционной генетики человека): [арх. 21 декабря 2015] / предисл. Б.Л. Астаурова // Новый мир. № 10. URL: <https://pdfslide.net/documents/-568bd8e11a28ab2034a4fe65.html> (дата обращения: 11.07.2020).

Яблоков А.В., Юсуфов А.Г. 1998. Эволюционное // Антропология : хрестоматия / сост. Т.Е. Россолимо, Л.Б. Рыбалов, И.А. Москвина-Тарханова. Москва : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК. С. 162-170.

Nozick R. 1974. Anarchy, State and Utopia. New York : Basic Books. XVI, 367 p.

Wacks R. 2012. Understanding Jurisprudence. An Introduction to Legal Theory. 3rd ed. Oxford : Oxford Univ. press. 358 p.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Российская газета. 2014. 3 окт.

Ainur R. Gilmullin, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9842-8587

ResearcherID: H-8573-2018

ScopusID: 57211906682

SPIN-код: 9974-2337

Article received 16.04.2020, accepted 18.11.2020, available online 05.04.2020

The Preservation of Humanity as Fundamental Foundation of Law

Abstract. The article addresses legal issues, and more specifically, the genesis of law, the establishment of essential features and patterns of its formation and development. The analysis takes into account not only practical and scientifically grounded peculiarities of the legal realm in the historical or modern perspective, but also the “acquired” material of the anthropology, sociology, philosophy; it also takes into account the data of biology and techno-humanistics, which indicates the interdisciplinary nature of the presentation. The paper considers selective social communications characteristic of proto-communities in order to pay attention to the natural and social characteristics of a person and to demonstrate their influence on the functioning of the human mind, namely, the principle of reasonable selection, true and objective in its nature. This principle served as the basis of rational deduction and reduction of non-viable behavior patterns destructive for social existence and development. With the help of the same principle, the greatest imperatives were created for the humanity as a whole, later embodied in moral, religious dogmas, natural law, etc. But most importantly, they ensured preservation of human nature. Some provisions are given that it was reasonable selection at a certain historical stage of human development that showed the law based on preservation of human nature and implemented solely under state (institutional) regulation of public relations as the only civilized instrument for preserving human nature that can act as an effective and safe regulator. Based on the analysis of the historical adaptation of humans, as well as modern challenges set forth by scientific and biotechnological progress and problems associated with gender identity and sexual orientation of a person, the position is defended that human nature, especially at the present stage of its development, needs to be protected precisely through law.

Keywords: Preservation of human nature; positive law; reasonable selection; natural law; legal understanding.

For citation: Gilmullin A.R. *Sokhranenie chelovechestva kak fundamental'noe osnovanie prava* [The Preservation of Humanity as Fundamental Foundation of Law], *Antinomii=Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 61–77. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-61-77 (in Russ.).

References

Aranovsky K.V. *Pravo sushchestvuet v cheloveke* [Law exists in man : interview], *Zakon*, 2019, no. 12, pp. 8-18, available at: <https://igzakon.ru/list?archive=1&type=55&year=2019> (accessed July 11, 2020). (in Russ.).

Baytin M.I. *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [Essence of the right (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries)], Saratov, Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2001, 416 p. (in Russ.).

Chardin P.T. de. *Fenomen cheloveka* [The Phenomenon of man], Moscow, Nauka, 1987, 240 p. (in Russ.).

Efroimson V.P. *Rodoslovnaya al'truizma (etika s pozitsiy evolyutsionnoy genetiki cheloveka)* [Genealogy of altruism (ethics from the standpoint of human evolutionary genetics)], *Novyy mir*, 1971, no. 10, available at: <https://pdfslide.net/documents/-568bd8e11a28ab2034a4fe65.html> (accessed July 11, 2020). (in Russ.).

Foley R. *Eshche odin nepovtorimyy vid* [Another unique view], T.E. Rossolimo, L.B. Rybalov, I.A. Moskvina-Tarkhanova (comp.) *Antropologiya : khrestomatiya*, Moscow, Institut prakticheskoy psikhologii, Voronezh, MODEK, 1998, pp. 14-16. (in Russ.).

Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution], Moscow, AST, LYuKS, 2004, 352 p. (in Russ.).

Grafsky V.G. *K voprosu o pravoponimanii: osnovnye kontseptsii prava i gosudarstva v sovremennoy Rossii* [On the question of legal understanding: the main concepts of law and state in modern Russia], *Gosudarstvo i parvo*, 2003, no. 5, pp. 5-33. (in Russ.).

Hobbes Th. *Leviatan* [The Leviathan], T. Gobbs. *Sochineniya : v 2 t.*, Moscow, Mysl', 1991, vol. 2, pp. 3-545. (in Russ.).

Hobbes Th. *Osnov filosofii. Ch. 3. O grazhdanine* [Fundamentals of philosophy. Pt. 3. About the citizen], T. Gobbs. *Sochineniya : v 2 t.*, Moscow, Mysl', 1989, vol. 1, pp. 270-506. (in Russ.).

Kant I. *Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane* [The idea of universal history in the world-civil plan], available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Idea.pdf> (accessed April 10, 2019). (in Russ.).

Khasanova G.B. *Antropologiya : ucheb. posobie* [Anthropology: textbook], 6th ed., ster., Moscow, KnoRus, 2015, 231 p. (in Russ.).

Khrisanfova E.N., Perevozchikov I.V. *Antropologiya : uchebnik* [Anthropology: textbook], 4th ed., Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Nauka, 2005, 400 p. (in Russ.).

Kirichenko K. (comp.) *Izbrannye resheniya Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. Voprosy seksual'noy orientatsii i gendernoy identichnosti* [Selected decisions of the European court of human rights. Questions of sexual orientation and gender identity], Moscow, Moskovskaya Khel'sinskaya gruppa, 2010, 104 p. (in Russ.).

Kovalev S.I. *Istoriya Rima* [History of Rome], St.-Petersburg, Poligon, 2002, 864 p. (in Russ.).

Kropotkin P.A. *Etika : Izbrannye trudy* [Ethics: Selected works], Moscow, Politizdat, 1991, 496 p. (in Russ.).

Lapaveva V.V. *Pravo kak faktor snizheniya antropogennykh riskov: s pozitsiy kontseptsii tekhnogumanitarnogo balansa* [Law as a factor of reducing anthropogenic risks: from the perspective of the concept of techno-humanitarian balance], 17.01.2018, available at: <http://www.igpran.ru/articles/4473/> (accessed April 10, 2019). (in Russ.).

Maksimenko A.A., Pavlova A.V. *Solidarnyy interes kak uslovie identichnosti organizatsionnoy kul'tury* [Solidary interest as a condition of organizational culture identity], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.N. Nekrasova*, 2008, no. 4, pp. 371-376, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/solidarnyy-interes-kak-uslovie-identichnosti-organizatsionnoy-kul'tury/viewer> (accessed July 11, 2020). (in Russ.).

Maltsev G.V. *Pyat' leksiy o proiskhozhdenii i rannikh formakh prava i gosudarstva* [Five lectures on the origin and early forms of law and the state], Moscow, Izdatel'stvo Rossiyskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, 2000, 189 p. (in Russ.).

Marchenko M.N. (resp. ed.) *Sovremennoe pravoponimanie : kurs leksiy* [Modern legal understanding: a course of lectures], Moscow, Norma, INFRA-M, 2016, 368 p. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya. V 3 t. T. 3. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [Selected works, in 3 vols. Vol. 3. The origin of the family, private property and the state; by F. Engels], Moscow, Politizdat, 1986, 639 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. (ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy : uchebnik* [History of political and legal doctrines: textbook], 4th ed., rev. and augm., Moscow, Norma, 2004, 944 p. (in Russ.).

Nikonov A. *Nashe postchelovecheskoe budushchee* [Our Posthuman future: book review by F. Fukuyama], 16.11.2002, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/nashe-postchelovecheskoe-budushchee/> (accessed July 11, 2020). (in Russ.).

Nozick R. *Anarchy, State and Utopia*, New York, Basic Books, 1974, xvi, 367 p. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 23 sentyabrya 2014 g. № 24-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 1 stat'i 6.21 Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh v svyazi s zhaloboy grazhdan N.A. Alekseeva, Ya.N. Evtushenko i D.A. Isakova» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 24-P of September 23, 2014 "On the Case of Checking the Constitutionality of Part 1 of Article 6.21 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens N. A. Alekseev, Ya. N. Yevtushenko and D. A. Isakov"], *Rossiyskaya gazeta*, 2014, October 3. (in Russ.).

Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore* [On the social contract], Moscow, KANON-press, Kuchkovo pole, 1998, 416 p. (in Russ.).

Stepin V.S. *Filosofiya nauki. Obshchie problemy : uchebnik* [Philosophy of science. General problems: a textbook], Moscow, Gardariki, 2006, 384 p. (in Russ.).

Wacks R. *Understanding Jurisprudence. An Introduction to Legal Theory*, 3rd ed., Oxford, Oxford Univ. press, 2012, 358 p.

Yablokov A.V., Yusufov A.G. *Evolyutsionnoe* [Evolutionary teaching], *T.E. Rossolimo, L.B. Rybalov, I.A. Moskvina-Tarkhanova (comp.) Antropologiya : khrestomatiya*, Moscow, Institut prakticheskoy psikhologii, Voronezh, MODEK, 1998, pp. 162-170. (in Russ.).

Zhukov V.N. *Filosofiya prava : uchebnik dlya vuzov* [Philosophy of law: textbook], Moscow, Mir filosofii, Algoritm, 2019, 559 p. (in Russ.).

Zorkin V.D. *Pravo i pravoprimenenie v Rossiyskoy Federatsii: doktrina i praktika* [Law and law enforcement in the Russian Federation: doctrine and practice], available at: <http://www.kstrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=36> (accessed July 11, 2020). (in Russ.).

Zorkin V.D. *Pravo protiv khaosa* [Law against chaos], 2nd ed., rev. and augm., Moscow, Norma, INFRA-M, 2019, 368 p. (in Russ.).



Кичигин С.В. О правовой природе института совместительства и обоснованности дифференциации его нормативного регулирования. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-78-98 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 78–98.

УДК 349.2

DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-78-98

О правовой природе института совместительства и обоснованности дифференциации его нормативного регулирования

Сергей Владиславович Кичигин

магистрант Юридического института
Кемеровского государственного университета,
г. Кемерово, Россия.

E-mail: 76-42-50@mail.ru

IRID: 303746767

ORCID: 0000-0003-0187-145X

ResearcherID: AAV-9004-2020

SPIN-код: 3003-3276

*Статья поступила 30.07.2020, принята к печати 15.10.2020,
доступна online 05.04.2021*

Проблема обоснованности дифференциации правового регулирования работы по совместительству в рамках действующего Трудового кодекса РФ имеет в качестве своей предпосылки представление о совместительстве, сложившееся в советский период истории. Современные социально-экономические условия требуют существенного преобразования данного института трудового права и адекватного отражения в нормах трудового законодательства изменившихся условий жизни человека и общества. В рамках настоящего исследования предпринята попытка исходя из понимания действующим трудовым законодательством и наукой трудового права термина «совместительство» выявить сущностные отличия работы по совместительству от работы по основному месту, то есть те объективно существующие условия работы по совместительству или отличительные особенности работников-совместителей, которые явились причиной выделения законодателем работы по совместительству в отдельную категорию и принятия специальных норм, регулирующих работу по совместительству. В процессе изучения правовых норм, регулирующих институт совместительства, анализа достижений науки отечественного трудового права и судебной практики с учетом истории правового регулирования данного института автором было установлено, что имеющиеся признаки работы по совместительству представляют собой либо внешние характеристики, не отра-



© Кичигин С.В., 2021

жающие внутренней природы явления, либо дискриминационную норму, основывающуюся на простом факте признания той или иной работы работой по совместительству. В результате был сделан вывод о необоснованности выделения работы по совместительству в обособленную категорию и беспочвенности существования специальной главы Трудового кодекса РФ, посвященной особенностям регулирования труда лиц, работающих по совместительству. В качестве практических рекомендаций автор рассматривает корректировку положений трудового законодательства. Предлагается отказаться от традиционного понимания термина «совместительство», подразумевающего основную и дополнительную работу; по мнению автора, целесообразно в этой ситуации говорить об одновременном наличии у работника двух и более равноценных трудовых договоров, ни один из которых не имеет приоритета над остальными. Нужно перейти от ограничения времени работы по совместительству к установлению общего предельного рабочего времени на всех имеющихся у работника местах работы; отнести решение вопроса одновременного или раздельного предоставления отпуска работнику, имеющему несколько мест работы, к сфере договорного регулирования (с привлечением профсоюзных организаций); отменить ряд дискриминационных норм, действующих в настоящее время в отношении совместителей.

Ключевые слова: совместительство, признаки совместительства, основная работа, основное место работы, признаки основной работы, дифференциация правового регулирования, трудовая книжка, электронная трудовая книжка.

К числу основополагающих принципов правового регулирования трудовых отношений относятся принципы единства и дифференциации (Передерин 2010: 338-339). В основе первого принципа лежит единство предмета трудового права, общеправовых и отраслевых принципов, целей и задач трудового законодательства, равно проявляющих себя во всем массиве трудовых отношений (Касьяненко 2014: 136). Дифференциация, представляя собой одну из ведущих тенденций в регулировании трудовых отношений и отталкиваясь от особого характера правовой связи между лицом, работающим по совместительству, и работодателем, реализуется в учете объективной специфики трудовой деятельности отдельных категорий работников. Следует отметить, что в процессе динамики как непосредственно трудовых отношений в рамках индивидуального трудового договора, так и трудового законодательства и науки трудового права эти, на первый взгляд разнонаправленные, принципы проявляют себя в диалектическом единстве.

В науке трудового права традиционно выделяются следующие две группы оснований (критериев, факторов) дифференциации: 1) объективные, то есть не связанные с личными особенностями участников трудовых отношений, а характеризующие условия труда; 2) субъективные, то есть факторы, характеризующие лиц, вступающих в трудовые отношения (Иванов и др. 1978: 328). Регулирование труда совместителей в этой классификации принято относить к объективной дифференциации (Нуртдинова, Чиканова 2015: 77-78) в связи с тем, что работник оказывается занят выполнением трудовой функции в дополнительное время, предположительно за пределами нормальной продолжительности рабочего времени.

Под совместительством действующее трудовое законодательство РФ понимает «выполнение работником другой регулярной оплачиваемой работы на условиях трудового договора в свободное от основной работы время» (ч. 1 ст. 282 ТК РФ). Эта дефиниция появилась в действующем Трудовом кодексе РФ (далее – ТК РФ) в результате рецепции ее из ранее изданных нормативных актов (Постановление Совета Министров СССР, 1959; Постановление Госкомтруда СССР... № 81/604-К-3/6-84, 1989), что позволяет исследователям (Орловский 2014: 48; Васильев 2018: 54; Передерин 2010: 340; Педченко 2003: 6, 13; Завгородний 2011: 78-79; Адриановская, Баева 2018: 42-43) определять правовую природу работы по совместительству в плане установления следующего ряда существенных характерных черт (признаков) данного явления, которые отграничивают его от работы по основному месту и совокупно обуславливают необходимость существования специального правового регулирования труда совместителей:

1) Работа по совместительству выполняется в рамках отдельного трудового договора.

Если в случае внутреннего совместительства это указание имеет определенную ценность (обособление института совместительства от совмещения, а также от сверхурочной работы, работы в режиме ненормированного рабочего дня), то в случае внешнего совместительства требование заключения отдельного договора представляется очевидным, а следовательно излишним. На наш взгляд, данный признак не дает информативного материала для выявления правовой сущности совместительства, поскольку из самого факта заключения одним лицом двух и более одновременно действующих трудовых договоров невозможно определить исходную причину установления существующих ограничений для работы по совместительству.

Здесь также стоит упомянуть об императивном требовании закона включать в текст трудового договора прямое указание на то, что он является договором по совместительству. Фиксация в тексте договора специального правового статуса работника позволяет на основании этого, достаточно формального, внешнего признака выделить договоры по совместительству из общего массива трудовых договоров. Однако простая небрежность исполнителя (так называемый человеческий фактор) может привести к тому, что правовой статус работника окажется не отраженным в договоре. А с учетом того что аналогичное требование в отношении договоров по основному месту работы отсутствует, это создает ситуацию неопределенности, а именно: какой из договоров в этом случае следует считать договором по совместительству?

Следует сказать также о том, что согласно положениям ч. 2 ст. 282 ТК РФ работник вправе заключать неограниченное число трудовых договоров о работе по совместительству, в то время как основная работа может быть только одна. Данная норма, представляясь наиболее либеральной частью изменений в правовом регулировании института совместительства относительно КЗоТа 1971 г., сама по себе не дает возможности понять, как в неопределенном множестве договоров определить те, что заключены по совместительству.

2) *Работа по совместительству имеет признаки регулярности и возмездности.*

Выделение законодателем данных характеристик как существенных составляющих определения работы по совместительству вызывает сомнения в своей обоснованности. Дело в том, что из положений ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 56 ТК РФ ясно, что как любой трудовой договор *a priori* предполагает встречное предоставление работнику за его труд заработной платы, так и сами трудовые отношения возникают по поводу свободной реализации работником своей способности к труду на возмездной основе, по умолчанию предполагающей оплату труда со стороны работодателя. А признак регулярности характеризует работу также и по основному месту и не может приниматься в качестве специфической характеристики работы по совместительству.

3) *Работа по совместительству выполняется работником в свободное от основной работы время.*

Некоторые авторы, основываясь на этом критерии, считают возможным сделать вывод о том, что «с юридических позиций совместительство представляет собой особый вид трудового договора, по которому работник осуществляет свою трудовую деятельность за пределами рабочего времени по основному трудовому договору» (Белоусова 1989: 19). По нашему мнению, данная характеристика представляет собой ординарное разделение времени труда одного работника на двух и более местах работы. Приведенный критерий, представляясь в первом приближении как достаточно объективный, в то же время даже в рамках действующего трудового законодательства в отношении отдельных категорий работников применяется со значительными оговорками. В частности, исключительно интересными и, на наш взгляд, концептуально правильными, лежащими в русле генеральной тенденции к повышению роли договорного регулирования трудовых отношений, являются особенности работы по совместительству, установленные Постановлением Минтруда РФ от 30.06.2003 г. № 41, и в первую очередь возможность выполнения работником работы по совместительству в основное рабочее время (по соглашению с основным работодателем) (Постановление Минтруда РФ № 41, 2003: пп. «в» п. 1).

Кроме того, текст п. 2 названного Постановления Минтруда содержит целый перечень работ, фактически представляющих собой исключения из правила о разделении времени работы по совместительству и по основному месту. Например, не считаются совместительством «педагогическая работа на условиях почасовой оплаты в объеме не более 300 часов в год», «осуществление консультирования высококвалифицированными специалистами в учреждениях и иных организациях в объеме не более 300 часов в год» (то есть почти четверти от предельного объема рабочего времени для работы по совместительству), «осуществление работниками, не состоящими в штате учреждения (организации), руководства аспирантами и докторантами, а также заведование кафедрой, руководство факультетом образовательного учреждения с дополнительной оплатой по соглашению между работником и работодателем» и ряд других. При таком количестве

исключений, пусть и отнесенных к достаточно специфическим категориям работников, уже следовало бы задуматься над корректировкой норм ТК РФ, тем более что семнадцать лет действия процитированного Постановления Минтруда – достаточное время для апробации новых норм, а также формулировки выводов и соответствующих предложений по модернизации текста ТК РФ. Особенности работы по совместительству названных категорий работников, при очевидном противоречии их нормам ТК РФ, тем не менее представляются нам в значительной степени прогрессивными и передовыми, реализующими более верный, взвешенный и перспективный подход к ситуации одновременного наличия у одного работника двух и более мест работы. Единственным в высокой степени спорным положением упомянутого нормативного акта мы полагаем то, что выполнение работ из перечня, содержащегося в процитированном выше п. 2 Постановления, «не считается совместительством и не требуют заключения (оформления) трудового договора». Это положение, помимо того что оно прямо противоречит нормам гл. 11 ТК РФ, также не позволяет понять, чем же в таком случае является для работника дополнительная работа у другого работодателя.

Сюда же можно отнести положение о том, что работа по совместительству предполагается только на условиях неполного рабочего времени. Исходя из текста ст. 284 ТК РФ, посвященной регламентации продолжительности рабочего времени при работе по совместительству, можно утверждать, что законодатель презюмировал тот факт, что по основному месту работы работнику установлена полная нормальная продолжительность рабочего времени. Вероятно, именно этим вызвано законодательное ограничение продолжительности рабочего времени при работе по совместительству половиной месячной нормы рабочего времени или четырьмя часами в день, кроме дней, когда работник не занят по основному месту (в этом случае он может привлекаться к работе в режиме полного рабочего дня).

При том что мотивация законодателя, заключающаяся в охране здоровья работника и его права на отдых, представляется достаточно ясной, нельзя не сказать о том, что данный критерий, на наш взгляд, является довольно дискуссионным, поскольку в действительности работник далеко не всегда занят по основному месту работы полный день. Объем занятости по совместительству может оказаться даже идентичным или большим по сравнению с тем, который установлен по основному месту. Однако ограничения, предусмотренные ст. 284 ТК РФ, не содержат оговорок о том, что объем рабочего времени совместителя может быть увеличен, если по основному месту для него установлен неполный рабочий день. Сказанное приводит нас к выводу о том, что объем рабочего времени не следует считать определяющим фактором для квалификации работы в качестве основной или по совместительству.

Стоит добавить, что мнение о том, что по основному месту работник занят полное или, по крайней мере, большее, чем по совместительству, время, было в свое время прямо выражено в п. 4.2. постановления Госкомстата РФ от 05.02.1997 № 8 (утратило силу): «...основная работа (доходное занятие) – это та работа, которую лицо само считает для себя основной, или та,

на которой отработано большее количество часов, или та, которая приносит наибольший доход» (Постановление Госкомстата РФ № 8, 1997: п. 4.2.). В этом случае достаточно неоднозначная позиция федерального законодателя была дополнена мощным элементом субъективности, что не способствовало прояснению правовой природы исследуемого явления.

4) Работа по совместительству имеет признак вторичности относительно работы по основному месту (Ковалева 2012: 72), в том числе вторичности во времени возникновения трудовых отношений.

Помимо прямого указания на это в ст. 60.1 и 282 ТК РФ данный вывод следует также из перечня документов, предъявляемых при приеме на работу по совместительству, среди которых законодателем упомянута справка о характере и условиях труда по основному месту работы для случая, если предстоящая работа по совместительству связана с вредными и (или) опасными условиями труда. Кроме того, работодатель при приеме на работу по совместительству спортсмена или тренера вправе требовать от последних еще и подтверждение получения ими разрешения на трудоустройство и работу по совместительству от работодателя по основному месту работы, которое, следовательно, на момент трудоустройства по совместительству уже имеет место.

Для оценки значимости данной характеристики для настоящего исследования интересно взглянуть на то, что происходит или должно происходить, когда совместитель увольняется с основного места работы. Становится ли для него в этой ситуации работа по совместительству с неизбежностью основной? Законом не установлена обязанность работодателя преобразовывать правовой статус работника из совместителя в основного в случае, если трудовые отношения последнего по основному месту его работы прекратились (Саранчова 2012: 109). Для этого необходимо волеизъявление работника, который должен уведомить работодателя о факте своего увольнения с основного места и изъявить желание изменить условие трудового договора относительно своего статуса (Петров 2015: 192). Однако, с учетом того что положениями ст. 72 ТК РФ изменение определенных сторонами условий трудового договора допускается только по соглашению сторон, безусловно необходимо также встречное согласие работодателя на такого рода изменения. И, хотя некоторые исследователи (Коршунова 2004: 29) и Федеральная служба по труду и занятости (Роструд) стоят на прямо противоположной позиции (Письмо Роструда № 4299-6-1, 2007), полагая, что в рассматриваемой ситуации у работодателя по совместительству возникает обязанность внесения соответствующих изменений в трудовой договор, а именно преобразования правового статуса работника, мы полагаем необходимым в этом случае особенно четко помнить следующее. Во-первых, письма Роструда, будучи результатом официального легального толкования уполномоченным органом государственной власти текста ТК РФ, тем не менее не являются правовыми актами, а носят рекомендательный характер (особенно в ситуации правовой неопределенности). А во-вторых, в тексте самого упомянутого письма Роструда не содержится правового обоснования предложенных выводов, что не позволяет судить об их аргументированности.

Исходя из посылки о том, что изменение статуса работника с совместителя на основного возможно только через встречное добровольное волеизъявление сторон, можно пойти дальше и предположить, что трудовой договор по основному месту может быть заключен работником позже трудового договора по совместительству посредством включения в текст нового договора определения соответствующего правового статуса работника и передачи им новому работодателю своей трудовой книжки.

Рассматриваемый критерий, в сущностном смысле, представляет собой простую констатацию того факта, что у работника имеются два и более одновременно действующих трудовых договора (Петров 2015: 192), один из которых, как правило, заключен раньше остальных. Какое влияние оказывает на правовую природу трудового договора факт заключения его в тот или иной момент времени, представляется неясным, в связи с чем данная характеристика оценивается нами также как не имеющая правового значения.

Затронутый выше вопрос о содержании пакета документов, которые работодатель вправе требовать у трудоустраивающегося к нему лица, представляется одним из наиболее противоречивых в правовом регулировании работы по совместительству. Ст. 283 ТК РФ включает в перечень предъявляемых документов: а) документ об образовании и (или) о квалификации (в случае приема на работу по совместительству, требующую специальных знаний), б) уже упомянутую справку о характере и условиях труда по основному месту работы, в) трудовую книжку, если работодатель по основному месту работы освобожден от обязанности ее ведения. Текст ст. 283 ТК РФ не содержит оговорки типа *«и другие документы, предъявление которых предусмотрено настоящим Кодексом при приеме на работу»* или указания на то, что *«работодатель вправе требовать, кроме документов, предусмотренных ст. 65 ТК РФ, также предъявления документа об образовании... справки о характере и условиях труда по основному месту»* (по аналогии с тем, как это сделано законодателем в ч. 1 ст. 327.3 ТК РФ). Также в качестве косвенного аргумента в пользу приведенной трактовки положений трудового законодательства можно назвать «задвоенность» в нормах ст. 65 и ст. 283 ТК РФ документа об образовании и (или) о квалификации. Трудно обосновать оправданность этого шага, если предположить волю законодателя на дополнение норм ст. 65 ТК РФ положениями ст. 283 ТК РФ. В связи с этим перечень документов, приведенный в ст. 283 ТК РФ, представляется закрытым, а поскольку еще и сама норма является специальной, то применение к трудоустраиваемому лицу общих положений, выраженных в ст. 65 ТК РФ, видится нам не имеющим законных оснований. Получается, что работодатель не вправе требовать от работника ни предоставления паспорта (или иного удостоверяющего личность документа), ни документа, подтверждающего регистрацию в системе индивидуального (персонифицированного) учета, ни документов воинского учета, ни справки о наличии (отсутствии) в биографии работника фактов судимости и (или) уголовного преследования. Встречающееся в литературе мнение о том, что работодатель вправе требовать названные выше документы на основании положений иных норма-

тивных правовых актов (п. 3 ст. 9 Федерального закона от 1 апреля 1996 года № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» (Федеральный закон № 27-ФЗ, 1996), подп. «а» п. 30 Положения о воинском учете (Постановление Правительства РФ № 719, 2006)) (Семенихин 2015: 479-480), представляется нам опирающимся на неверный постулат, согласно которому наличие у работодателя обязанности по ведению воинского учета, начислению и уплате за работника страховых взносов само по себе, при отсутствии надлежащего законодательного установления, порождает у работника обязанность представить по требованию работодателя необходимый тому пакет документов. Некоторую сложность здесь вызывает только вопрос правомерности требования от работника предоставления справки о наличии (отсутствии) у работника судимости и (или) факта уголовного преследования. Дело в том, что как норма ст. 282 ТК РФ, так и нормы ст. 351.1 ТК РФ относятся к специальным нормам, при этом нормы ст. 351.1 ТК РФ, являясь производными от содержания общих норм, выраженных в ст. 65 ТК РФ, сами при этом являются более поздними нормами, направленными к тому же на защиту интересов третьих лиц. Полагаем, что непротиворечивое разрешение этой непростой юридической коллизии возможно только в процессе совершенствования системы отечественного трудового законодательства.

Исходя из анализа определения совместительства и названных выше его характеристик, традиционно выделяемых в литературе, можно говорить о том, что понятие совместительства опирается на понятие основной работы (которое в тексте ТК РФ отсутствует) и являет собой в значительной мере его противоположность. В связи с этим существенный интерес представляет момент разграничения основной работы и работы по совместительству. Причем важен не факт наличия некой отличительной особенности сам по себе, а такие черты и признаки основной работы и совместительства, которые отражают их сущностные различия, те объективные различия, которые побудили законодателя к созданию специальных норм, регулирующих труд работников-совместителей.

Кроме обозначенных выше признаков работы по совместительству на основании толкования текста ч. 3 и ч. 5 ст. 66, ст. 283, 284, 348.4, 348.7 ТК РФ, а также некоторых подзаконных нормативных актов можно выделить следующие отличительные черты, присущие нормативному регулированию института совместительства:

- 1) Предоставление гарантий и компенсаций, предусмотренных законом для лиц, совмещающих работу с получением образования (гл. 26 ТК РФ), а также для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (ст. 321 ТК РФ), возможно только по основному месту их работы (ч. 1 ст. 287 ТК РФ).

По нашему мнению, положение закона, по которому в ситуации наличия у работника одновременно двух и более мест работы предоставление ему учебных отпусков и дополнительных отпусков в порядке ст. 321 ТК РФ происходит только по основному месту работы, носит выражено дискриминационный характер (Командиров 2011: 15) и существенно осложняет

реализацию гражданами своих конституционных прав на образование и отдых. На наш взгляд, данное законодательное установление представляет собой достаточно странную трансформацию взглядов, имевших место в советской традиции трудового права, когда работа в порядке совместительства рассматривалась как нежелательное, однако допустимое в некоторых исключительных случаях явление (Шишкин 2009). В настоящее время отголоски нормативного регулирования трудовых отношений, бывшего адекватным породившей его политической, идеологической и экономической ситуации, в настоящее время необходимо оценивать как правовой рудимент. А в контексте настоящего исследования названную особенность работы по совместительству мы предлагаем рассматривать как попытку с помощью морально устаревших нормативных установок регулировать трудовые отношения на современном этапе общественного развития, а не как проявление сущностной стороны правовой природы совместительства.

2) Факт совместительства может выступать в качестве основания для установления срочности трудового договора. Для этого, безусловно, необходимо встречное согласованное волеизъявление сторон, однако работодатель как сильная сторона договора в состоянии навязать работнику невыгодные последнему условия (в особенности, когда текст трудового договора работник видит в день начала работы на новом месте, будучи уже уволенным с прежней работы). Получается, что норма о возможности установления условия о срочности договора с совместителем представляет собой дополнительный рычаг воздействия, врученный законодателем сильной стороне договора (Шишкин 2014: 133).

Для полноты картины следует сказать и о том, что бессрочный трудовой договор с совместителем может быть расторгнут при приеме на занятое им рабочее место другого работника, если эта работа будет для нового работника считаться основной. Такое увольнение совместителя невозможно в рамках срочного договора с ним. Но если совместитель настаивает на условии бессрочности договора, он оказывается в ситуации, когда договор с ним может быть расторгнут без его на то желания и при отсутствии с его стороны виновных действий, а равно и при отсутствии обстоятельств, не зависящих от воли сторон, с которыми ТК РФ связывает прекращение трудового договора. Такое увольнение будет законным, даже если в момент увольнения работник уже не имеет основного места работы. Если «договор о работе по совместительству изначально заключался обоснованно, отдельные суды признают увольнение по ст. 288 ТК законным, независимо от того, сохранились ли трудовые отношения по основной работе» (Михайленко 2018: 179).

Ситуация выбора из двух вариантов, каждый из которых означает снижение уровня гарантий для работника-совместителя по сравнению с гарантиями для основного работника, негативно влияет на стабильность трудовых отношений. При этом выбор такого подхода к регулированию труда совместителей вызывает обоснованные сомнения в его необходимости и правомерности опоры на некие объективные особенности труда совместителя, диктуемые самой дополнительной формой занятости в виде работы

по совместительству. Скорее, избранный законодателем подход несет в себе черты необоснованной дискриминации.

3) Законодательством предусматривается обязанность для отдельных категорий работников, желающих трудоустроиться по совместительству, соблюдать дополнительные условия, связанные с особым характером их работы. Например, спортсмены и тренеры имеют право работать по совместительству у другого работодателя в том же качестве только с разрешения работодателя по основной работе (ст. 384.7 ТК РФ), государственные гражданские служащие вправе выполнять иную оплачиваемую работу, если это не повлечет возникновения конфликта интересов, а также при условии предварительного уведомления об этом представителя нанимателя (Федеральный закон № 79-ФЗ, 2004: ч. 2 ст. 14) (Чиканова 2005: 23), руководитель организации вправе работать по совместительству у другого работодателя, только имея разрешение уполномоченного органа юридического лица либо собственника имущества организации, либо уполномоченного собственником лица (ч. 1 ст. 276 ТК РФ). Однако, как легко заметить, во всех приведенных примерах специальная норма содержится не в гл. 44 ТК РФ, посвященной совместительству, а в первом случае – в гл. 54.1 ТК РФ, во втором – в специальном федеральном законе, в третьем – в гл. 43 ТК РФ. То есть правильнее будет говорить о некоторых особенностях регулирования работы по совместительству отдельных категорий работников, связанных со спецификой их деятельности по уже имеющемуся месту работы.

4) До настоящего времени действует правило, согласно которому трудовая книжка работника должна храниться и оформляться работодателем по его основному месту работы (кроме случаев, предусмотренных законом). Это обстоятельство, являясь признаком основной работы, может быть применено и к определению совместительства, так как оно сформулировано в ст. 60.1, 282 ТК РФ как антитеза основной работе. Безусловно, трудовая книжка была и остается основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже работника, однако этот, на первый взгляд довольно объективный, критерий разграничения основной работы и совместительства также фиксирует внешнее, а не сущностное отличие основной работы и совместительства. Еще одним аргументом против определения основного места работы по месту хранения и ведения трудовой книжки выступают положения ч. 2 ст. 309 ТК РФ, которые прямо запрещают работодателям – физическим лицам, не имеющим статуса индивидуального предпринимателя, осуществлять оформление трудовых книжек и внесение в них записей, не исключая случаев, когда наемный работник трудоустроен у них по основному месту работы. В этом случае трудовая книжка ведется и хранится на ином месте работы, где работник устроен по совместительству.

Кроме того, вследствие изменений трудового законодательства, состоявшихся в связи с принятием Федерального закона от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ, обязательность наличия у работника трудовой книжки в бумажном формате на настоящий момент отменена. Работники вправе подать заявление на фиксацию сведений об их трудовой деятельности исключительно в электронном виде. В этом случае сведения о трудовой деятельности будут

содержаться только в государственной информационной системе персонализированного учета. Причем в силу норм ч. 8 ст. 2 названного закона «формирование сведений о трудовой деятельности лиц, впервые поступающих на работу после 31 декабря 2020 года, осуществляется в соответствии со статьей 66.1 Трудового кодекса Российской Федерации, а трудовые книжки на указанных лиц не оформляются» (Федеральный закон № 439-ФЗ, 2019). Перспектива даже частичного отказа от бумажной формы трудовых книжек означает, что и критерий места нахождения трудовой книжки работника оказывается несостоятельным и не выдерживает критической проверки.

Подходя к суммарной оценке изложенных выше отличительных черт (характеристик) работы по совместительству, можно резюмировать, что все перечисленное не дает равным счетом ничего для целей раскрытия существенных различий основной работы и совместительства. Реальная информационная ценность всех указанных признаков (характеристик) работы в порядке совместительства близка к нулю, поскольку они либо представляют собой внешние (формальные) отличия, не выражающие внутренней правовой природы явления, либо выступают следствием признания законодателем той или иной работы работой по совместительству при отсутствии аргументации такого решения как некое проявление волюнтаризма в законотворчестве. В связи с этим выделяемые в литературе критерии не могут быть восприняты в качестве существенных признаков исследуемых институтов, отражающих их правовую природу. Между трудовыми договорами по основному месту и по совместительству, как и между основной работой и работой по совместительству, отсутствуют существенные отличия, требующие выделения работы по совместительству в отдельную категорию, предполагающую особое правовое регулирование, а следовательно, отсутствуют как объективные, так и субъективные основания для выделения лиц, работающих по совместительству, в качестве особой категории работников и дифференциации правового регулирования их трудовой деятельности.

Названное обстоятельство уже сейчас выражается в значительной размытости понятий «совместительство» и «основное место работы», разграничение которых остается во многом на совести работодателя, который, готовя текст трудового договора и не имея объективных, существенных критериев разграничения основной работы и работы по совместительству, может включить или не включить в него упоминание правового статуса работника.

Принятие в 2001 г. Трудового кодекса РФ, пришедшего на смену в значительной степени устаревшему и потерявшему актуальность Кодексу законов о труде РСФСР 1971 г., а также состоявшаяся в 2006 г. широкомащтабная реформа ТК РФ и дальнейшая планомерная поступательная работа по совершенствованию отечественного трудового законодательства происходили в русле общей тенденции ко все более широкой дифференциации и все более внимательному рассмотрению законодателем особенностей субъектов трудовых отношений и объективных условий труда.

При этом следует признать, что состоявшаяся ревизия трудового законодательства имеет некоторые недостатки. В частности, стремясь учесть

особенности труда совместителей, законодатель формировал регулятивные нормы, опираясь на традиционные трактовки и подходы к этому вопросу, существовавшие в рамках советской науки трудового права, и на положения советского трудового законодательства, а не исходя из объективных условий окружающей действительности, уже тогда решительным образом повлиявших на восприятие и практическую ценность этого правового института. Данный тезис об инерции правового мышления, наложившей заметный отпечаток на нормы действующего ТК РФ, косвенным образом подтверждается наличием аналогичного института трудового права в трудовом законодательстве ряда стран – бывших республик Советского Союза (Беларусь, Азербайджан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан). Их социально-экономическое развитие также изменило свой вектор в конце XX в., однако сложившаяся традиция в отношении регулирования дополнительной работы оказалась достаточно устойчивой.

Пристальное внимание к этому институту было обусловлено противоречиями между несовершенной на тот момент системой плановой экономики (в том числе в вопросе подготовки квалифицированных кадров), стремлением государства к максимальному использованию режима полной занятости работников и желанием активной части работников получать дополнительный заработок. Исторически сложившийся подход к регулированию работы совместителей оказал серьезное влияние на положения ТК РФ. «Реформирование трудового законодательства, сняв некоторые ограничения, в целом обошло стороной дискриминационный характер норм, регулирующих трудовые отношения совместителей» (Шишкин 2015: 62).

Исследование норм ТК РФ, регулирующих работу по совместительству, дает основания утверждать, что дифференцирование нормативного регулирования трудовых отношений в данном случае не детерминировано ни реально существующими объективными условиями работы по совместительству, ни субъективной составляющей трудовых отношений с участием работников-совместителей. В правовом регулировании ситуации одновременного наличия у одного работника двух или более мест работы речь должна идти не об их ранжировании, а о достаточно штатной ситуации наличия у работника некоторого количества *равноценных* трудовых договоров, ни один из которых не имеет приоритета над остальными – вне зависимости от сохранения в дальнейшем в тексте ТК РФ термина «совместительство» как указания на факт наличия у одного работника более чем одного действующего трудового договора.

Выделение в особую категорию той или иной группы трудовых отношений или их участников во всех без исключения случаях требует научной аргументации и логического обоснования. Дифференцирование нормативного регулирования целесообразно определять реальными интересами общества, работника и работодателя. При этом содержание этих специальных правовых норм должно быть нацелено на достижение баланса интересов сторон трудовых отношений и создание благоприятных и эффективных условий труда.

Право и возможность одного и того же лица работать одновременно у двух и более работодателей представляют собой реализацию права на свободу труда, закрепленную в ст. 37 Конституции России и ст. 2 Трудового кодекса РФ. Существование правовых норм, реализация которых приводит к ухудшению положения совместителей относительно так называемых основных работников, должно рассматриваться как дискриминация по надуманному признаку. В данном случае, на наш взгляд, законодателю следует стремиться к нивелированию различий между совместителями и основными работниками вплоть до полного их устранения. Объективно оправданным и достаточным объемом специального регулирования совместительства нам представляется наличие в тексте ТК РФ отдельных требований к работе по совместительству в главах, посвященных иным отдельным категориям работников, выделяемых из общей массы на основании объективно существующих особенностей личности и/или специфики их трудовой деятельности, условий труда.

Принимая и приветствуя в качестве одного из «основных направлений государственной политики в области охраны труда обеспечение приоритета сохранения жизни и здоровья работников» (Голощапова 2004: 50), полагаем необходимым обратить внимание законодателя на регламентацию суммарного предельного объема занятости (времени работы) работника на всех имеющихся у него местах работы. Существующие в настоящее время запреты на работу по совместительству¹ должны основываться на предельно допустимом и законодательно закрепленном объеме времени работы, определяемом исходя из особенностей данных категорий работников и условий работы, а не просто из факта работы в соответствующей должности. Например, работник-спортсмен высокого уровня в рамках индивидуальной программы спортивной подготовки подвергается экстремальной физической и психической нагрузке, требующей не только значительного времени на восстановление, но и проведения восстановительных процедур, применения разрешенных средств фармакологической поддержки. При наличии у такого работника еще одного места работы необходим не только контакт, но и серьезнейшая методическая и аналитическая работа по увязыванию двух индивидуальных программ спортивной подготовки, двух планов участия в спортивных мероприятиях (спортивных тренировочных сборах, соревнованиях), взглядов и подходов двух и более тренеров, ведущих данного спортсмена у разных работодателей, времени и места проведения тренировочных занятий,

¹ Например запрет на работу по совместительству для несовершеннолетних лиц (ч. 5 ст. 282 ТК РФ), для работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, если уже имеющаяся работа связана с такими же условиями (ч. 5 ст. 282 ТК РФ), для работников, труд которых непосредственно связан с управлением транспортными средствами или управлением движением транспортных средств, если работа по совместительству непосредственно связана с управлением транспортными средствами или управлением движением транспортных средств (ст. 329 ТК РФ), а также для спортсменов и тренеров, если работа по совместительству предполагается в том же качестве (ст. 348.7 ТК РФ).

уровня, объема и интенсивности технической, общей и специальной физической подготовки спортсмена, времени восстановления и плана восстановительных мероприятий. Даже в рамках подготовки по одному виду спорта такой процесс согласования и совместной работы представляется неоправданно усложненным и представляющим опасность для спортсмена, в силу уровня подготовки постоянно балансирующего на грани между оптимальным объемом нагрузок и состоянием перетренированности. Пересечение этой тонкой грани грозит спортсмену долговременным снижением работоспособности, восстановление которой потребует пересмотра как тренировочных планов, так и планов участия в соревнованиях, а также значительного времени на выход из состояния перетренированности (от нескольких недель до нескольких месяцев) с применением комплекса восстановительных мероприятий, проводимых под медицинским контролем. Ценность работника для работодателя (работодателей) при этом представляется отрицательной, так как работник оказывается не способен выполнять свою трудовую функцию.

Другой пример. Если работа водителем по основному месту работы осуществляется в условиях неполного рабочего времени (допустим, два часа в день), то в этом случае запрет на работу по совместительству в той же должности у других работодателей в объеме дополнительных шести часов представляется совершенно необоснованным. Все сказанное, с поправкой на условия работы и личностные характеристики, справедливо для остальных упомянутых выше отдельных категорий работников. Нормы, регулирующие занятость данных категорий работников, безусловно должны быть сохранены в интересах и работника, и работодателя, и общества в целом, однако, на наш взгляд, их следует скорректировать в части установления для работников предельной суммарной продолжительности рабочего времени. Контроль соблюдения двумя и более работодателями предельной суммарной продолжительности рабочего времени может быть реализован, например, через включение указания объема рабочего времени в форме отчетности СЗВ-ТД и/или в бумажном формате трудовой книжки. В этом случае уполномоченный орган путем сложения объема рабочего времени на двух и более рабочих местах сможет зафиксировать превышение предельного объема рабочего времени для представителя отдельной категории работников и принять соответствующие меры.

Ограничения на работу по совместительству, причиной которых выступает предотвращение возникновения конфликта интересов (упомянутые выше примеры работы по совместительству руководителя организации, государственного гражданского или муниципального служащего), представляются нам оправданными и подлежащими сохранению в неизменном виде.

Кроме того, поскольку для работников-спортсменов возможно одновременное выполнение своей трудовой функции по обоим местам работы (тренировка в рамках единого тренировочного плана, участие в соревнованиях на основании распоряжения обоих работодателей), требование неперемennого разделения времени работы у разных работодателей

представляется также не имеющим практической ценности. Этот вопрос должен решаться не законодателем, а самими сторонами трудового договора (договоров) с учетом реальных условий деятельности конкретного лица.

Далее. Ввиду отсутствия реальных оснований ранжирования трудовых договоров полагаем возможным и оправданным исключить из ТК РФ нормы об обязанности работодателя по совместительству на основании требования работника предоставлять последнему ежегодный оплачиваемый отпуск одновременно с отпуском по основной работе. По нашему мнению, эта норма неоправданно лишает работодателя возможности самостоятельного планирования своей хозяйственной деятельности. Процедура определения времени предоставления отпуска должна производиться в согласительном порядке непосредственно сторонами трудовых отношений или с привлечением профсоюза. Законодательная база для этого существует уже в настоящее время и не требует ни уточнения, ни корректировки – положениями ч. 1 ст. 123 ТК РФ предусмотрена обязанность работодателя согласовывать график отпусков с выборным органом первичной профсоюзной организации, а унифицированная и массово применяемая форма графика отпусков в верхнем левом углу имеет реквизит «мнение выборного профсоюзного органа» (Постановление Госкомстата РФ № 1, 2004).

Опасения, что в результате предлагаемых изменений возникнут предпосылки для усиления эксплуатации работников, снижения уровня гарантий охраны их труда (в первую очередь в части права на отдых, необходимый для восстановления их способности к труду), представляются нам не только не имеющими отношения к заявленным инициативам, но и запоздалыми, поскольку в существующих на настоящий момент времени условиях уровень хозяйской власти работодателя позволяет привлекать работника к труду и за пределами верхней границы установленного максимального объема рабочего времени. Например, вместо оплаты сверхурочных в повышенном размере можно возложить на работника обязанность выполнения той или иной работы в порядке совмещения, оставляя за собой при этом возможность заключения с работником второго трудового договора в порядке внутреннего совместительства, а также включения в трудовой договор условия о ненормированном рабочем дне. Работодатель в этом случае, существенно оптимизировав затраты на наем рабочей силы, оставляет за собой и возможность как эпизодического привлечения работников к работе за пределами нормальной продолжительности рабочего времени, так и привлечения их к работе сверхурочно в рамках обоих действующих трудовых договоров. При этом размер доплаты за работу в режиме совмещения может быть установлен произвольно – особенно в случае, когда объем времени занятости и реальный объем работы не находят своего отражения в дополнительном соглашении к трудовому договору.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адриановская Т.Л., Баева С.С. 2018. Правовое регулирование совместительства // Общество: политика, экономика, право. № 7 (60). С. 41-46.
- Белоусова А.С. 1989. Правовое регулирование работы по совместительству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. Москва. 133 с.
- Васильев М.В. (ред.) 2018. Правовые основы регулирования рабочего времени и времени отдыха : учеб. пособие / под ред. М.В. Васильева. Москва : Статут. 224 с.
- Голощапова Н.Н. 2004. Особенности регулирования труда лиц, работающих по совместительству // Вестник Челябинского государственного университета. № 1. С. 49-54.
- Завгородний А.В. 2011. Особенности и проблемы правового регулирования труда совместителей // Трудовое право. № 6. С. 77-93.
- Иванов С.А. и др. 1978. Советское трудовое право: вопросы теории / С.А. Иванов, Р.З. Лившиц, Ю.П. Орловский : отв. ред. С.А. Иванов. Москва : Наука. 368 с.
- Касьяненко Т.С. 2014. Единство и дифференциация правового регулирования трудовых отношений // Вестник экономики, права и социологии. № 3. С. 135-139.
- Ковалева Е. 2012. О совмещении и совместительстве: практика применения // Трудовое право. № 3. С. 71-80.
- Командиров А.А. 2011. Конституционный принцип запрета дискриминации в сфере труда в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Саратов. 28 с.
- Коршунова Т.Ю. 2004. Особенности регулирования труда отдельных категорий работников // Трудовое право. № 6. С. 25-32.
- Михайленко Ю.А. 2018. Особенности правового регулирования труда лиц, работающих по совместительству: теория и практика. DOI 10.14258/izvasu(2018)6-33 // Известия Алтайского государственного университета. № 6 (104). С. 177-181.
- Нуртдинова А.Ф., Чиканова Л.А. 2015. Дифференциация регулирования трудовых отношений как закономерность развития трудового права // Журнал российского права. № 6 (222). С. 68-82.
- Орловский Ю.П. (отв. ред.) 2014. Особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников : учеб. пособие / отв. ред. Ю.П. Орловский. Москва : Контракт. 304 с.
- Педченко Л.А. 2003. Особенности правового регулирования труда лиц, работающих по совместительству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. Москва. 24 с.
- Передерин С.В. 2010. Трудовое право Российской Федерации : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 448 с.
- Петров А.Я. 2015. Совмещение профессий и совместительство: трудовоправовой аспект // Актуальные проблемы российского права. № 3. С. 190-194.
- Саранчова О. 2012. Комментарий к статье Е. Ковалевой «О совмещении и совместительстве: практика применения» (Трудовое право. 2012. № 3) // Трудовое право. № 5. С. 109-111.
- Семенихин В.В. 2015. Трудовой договор и трудовые отношения. Москва : Издат. Дом «Гросс-Медиа». 752 с.
- Чиканова Л.А. 2005. Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.05. Москва. 45 с.

Шишкин В.В. 2009. Институт совместительства: история вопроса // Социальное и пенсионное право. № 1. С. 33-36.

Шишкин В.В. 2014. Конституционные основы (принципы) регулирования труда лиц, выполняющих работу по нескольким трудовым договорам. Москва : Юрлитинформ. 184 с.

Шишкин В.В. 2015. Противоречие категории «Совместительство» российского трудового права общепризнанным международным и конституционным принципам // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 14. Право. № 2. С. 56-65.

Федеральный закон от 01 апреля 1996 года № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учёте в системе обязательного пенсионного страхования» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 14. Ст. 1401.

Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

Федеральный закон от 16 декабря 2019 года № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 51. ч. 1. Ст. 7491.

Постановление Совета Министров СССР от 10 декабря 1959 года «Об ограничении работы по совместительству» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1959. № 20. Ст. 164.

Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2006 года № 719 «Об утверждении Положения о воинском учёте» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 49, ч. 2. Ст. 5220.

Постановления Минтруда РФ от 30 июня 2003 года № 41 «Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры» // Российская газета. 2003. 16 авг.

Постановление Госкомтруда СССР, Минюста СССР и Секретариата ВЦСПС от 09 марта 1989 года № 81/604-К-3/6-84 «Об утверждении положения об условиях работы по совместительству» (с изм. и доп.) (не действует) // Бюллетень Министерства труда Российской Федерации. 1994. № 1. URL: <https://base.garant.ru/10104100/> (дата обращения: 20.07.2020).

Постановление Госкомстата РФ от 05 февраля 1997 года № 8 «Об утверждении Положения о проведении выборочных обследований населения по проблемам занятости (обследования рабочей силы)» (с изм. и доп.). Официально опубликован не был. URL: <https://base.garant.ru/1560522/> (дата обращения: 20.07.2020).

Постановление Госкомстата РФ от 05 января 2004 г. № 1 «Об утверждении унифицированных форм первичной учётной документации по учёту труда и его оплаты» // Финансовая газета. 2004. № 13, март. URL: <https://base.garant.ru/12134807/> (дата обращения: 20.07.2020).

Письмо Федеральной службы по труду и занятости (Роструд) от 22 октября 2007 года № 4299-6-1 [О применении отдельных положений трудового законодательства]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902294377> (дата обращения: 20.07.2020).

Sergey V. Kichigin, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

E-mail: 76-42-50@mail.ru

IRID: 303746767

ORCID: 0000-0003-0187-145X

ResearcherID: AAV-9004-2020

SPIN-код: 3003-3276

Article received 30.07.2020, accepted 15.10.2020, available online 05.04.2021

The Legal Nature of the Institute of Secondary Employment and the Validity of Differentiation of its Regulatory Regulation

Abstract. The problem of the validity of the differentiation of legal regulation of part-time work within the framework of the current Labor Code of the Russian Federation is based on the idea of this phenomenon that was developed in the Soviet period of history. Modern socio-economic conditions require a significant transformation of this institution of labor law on the basis of an adequate reflection in the norms of labor law of the changed living conditions of a person and society. Within the framework of this study, an attempt was made, based on the understanding of the term “secondary job” in the current labor legislation and the labor law science, to identify essential differences between secondary job and main job, i.e. to reveal objectively existing conditions of secondary job from the main job, which were the reason for differentiation of legal norms, regulating secondary job. In the course of the analysis of the legal norms governing the institute of secondary job, the analysis of the achievements of the science of domestic labor law and judicial practice, taking into account the history of legal regulation of this institution, it was found that the existing signs (characteristic features) of secondary job are either an external sign that does not reflect the internal nature of the phenomenon, or represent a discriminatory norm based on the simple fact of recognizing a particular job as secondary job. As a result, it was concluded that it was unreasonable to single out secondary job in a separate category, and the existence of a special chapter of the Labor Code of the Russian Federation, dedicated to the peculiarities of regulating the labor of persons working secondary job, was groundless. As a practical recommendation, the author suggests adjustment of the provisions of labor legislation. It is proposed to abandon the traditional understanding of the term “part-time”, which implies the main and additional work, it is proposed in this situation to talk about the simultaneous presence of an employee of two or more equivalent employment contracts, none of which has priority over the others. It was proposed to move from limiting the time of part-time work to the establishment of a general maximum working time at all available jobs for the employee; to attribute the solution of the issue of simultaneous or separate granting of leave to an employee who has several places of work on a contractual basis (with the involvement of trade union organizations); to abolish a number of discriminatory norms currently in force against part-time workers.

Keywords: secondary job; signs of secondary job; main job; main place of work; signs of main job; differentiation of legal regulation; work book; electronic work book.

For citation: Kichigin S.V. *O pravovoy prirode instituta sovmestitel'stva i obosnovannosti differentsiatsii ego normativnogo regulirovaniya* [The Legal Nature of the Institute of Secondary Employment and the Validity of Differentiation of its Regulatory Regulation], *Antinomii=Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 78–98. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-78-98. (in Russ.).

References

Adrianovskaya T.L., Baeva S.S. *Pravovoe regulirovanie sovmestitel'stva* [Legal regulation multiple employment], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2018, no. 7 (60), pp. 41-46. (in Russ.).

Belousova A.S. *Pravovoe regulirovanie raboty po sovmestitel'stvu : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of part-time work: Abstr. of dis.], Moscow, 1989, 133 p. (in Russ.).

Chikanova L.A. *Primenenie trudovogo zakonodatel'stva k sluzhebnyim otnosheniyam na gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Application of labor law to official relations in the public service: Abstr. of dis.], Moscow, 2005, 45 p. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 01 aprelya 1996 goda № 27-FZ «Ob individual'nom (personifitsirovannom) uchete v sisteme obyazatel'nogo pensionnogo strakhovaniya» [Federal Law of April 01, 1996 No. 27-FZ “On individual (personified) accounting in the compulsory pension insurance system”], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, no. 14, art. 1401. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 16 dekabrya 2019 goda № 439-FZ «O vnesenii izmeneniy v Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii v chasti formirovaniya svedeniy o trudovoy deyatelnosti v elektronnom vide» [Federal'nyi zakon ot 16.12.2019 No. 439-FZ “O vnesenii izmeneniy v Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii v chasti formirovaniya svedenii o trudovoi deyatelnosti v elektronnom vide”], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 51, pt. 1, art. 7491. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2004 goda № 79-FZ «O gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ “On the State Civil Service of the Russian Federation”], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2004, no. 31, art. 3215. (in Russ.).

Goloshchapova N.N. *Osobennosti regulirovaniya truda lits, rabotayushchikh po sovmestitel'stvu* [Features of labor regulation of persons working part-time], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2004, no. 1, pp. 49-54. (in Russ.).

Ivanov S.A. (resp. ed.), Livshits R.Z., Orlovsky Yu.P. *Sovetskoe trudovoe pravo: voprosy teorii* [Soviet labor law: theory issues], Moscow, Nauka, 1978, 368 p. (in Russ.).

Kasyanenko T.S. *Edinstvo i differentsiatsiya pravovogo regulirovaniya trudovykh otnosheniy* [Unity and Differentiation of Legal Regulation of Labour Relations], *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2014, no. 3, pp. 135-139. (in Russ.).

Komandirov A.A. *Konstitutsionnyy printsip zapreta diskriminatsii v sfere truda v Rossiyskoy Federatsii : avtoref. dic. ... kand. yurid. nauk* [The constitutional principle of the prohibition of discrimination at work in the Russian Federation: Abstr. of dis.], Saratov, 2011, 28 p. (in Russ.).

Korshunova T.Yu. *Osobennosti regulirovaniya truda otdel'nykh kategoriy rabotnikov* [Features of labor regulation of certain categories of workers], *Trudovoe pravo*, 2004, no. 6, pp. 25-32. (in Russ.).

Kovaleva E. *O sovmeshchenii i sovmestitel'stve: praktika primeneniya* [On combining and combining: practice of application], *Trudovoe pravo*, 2012, no. 3, pp. 71-80. (in Russ.).

Mikhaylenko Yu.A. *Osobnosti pravovogo regulirovaniya truda lits, rabotayushchikh po sovmestitel'stvu: teoriya i praktika* [Features of Legal Regulation of Work of Dual Job Holder: Theory and Practice], *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 6 (104), pp. 177-181. DOI 10.14258/izvasu(2018)6-33 (in Russ.).

Nurtdinova A.F., Chikanova L.A. *Differentsiatsiya regulirovaniya trudovykh otnosheniy kak zakonmernost' razvitiya trudovogo prava* [Differentiation of Legal Regulation of Labor Relations as Typical Tendencies of Labor Law Development], *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2015, no. 6 (222), pp. 68-82. (in Russ.).

Orlovsky Yu.P. (resp. ed.) *Osobnosti pravovogo regulirovaniya truda ot del'nykh kategoriy rabotnikov : ucheb. posobie* [Features of the legal regulation of labor of certain categories of workers], Moscow, Kontrakt, 2014, 304 p. (in Russ.).

Pedchenko L.A. *Osobnosti pravovogo regulirovaniya truda lits, rabotayushchikh po sovmestitel'stvu : avtoref. dic. ... kand. yurid. nauk* [Features of legal regulation of labor of persons working part-time: Abstr. of dis.], Moscow, 2003, 24 p. (in Russ.).

Perederin S.V. *Trudovoe pravo Rossiyskoy Federatsii : ucheb. posobie* [Labor law of the Russian Federation: study guide], Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, 448 p. (in Russ.).

Petrov A.Ya. *Sovmeshchenie professiy i sovmestitel'stvo: trudopravovoy aspekt* [Dual jobholding and secondary employment: labor law aspect], *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 2015, no. 3, pp. 190-194. (in Russ.).

Pis'mo Federal'noy sluzhby po trudu i zanyatosti (Rostrud) ot 22 oktyabrya 2007 goda № 4299-6-1 «O primenenii ot del'nykh polozheniy trudovogo zakonodatel'stva» [Letter No. 4299-6-1 of the Federal Service for Labor and Employment (Rostrud) dated October 22, 2007 “On the Application of Certain Provisions of Labor Legislation”], available at: <http://docs.cntd.ru/document/902294377> (accessed July 20, 2020). (in Russ.).

Postanovlenie Goskomstata RF ot 05 fevralya 1997 goda № 8 «Ob utverzhdenii Polozheniya o provedenii vyborochnykh obsledovaniy naseleniya po problemam zanyatosti (obsledovaniya rabochey sily)» (s izm. i dop.). *Oftisial'no opublikovan ne byl* [The Resolution of the State Statistics Committee of the Russian Federation of February 05, 1997 No. 8 “On Approval of the Regulations on conducting Sample Surveys of the Population on Employment Problems (Labor Force Surveys)” (with amendments and additions) was not officially published], available at: <https://base.garant.ru/1560522/> (accessed July 20, 2020). (in Russ.).

Postanovlenie Goskomstata RF ot 05 yanvarya 2004 g. № 1 «Ob utverzhdenii unifitsirovannykh form pervichnoy uchetonoy dokumentatsii po uchetu truda i ego oplaty» [Resolution of the State Statistics Committee of the Russian Federation dated January 05, 2004 No. 1 “On approval of unified forms of primary accounting documentation for labor accounting and remuneration”], *Finansovaya gazeta*, 2004, no. 13, march, available at: <https://base.garant.ru/12134807/> (accessed July 20, 2020). (in Russ.).

Postanovlenie Goskomtruda SSSR, Minyusta SSSR i Sekretariata VTSPS ot 09 marta 1989 goda № 81/604-K-3/6-84 «Ob utverzhdenii polozheniya ob usloviyakh raboty po sovmestitel'stvu» (s izm. i dop.) (ne deystvuet) [Resolution No. 81/604-K-3/6-84 of the State Committee of Labor of the USSR, the Ministry of Justice of the USSR and the Secretariat of the Supreme Council of the USSR of March 09, 1989 “On Approval of the Regulations on the conditions of part-time work” (with amendments and additions) (not valid)], *Byulleten' Ministerstva truda Rossiyskoy Federatsii*, 1994, no. 1, available at: <https://base.garant.ru/10104100/> (accessed July 20, 2020). (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 noyabrya 2006 goda № 719 «Ob utverzhdenii Polozheniya o voinskom uchete» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 719 of November 27, 2006 “On Approval of the Regulations on Military Registration”], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2006, no. 49, pt. 2, art. 5220. (in Russ.).

Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 10 dekabrya 1959 goda «Ob ogranichenii raboty po sovmestitel'stvu» [Resolution of the Council of Ministers of the USSR of December 10, 1959 “On limiting part-time work”], *Sobranie postanovleniy Pravitel'stva SSSR*, 1959, no. 20, art. 164. (in Russ.).

Postanovleniya Mintruda RF ot 30 iyunya 2003 goda № 41 «Ob osobennostyakh raboty po sovmestitel'stvu pedagogicheskikh, meditsinskikh, farmatsevticheskikh rabotnikov i rabotnikov kul'tury» [Resolutions of the Ministry of Labor of the Russian Federation of June 30, 2003 no. 41 “On the specifics of part-time work of pedagogical, medical, pharmaceutical workers and cultural workers”], *Rossiyskaya gazeta*, 2003, August 16. (in Russ.).

Saranchova O. *Kommentariy k stat'e E. Kovalevoy «O sovmeshchenii i sovmestitel'stve: praktika primeneniya» (Trudovoe pravo. 2012. № 3)* [Commentary on the article by E. Kovaleva “On combining and part-time work: the practice of application” (Labor Law. 2012. no. 3)], *Trudovoe pravo*, 2012, no. 5, pp. 109-111. (in Russ.).

Semenikhin V.V. *Trudovoy dogovor i trudovye otnosheniya* [Employment contract and employment relationship], Moscow, Izdatel'skiy Dom «Gross-Media», 2015, 752 p. (in Russ.).

Shishkin V.V. *Institut sovmestitel'stva: istoriya voprosa* [Part-time Institute: Background], *Sotsial'noe i pensionnoe pravo*, 2009, no. 1, pp. 33-36. (in Russ.).

Shishkin V.V. *Konstitutsionnye osnovy (printsipy) regulirovaniya truda lits, vypolnyayushchikh rabotu po neskol'kim trudovym dogovoram* [The constitutional foundations (principles) of labor regulation of persons performing work under several labor contracts], Moscow, Yurlitinform, 2014, 184 p. (in Russ.).

Shishkin V.V. *Protivorechie kategorii «Sovmestitel'stvo» rossiyskogo trudovogo prava obshchepriznannym mezhdunarodnym i konstitutsionnym printsipam* [Contradiction of the category “combining jobs” of the Russian labour law to the conventional international and constitutional principles], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 14. Pravo*, 2015, no. 2, pp. 56-65. (in Russ.).

Vasilyev M.V. (ed.) *Pravovye osnovy regulirovaniya rabochego vremeni i vremeni otdykha : ucheb. posobie* [Legal basis for the regulation of working time and rest time: a training manual], Moscow, Statut, 2018, 224 p. (in Russ.).

Zavgorodny A.V. *Osobennosti i problemy pravovogo regulirovaniya truda sovmestiteley* [Features and problems of legal regulation of part-time labor], *Trudovoe pravo*, 2011, no. 6, pp. 77-93. (in Russ.).



Саленко А.В. Судебный федерализм в России: новейший этап конституционной эволюции. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-99-123 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 99–123.

УДК 342.56:342.24:341.213.4:342.722:340.5

DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-99-123

Судебный федерализм в России: новейший этап конституционной эволюции¹

Александр Владимирович Саленко

кандидат юридических наук, магистр права (LL.M., Геттингенский университет), доцент кафедры международного и европейского права Юридического института Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.

E-mail: ASalenko@kantiana.ru

ORCID: 0000-0003-3537-5796

ResearcherID: E-6093-2018

SPIN-код: 6858-4278

*Статья поступила 12.01.2021, принята к печати 19.02.2021,
доступна online 05.04.2021*

Главная цель статьи заключается в том, чтобы изучить специфику важнейшего элемента современного федеративного строя Российской Федерации – принципа судебного федерализма, на основе которого российская судебная система подразделяется на федеральные суды и суды субъектов Федерации. Автор анализирует роль и значение принципа судебного федерализма, а также его трансформацию в контексте конституционной реформы 2020 г. и последующих изменений российского законодательства, в результате которых была полностью упразднена конституционная и уставная юстиция в субъектах Российской Федерации. В работе отслеживается политико-правовой процесс, в ходе которого сначала на региональном уровне происходило постепенное ограничение их компетенции, а затем состоялась их окончательная ликвидация. Автор негативно оценивает поспешное политическое решение ликвидировать региональные конституционные и уставные суды, поскольку данные институты являлись важным средством повышения уровня правосознания общества, были существенным элементом судебной демократии и реального судебного федерализма, содействовали совершенствованию регионального законодательства и правоприменительной практики в субъектах Российской Федерации при помощи

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) в рамках научного проекта № 20-011-31740.



© Саленко А.В., 2021

конституционного судопроизводства. Как показывает исследование, вторым элементом судебного федерализма является децентрализация судебной власти. В качестве воплощения этого принципа следует рассматривать переезд Конституционного Суда России из Москвы в Санкт-Петербург и грядущий перевод Верховного Суда России также в Санкт-Петербург. В этом отношении автор анализирует вопрос о необходимости концентрации в одном и том же субъекте Российской Федерации двух высших судебных органов, в контексте модели конкурентного федерализма предлагая альтернативные сценарии децентрализации судебной власти в плане выбора местонахождения Верховного Суда РФ в других регионах России. На примере Калининградской области он выдвигает исторические, политические, экономические и правовые аргументы в пользу того, чтобы выбрать для местонахождения Верховного Суда РФ вместо города федерального значения Санкт-Петербурга иной субъект Российской Федерации. В статье высказывается мнение о необходимости сохранения и дальнейшего развития принципа судебного федерализма в качестве фундамента федеративного строя России, а также демократической традиции Российского государства.

Ключевые слова: судебный федерализм, федеративный строй, конкурентный федерализм, конституционная реформа, судебная власть, Конституционный Суд, Верховный Суд, немецкий судебный федерализм, конституционная (уставная) юстиция субъектов Российской Федерации, конституционные суды, уставные суды, децентрализация судебной власти, Кенигсбергский королевский замок.

Введение. Одной из важнейших основ российской судебной системы является принцип судебного федерализма, в соответствии с которым правосудие в Российской Федерации осуществляется двумя видами судов: федеральными судами и судами субъектов Федерации (Девликамов 2008: 436; Лысов 2014: 14). К числу последних до недавнего времени относились конституционные и уставные суды субъектов Федерации и все еще относятся мировые судьи, которые квалифицируются как судьи общей юрисдикции субъектов Федерации (Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ, 1996: ст. 4). В этом контексте следует сделать оговорку о том, что в России, в отличие от других федеративных государств, принцип судебного федерализма не нашел закрепления в Конституции РФ (Мазур 2010: 104; Малько и др. 2013: 31; Мочалов 2009: 191; Сидоров 2011: 9), однако, на наш взгляд, его можно отнести к числу неписаных принципов организации судебной системы Российской Федерации (Мельникова 2007: 94; Муратшин 2013: 16). Как известно, юридическая наука исследует феномен *неписаных прав* (Должиков 2014), реализуемых в рамках конституционного правосудия. Поэтому, применяя аналогичную логику рассуждений, мы полагаем оправданным допущение о существовании *неписаного принципа судебного федерализма*. По нашему мнению, именно неписаный характер этого принципа стал причиной того, что в итоге конституционной реформы 2020 г. с такой легкостью произошло упразднение одного из важнейших элементов судебного федерализма – конституционной юстиции субъектов Российской Федерации. Здесь возникает вопрос: подразумевают ли произошедшие конституционные изменения полный и окончательный отказ от принципа судебного федерализма или в 2020–2021 гг. начался лишь очередной этап развития этого неписаного принципа организации судебной системы Российской Федерации?

1. Упразднение органов конституционной юстиции субъектов Российской Федерации. Одним из важных итогов конституционной реформы явилось решение о том, что к 1 января 2023 г. все конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации будут упразднены. В момент принятия данного решения органы конституционной юстиции существовали только в шестнадцати субъектах Российской Федерации: в 13 из 22 республик, в Калининградской и Свердловской областях, а также в городе федерального значения Санкт-Петербурге. Следует заметить, что первоначально в ходе реформы была принята новая редакция ст. 118 Конституции РФ, закрепившая исчерпывающий перечень судов, образующих судебную систему Российской Федерации, в который входят: Конституционный Суд, Верховный Суд, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации. В старой редакции эта конституционная норма фиксировала лишь то, что «судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией РФ и федеральным конституционным законом». Таким образом, судьба органов конституционной юстиции субъектов Российской Федерации стала понятна в тот момент, когда конституционные и уставные суды «не попали» в текст обновленной Конституции РФ, которая установила закрытый перечень судов, а также когда Конституционный Суд России наделили дополнительной компетенцией по запросу Президента РФ проверять на соответствие Конституции РФ законы субъектов Федерации в порядке предварительного нормоконтроля до их обнародования главой субъекта Российской Федерации.

Следует отметить, что некоторые российские регионы пытались бороться за сохранение органов конституционной юстиции субъектов Российской Федерации. Например, в Государственном собрании Якутии при обсуждении пакета конституционных поправок возникла дискуссия о целесообразности дальнейшей деятельности Конституционного Суда Якутии; в частности, спикер парламента Якутии Петр Гоголев¹ высказался за положительное решение этого вопроса. Однако подобного рода оценки ситуации, артикулированные во время дискуссии членами якутского парламента, ничего не изменили в судьбе КС Якутии, которому не была выражена однозначная официальная поддержка. Безуспешной была и попытка представителя Татарстана в рабочей группе по изменению Конституции РФ – председателя Госсовета Татарстана Фариды Махаметшина – защитить региональные конституционные и уставные суды. Он высказался за включение в обновленную ст. 118 Конституции РФ упоминания органов конституционной юстиции субъектов Федерации, но данное предложение не было поддержано членами рабочей группы². Приходится констатировать, что в ходе обсуждения конституционных поправок в вышеупомянутых

¹ Литвинова М., Рожкова Е. Коммунисты вышли из строя. Законопроект о конституционных поправках одобрили региональные парламента // Коммерсантъ. 2020. 13 марта, № 45. С. 3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4285346> (дата обращения: 10.01.2021).

² Веретенникова К., Макутина М., Рожкова Е. Судебная система пошла на сокращение. Госдума приняла поправку об упразднении конституционных и уставных

шестнадцати субъектах Российской Федерации как со стороны региональной законодательной (представительной) и исполнительной власти, так и со стороны общества не было выражено явной и твердой поддержки региональным органам конституционной юстиции. По нашему мнению, этот факт был обусловлен двумя обстоятельствами: *во-первых*, обширным перечнем вопросов, содержащихся в пакете конституционных поправок, в которых вопрос о судьбе региональных конституционных и уставных судов попросту «затерялся»; кроме того, формат одобрения пакета поправок имел крайне неудачный характер: так, например, намерение сохранить региональную конституционную юстицию неизбежно заставляло бы парламентариев субъекта Федерации отклонить весь пакет конституционных поправок в Конституцию РФ, что не соответствовало сиюминутной логике политической необходимости; *во-вторых*, конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации как специфический орган судебного контроля не имели широкой известности и не воспринимались гражданским обществом регионов в качестве реального инструмента защиты прав и свобод человека. Последний момент также усиливался тем обстоятельством, что компетенция органов конституционной юстиции субъектов Российской Федерации была существенно ограничена, когда в 2015 г. вступил в силу Кодекс административного судопроизводства РФ: гл. 21 КАС РФ выбивала почву из-под ног конституционных и уставных судов субъектов РФ, поскольку на ее основании суды общей юрисдикции фактически забирали их компетенцию – с 2015 г. нормативный правовой акт субъекта Федерации мог быть оспорен гражданами в суде общей юрисдикции. Поэтому конституционная реформа лишь довершила тот процесс, который начался еще в 2015 г., а возможно даже еще и несколько ранее, когда исполнительная и законодательная (представительная) власть субъектов Российской Федерации были вынуждены терпеливо сносить решения отдельных несговорчивых региональных конституционных и уставных судов.

В этом контексте следует отметить несколько громких дел, которые были рассмотрены конституционными и уставными судами субъектов Российской Федерации и которые, на наш взгляд, могли быть одной из важнейших политических причин для того, чтобы полностью упразднить в ходе конституционной реформы 2020 г. органы конституционной юстиции субъектов Российской Федерации. Безусловно, самым резонансным стало дело, рассмотренное в 2018 г. Конституционным судом Республики Ингушетия, согласно которому был признан неконституционным республиканский закон по вопросам изменения границы между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия (Евлоев 2019)¹. Де-факто закон был принят по

судов регионов // Коммерсантъ. 2020. 17 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4575259> (дата обращения: 10.01.2021).

¹ Краснов А. Чечня и Ингушетия отошли к своим границам. Рамзан Кадыров и Юнус-Бек Евкуров закрыли территориальный спор // Коммерсантъ. 2018. 27 сент., № 176. С. 3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3753042> (дата обращения: 10.01.2021).

двусторонней инициативе глав Ингушской и Чеченской республик, которые не ожидали такого противодействия ни со стороны Конституционного суда Республики Ингушетия, ни со стороны ингушского гражданского общества (Решение... 2018)¹. Напомним, что подписание данного договора главой Чечни Рамзаном Кадыровым и главой Ингушетии Юнус-Бек Евкуровым повлекло за собой массовые протесты и столкновения с полицией в Ингушетии². В итоге глава Ингушетии был вынужден «обжаловать» вынесенное Конституционным судом Республики Ингушетия решение в Конституционном Суде России, который, по сути, отменил данное решение, что в конечном итоге сделало возможным вступление в законную силу весьма неоднозначного закона об изменении республиканских границ. Возможно, что этот конфликт стал последней каплей в чаше терпения федеральных властей, побудив в долгосрочной перспективе задуматься об упразднении непредсказуемых региональных конституционных и уставных судов субъектов Федерации³.

Между тем описанные события могли бы быть интерпретированы в качестве проявления реального федерализма и плюралистической демократии: открытая критика в рамках политической и правовой дискуссии, мирные протесты и даже конфликт решений федеральных и региональных органов власти – все это в совокупности является признаком демократического и правового государства, основанного на свободе мысли, слова, плюрализме политических мнений и идеологий, а также на уважении к закону и правопорядку. Вероятно, что, исходя из содержания данного конфликта, а также принимая во внимание праворегулирующий потенциал принятого решения КС России (Джамиль 2020) по этому делу, федеральному центру следовало бы в первую очередь обратиться к решению вопроса о модернизации системы органов конституционной юстиции Российской Федерации и, возможно, даже рассмотреть сценарий включения конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации в субординационную систему по отношению к Конституционному Суду России (что в этом деле фактически и произошло, когда КС России отменил решение КС Республики Ингушетия) (Джагарян 2019). По нашему мнению,

¹ Инютин В. Конституционный суд Ингушетии не ушел с границы. Он признал незаконным соглашение с Чечней // Коммерсантъ. 2018. 30 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3785993> (дата обращения: 10.01.2021).

² Инютин В. Территориальный сбор. Почему на изменение границы с Чечней Ингушетия ответила многодневным митингом // Коммерсантъ. 2018. 15 окт. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3771161#id1655735> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Данный конфликт представляет собой еще один аргумент в пользу тех, кто рассматривает региональные органы конституционной юстиции в качестве «реликтов далекой эпохи парада суверенитетов», которые якобы не играют никакой роли на современном этапе. Например, Ростислав Туровский утверждает, что «эти суды не могут и не могли влиять на отношения между центром и регионами» (Веретенникова К., Макутина М., Рожкова Е. Судебная система пошла на сокращение. Госдума приняла поправку об упразднении конституционных и уставных судов регионов // Коммерсантъ. 2020. 17 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4575259> (дата обращения: 10.01.2021).

неоднозначное и поспешное решение о повсеместном упразднении органов конституционной юстиции субъектов Российской Федерации ошибочно и в плане устойчивого развития федеративных отношений, и с позиции декларируемой благой цели – экономии бюджетных средств. К примеру, Уставный суд Калининградской области (далее также УСКО), учрежденный в 2003 г. и продолжающий пока функционировать – до 1 апреля 2021 г., ежегодно обходится областному бюджету в 15 млн руб.¹ Однако если посмотреть бюджетные расходы на новогоднее украшение только одного города Калининграда, которые по своей величине вполне сопоставимы с годовым бюджетом Уставного суда Калининградской области, то любые аргументы об экономии бюджетных средств будут явно неубедительными².

Как бы то ни было, столь произвольный подход, при котором в русле конституционной реформы под предлогом экономии бюджетных средств удалось успешно упразднить разом абсолютно все органы конституционной (уставной) юстиции субъектов Федерации, вызывает сомнения в обоснованности принятого решения. На наш взгляд, необходимо разбираться в индивидуальном порядке и анализировать деятельность каждого из 16 региональных конституционных (уставных) судов. Так, в отношении Уставного суда Калининградской области, который в период своей деятельности с 2003 по 2020 г. вынес значительный объем решений, можно с уверенностью говорить о том, что бюджетные средства были потрачены не впустую. За 15 лет деятельности, с 2003 по 2018 г., калининградский Уставный суд вынес 120 постановлений, что является приличным показателем в сравнении с ежегодными результатами деятельности Конституционного Суда России (2011 г. – 30 постановлений; 2012 – 34; 2013 – 30; 2014 – 33; 2015 – 34; 2016 – 28; 2017 – 40; 2018 – 47; 2019 – 41; 2020 г. – 50): здесь следует учитывать тот факт, что Уставный суд Калининградской области осуществляет деятельность только на небольшом «судебном участке» одного из 85 субъектов Федерации, где проживает менее одного миллиона жителей. При этом Уставный суд Калининградской области демонстрирует динамику устойчивого роста количества выносимых постановлений: 2003 г. – 1 постановление; 2004 – 4; 2005 – 5; 2006 – 5; 2007 – 4; 2008 – 5; 2009 – 2; 2010 – 6; 2011 – 7; 2012 – 8; 2013 – 12; 2014 – 9; 2015 – 11; 2016 – 8; 2017 – 7; 2018 – 10; 2019 – 10; 2020 г. – 7 постановлений. В частности, Уставный суд Калининградской области принимал постановления по вопросам толкования Устава (Основного закона) Калининградской области (5 постановлений); давал заключения на проекты уставных законов Калининградской области о внесении

¹ Уставный суд Калининградской области хотят ликвидировать, 15.10.2020 // Калининградский деловой портал RUGRAD.EU. URL: <https://rugrad.eu/news/1198997/> (дата обращения: 10.01.2021).

² Пятахина Н. Калининград начали украшать к Новому году. На оформление потратят 10 миллионов рублей, 26.11.2020 // РосБизнесКонсалтинг. Калининград. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/26/11/2020/5fbf75969a79479d056315bc> (дата обращения: 10.01.2021); На новогоднее украшение Калининграда потратят 11,75 млн рублей, 12.12.2013 // Русский Запад. URL: <https://ruwest.ru/news/11317/> (дата обращения: 10.01.2021).

изменений в Устав (Основной закон) Калининградской области (15 постановлений); выносил постановления по вопросам проверки уставных законов Калининградской области на соответствие Уставу (Основному Закону) Калининградской области (5 постановлений); принимал постановления по вопросам проверки законов Калининградской области на соответствие Уставу (Основному Закону) Калининградской области (26 постановлений); выносил постановления по вопросам проверки подзаконных нормативных правовых актов органов государственной власти Калининградской области на соответствие Уставу (Основному Закону) Калининградской области (16 постановлений); принимал постановления по вопросам проверки подзаконных нормативных правовых актов органов местного самоуправления Калининградской области на соответствие Уставу (Основному Закону) Калининградской области (53 постановления).

Отдельно следует охарактеризовать субъектов обращения в Уставный суд Калининградской области: по жалобам граждан было вынесено 31 постановление; по жалобам объединений – 7 постановлений; по обращениям Губернатора Калининградской области – 10 постановлений; по обращениям Калининградской областной Думы – 6 постановлений; по индивидуальным и коллективным обращениям депутатов Калининградской областной Думы – 44 постановления; по обращению группы муниципальных депутатов Калининградской области – 1 постановление; по обращению Прокурора Калининградской области – 3 постановления. Из чего можно заключить, что граждане и их объединения активно использовали Уставный суд Калининградской области для защиты своих прав и законных интересов: в совокупности 38 постановлений было принято по итогам рассмотрения их обращений. В этом контексте следует привести в качестве примера несколько постановлений Уставного суда Калининградской области, которые были приняты им по итогам рассмотрения индивидуальных обращений и которые свидетельствуют о том, что этот региональный институт судебной власти имел важное значение для защиты прав и свобод граждан. *Во-первых*, отметим Постановление УСКО от 25 февраля 2015 г. № 2-П по делу о соответствии Уставу (Основному Закону) Калининградской области ст.16.1, п. 9 ст. 16.2. Закона Калининградской области от 21 декабря 2006 года № 105 «Об особенностях регулирования земельных отношений на территории Калининградской области», которые касались вопросов защиты прав и законных интересов многодетных граждан, а также их права на разумный срок предоставления земельного участка. Заявителями выступали трое граждан, проживающих в Калининградской области: Рамазанов, Стоянова, Шенделева. Поводом для обращения в Суд стала обнаруживавшаяся неопределенность (пробельность) оспариваемого калининградского закона в вопросе о максимальном и конкретном сроке для предоставления в собственность гражданам, имеющим трех и более детей, земельного участка без торгов и предварительного согласования места размещения объекта, а также отсутствие в законе конкретного срока формирования перечня предоставляемых земельных участков. В итоге Уставный суд Калининградской области встал на сторону заявителей и признал не соответствующими Уставу (Основному

закону) Калининградской области все оспариваемые законоположения. Данное дело является свидетельством того, что Уставный суд Калининградской области был эффективным инструментом защиты прав многодетных семей.

Во-вторых, выделим Постановление от 5 февраля 2013 года № 2-П по делу о соответствии Уставу (Основному Закону) Калининградской области положений Решения окружного Совета депутатов города Калининграда от 16 ноября 2011 года № 396 «Об утверждении Положения “Об оказании единовременной материальной помощи за счет средств бюджета городского округа город Калининград”». В данном деле заявителем являлась гражданка Полак, которая оспаривала положения подзаконного нормативного акта органа местного самоуправления в Калининградской области в связи с тем, что ей было отказано в выплате материальной помощи, так как она была зарегистрирована в городе Калининграде по месту пребывания, а не по месту жительства. Проанализировав материалы дела, Уставный суд Калининградской области сделал вывод о несоответствии Уставу (Основному закону) Калининградской области оспариваемых положений подзаконных актов, поскольку они нарушают принципы равенства и справедливости; в результате заявительница получила право на выплату материальной помощи.

В-третьих, рассмотрим еще одно Постановление Уставного суда Калининградской области от 1 февраля 2011 года № 1-П по делу о соответствии Уставу (Основному Закону) Калининградской области подп. 4 п. 2 Порядка и условий присвоения звания «Ветеран труда», утвержденных Постановлением Правительства Калининградской области от 29 января 2010 года № 27 «О мерах по реализации Закона Калининградской области “О ветеранах труда”». Заявителем по делу являлась гражданка Филимонова, которая в силу оспариваемых положений актов Правительства области утратила право на присвоение ей звания «Ветеран труда». Согласно региональному законодательству это звание присваивается лицам, которые были награждены ведомственными знаками отличия в труде и имеют трудовой стаж, необходимый для назначения пенсии по старости. С 1 января 2005 г. порядок и условия присвоения звания «Ветеран труда» определяются нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации; в результате в региональных нормативных актах был закреплен перечень документов, подтверждающих награждение ведомственными знаками отличия в труде. Заявительница жалобы была награждена ведомственным знаком отличия в труде – Почетной грамотой Министерства природных ресурсов Российской Федерации; однако согласно оспариваемым актам Правительства Калининградской области эта почетная грамота не была предусмотрена в качестве документа, подтверждающего награждение ведомственным знаком отличия в труде. В конечном итоге Уставный суд Калининградской области согласился с доводами жалобы и признал положения подп. 4 п. 2 Порядка и условий присвоения звания «Ветеран труда», утвержденных Постановлением Правительства Калининградской области от 29 января 2010 года № 27 «О мерах по реализации Закона Калининградской области “О ветеранах

труда» не соответствующими п. 1 ст. 2, подп. 1, 3 п. 1 ст. 7, п. 1, 3, 4 ст. 15 Устава (Основного Закона) Калининградской области ввиду того, что оспариваемые положения нарушают принципы равенства и справедливости, а также принципы стабильности юридического статуса и правовой определенности.

Итак, подводя промежуточный итог в отношении Уставного суда Калининградской области, можно сделать вывод о том, что его деятельность была эффективной, этот институт активно использовался широким кругом субъектов для защиты своих прав и законных интересов; граждане особенно активно прибегали к его помощи, защищая свои права и свободы от нарушений со стороны органов законодательной (представительной) и исполнительной власти Калининградской области, а также органов местного самоуправления. Анализ деятельности калининградского регионального судебного органа уставного нормоконтроля убедительно показал, что в Калининградской области наблюдался устойчивый рост количества обращений и рассмотренных дел, что являлось достоверным свидетельством полноценной работы Уставного Суда (Лонская и др. 2020). По нашему мнению, в 2020 г. не имелось объективных причин и острой необходимости для поспешного упразднения как отдельного Уставного суда Калининградской области, так и всех региональных конституционных (уставных) судов. Вновь отметим, что тотальная ликвидация конституционной (уставной) юстиции субъектов федерации являлась весьма сомнительным шагом и представляется, что, исходя из принципов правовой определенности и федеративных основ Российского государства, следовало использовать индивидуальный подход, анализируя итоги деятельности каждого отдельного конституционного или уставного суда субъекта Российской Федерации.

Помимо прочего необходимо подчеркнуть, что доводы о чрезвычайно малом количестве дел, которые рассматривали конституционные (уставные) суды субъектов Федерации, являются недостоверными, поскольку сравнение делается, как правило, с нагрузкой мировых судей или федеральных судов первых инстанций. Однако, как уже указывалось, добросовестная и объективная оценка должна иметь индивидуальный характер, то есть осуществляться в отношении каждого отдельного конституционного (уставного) суда субъекта Федерации с учетом его ключевых особенностей (территория, население, специфика органов законодательной (представительной) и исполнительной власти региона) и при помощи соответствующего перерасчета количества дел именно к нагрузке Конституционного Суда России или, по крайней мере, схожих органов региональной конституционной юстиции в иностранных федерациях. Между тем такого объективного и всестороннего сравнения в контексте конституционной реформы, которая в итоге упразднила все органы конституционной (уставной) юстиции в субъектах Российской Федерации, проведено не было. Особо отметим, что вопросы организации и деятельности судебных органов региональной конституционной юстиции по своему характеру подпадают под предмет ведения субъектов Федерации и их следовало решать исключительно

индивидуально, а именно тем субъектам Российской Федерации, в которых были созданы и функционировали конституционные (уставные) суды.

По нашему мнению, ключевая причина упразднения конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации заключается как раз в их организационной обособленности – автономности и неподчиненности каким-либо вышестоящим инстанциям, а также в том, что иногда они принимали неприятные для исполнительной и законодательной (представительной) власти субъектов Российской Федерации решения. Например, в историю вошел Уставный суд Санкт-Петербурга (далее также УС СПб), который в 2005 г. принял решение об отмене полномочий администрации Губернатора Санкт-Петербурга и нормативных актов, которые были изданы ей с момента создания в нелегитимном составе¹; в итоге пример независимого уставного судопроизводства имел негативные последствия для Уставного суда Северной столицы². Законодательным Собранием Санкт-Петербурга была инициирована процедура досрочного прекращения полномочий «недолюбленных» судей, значительно ограничена компетенция Суда и сокращен круг субъектов обращения в УС СПб; это право осталось за губернатором, группой из пяти депутатов Законодательного Собрания, а также муниципальными образованиями. Кроме того, граждан фактически лишили права на обращение в УС СПб, поскольку за ними осталась возможность обращения в Суд лишь с просьбой о толковании закона в случае, если его положения нарушают права и свободы гражданина. В конце концов Уставный суд Санкт-Петербурга оказался перед перспективой неизбежной ликвидации³.

По сути, аналогичный конфликт привел к упразднению Уставного суда в Челябинской области в 2014 г., где в качестве причины такого решения также использовался аргумент экономии бюджетных средств⁴. Важно отметить, что Уставный суд Челябинской области существовал лишь два года: состав Суда был утвержден депутатами Законодательного Собрания Челябинской области в декабре 2011 г., а официально Суд начал работать в октябре 2012 г. За два года своей работы Уставный суд Челябинской области вынес три решения, а также несколько десятков определений. Однако за короткий период времени Суд успел вынести решение о признании несоответствующим Уставу Челябинской области регионального закона, который

¹ Пушкарская А. Независимое судопроизводство. Валентина Матвиенко вынесла свой приговор непокорным судьям // Коммерсантъ. 2005. 25 авг., № 158. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/603567> (дата обращения: 10.01.2021).

² Валентина Матвиенко выиграла уставный суд // Коммерсантъ. 2005. 15 сент., № 173. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/609046> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Мавлиев А. Поправки обяжут Уставный суд Санкт-Петербурга закрыться до 2023 года // Петербургский дневник. 2020. 17 нояб. URL: <https://spbndevnik.ru/news/2020-11-17/popravki-obyazhut-ustavnyy-sud-sanktpeterburga-zakrytysya-do-2023-goda> (дата обращения: 10.01.2021).

⁴ Шевченко О. Уставный суд Челябинской области ликвидирован из-за экономии бюджета. Борис Дубровский посчитал нецелесообразным содержание коллегии из 5 судей за 40 миллионов в год, 19.02.2014 // Первое областное информационное агентство. URL: <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/ustavnyy-sud-i-likvidirovan-iz-za-ekonomii-byudzhet/> (дата обращения: 10.01.2021).

отменял льготы по транспортному налогу для пенсионеров на автомобили более 150 л.с. В этом деле Суд удовлетворил жалобу пенсионерки, которая являлась собственницей автомобиля мощностью 240 л.с. Однако, не согласившись с этим решением, депутаты Заксобрания Челябинской области обжаловали это решение в КС России, который удовлетворил требования депутатов. В данном деле снова встает вопрос о том, есть ли необходимость включения конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации в «вертикаль судебной власти», поскольку КС России фактически проводил вслед за Уставным судом Челябинской области повторное рассмотрение этого дела. В итоге в январе 2014 г. по инициативе исполняющего обязанности Губернатора Челябинской области Бориса Дубровского региональное Законодательное Собрание приняло закон об упразднении Уставного суда Челябинской области (Закон... № 627-ЗО, 2014)¹. С нашей точки зрения, это стремительное упразднение Суда свидетельствует о непоследовательности в долгосрочном бюджетном планировании, а самое главное – об отсутствии должного уровня правовой культуры, правильного восприятия специфики федеративных отношений и понимания смысла судебного федерализма, в том числе обязанности уважительного отношения к непопулярным решениям органов региональной конституционной (уставной) юстиции². Приходится констатировать, что в 2020 г. была также продемонстрирована некоторая непоследовательность в принимаемых решениях, которыми, с одной стороны, упразднились все конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации, но, с другой стороны, было установлено, что вместо ликвидированных институтов региональной конституционной (уставной) юстиции могут быть созданы конституционные и уставные советы при законодательных (представительных) органах субъектов Российской Федерации. Сегодня некоторые государствоведы пытаются выявить потенциал этих институтов³; однако, на наш взгляд, конституционные и уставные советы станут лишь имитационными атрибутами остатков судебного федерализма. Такой вывод связан с тем, что конституционные и уставные советы субъектов Российской Федерации не будут обладать реальными полномочиями, а также они будут лишены институциональной независимости, поскольку будут действовать

¹ Сони́на Л. «Все произошло очень быстро, непонятно и скрытно». Последнее интервью председателя Уставного суда Челябинской области Е. Еремеева: о ликвидации ведомства-контролера, который оказался не нужен // ZNAK.RU. URL: https://www.znak.com/2014-02-03/poslednee_intervyu_predsedatelya_ustavnogo_suda_chelyabinskoy_oblasti_o_likvidacii_vedomstva_kontrol (дата обращения: 10.01.2021).

² Пинкус М. Роскошь правосудия. В Челябинской области из экономии ликвидировали Уставный суд региона // Российская газета – Экономика УРФО. 2014. 26 февр., № 6318. URL: <https://rg.ru/2014/02/26/reg-urfo/sud.html> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Чертков А. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ упразднены. Да здравствуют уставные советы? Что нужно предпринять, чтоб их не постигла та же участь // Адвокатская газета. 2020. 22 дек. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/konstitutsionnye-ustavnye-sudy-subektov-rf-uprazdneny-da-zdravstvuyut-ustavnye-sovety/> (дата обращения: 10.01.2021).

при региональных законодательных (представительных) органах власти субъектов Федерации, встраиваясь в один ряд с общественными советами и общественными палатами. Поэтому конституционные и уставные советы могут рассматриваться только в качестве символического (остаточного) проявления судебного федерализма. Подводя промежуточный итог, отметим особое значение баланса между проводимыми реформами судебной системы и стабильностью всей конституционной модели России; важно, чтобы внезапно возникшие инициативы по радикальному изменению отдельных элементов судебной системы (упразднение региональной конституционной и уставной юстиции) не создали угрозы для фундаментальных конституционных ценностей (Саликов 2019; Саликов, Гончаров 2020).

2. Переезд Конституционного Суда России в Санкт-Петербург.

Важным этапом практической реализации принципа судебного федерализма стал 2007 г., когда было принято решение о переезде Конституционного Суда России из Москвы в Санкт-Петербург (Старилов 2006: 151; Федеральный конституционный закон № 2-ФКЗ, 2007). В соответствии с Указом Президента РФ устанавливалось, что переезд Конституционного Суда России должен быть осуществлен в сроки с 1 февраля по 20 мая 2008 г. (Указ Президента РФ № 1740, 2007). Такой поворот событий являет собой очередное свидетельство того, что принцип судебного федерализма все же существует не только формально и получает реальное воплощение в конституционном устройстве Российского государства. По сути, помимо разграничения на федеральные суды и суды субъектов Федерации в тот момент был определен новый вектор развития судебной системы – децентрализация высших судебных инстанций России. Однако в отношении Конституционного Суда России федеральный законодатель все же не решился на его окончательную регионализацию, поскольку в ходе реформы в Москве было создано постоянное представительство Конституционного Суда России, которое, по замыслу авторов реформы, должно обеспечивать беспрепятственный доступ граждан и их объединений к конституционному правосудию, а также гарантировать постоянную связь Конституционного Суда России с иными органами государственной власти Российской Федерации, субъектами Федерации в городе Москве и которое должно содействовать в осуществлении Конституционным Судом РФ своих полномочий в городе Москве. Представляется, что по прошествии более чем 12 лет после переезда Конституционного Суда в Санкт-Петербург нужно подвести некоторые итоги (Тарибо 2013), в том числе рассмотреть вопрос о целесообразности сохранения его постоянно-го представительства в Москве. С учетом развития информационных технологий, а также исходя из того самого принципа бережного расходования бюджетных средств, о котором нам так много говорили «ликвидаторы» конституционной и уставной юстиции субъектов Российской Федерации, мы можем сделать вывод, что дальнейшее сохранение представительства Конституционного суда России в Москве не является оправданным и экономически целесообразным. Безусловно, принятие окончательного решения по данному вопросу должно основываться на анализе информации о том, насколько активно московское представительство КС России обеспечивает до-

ступ граждан и их объединений к конституционному правосудию¹, сколько жалоб и обращений было направлено в КС России через представительство в Москве, а также насколько интенсивно использовалось представительство для обеспечения связи КС России с федеральными органами власти в Москве. С сожалением отметим тот факт, что на сегодняшний день в открытом доступе отсутствует какая-либо информация по обозначенным выше вопросам деятельности московского представительства Конституционного Суда Российской Федерации за период с 2008 по 2021 г.

3. Переезд Верховного Суда России в Санкт-Петербург. Следующим актом реализации судебного федерализма в России явилось решение о переезде Верховного Суда РФ (далее также ВС России) и, несмотря на тот факт, что вопрос переезда ВС России давно уже окончательно решен, все же стоит поразмышлять об обоснованности выбора местонахождения ВС России (Васильева 2013: 136; Клеандров 2013: 52). Согласно проекту ВС России будет размещен в Санкт-Петербурге на набережной Малой Невы – на территории «Набережной Европы» на Петроградской стороне, которая была отдана под строительство судебного квартала: комплекса административных зданий Верховного Суда РФ и Судебного департамента при ВС России, инженерно-технического блока, а также четырех жилых домов для сотрудников суда. Первоначально переезд Верховного Суда РФ из Москвы в Санкт-Петербург оценивался в 50 млрд руб.; затем эта сумма была уменьшена. Сейчас доступна лишь малая информация о судьбе судебного квартала в Санкт-Петербурге². Известно лишь, что сумма госконтракта на строительство комплекса зданий ВС России составляла 35,7 млрд руб., а также что строительство судебного квартала в Петербурге затягивается из-за споров с подрядчиками; оно должно завершиться в 2021 г.³ Предположительно в ближайшие три года должен состояться окончательный переезд ВС России в Северную столицу.

Рассуждая о переезде ВС России в Петербург, с одной стороны, можно приветствовать общий вектор государственно-правового развития, который направлен на децентрализацию российской судебной системы. Территориальная децентрализация высших судебных инстанций России абсолютно оправдана и вполне востребована как с позиций федеративной

¹ По информации бывшего судьи Уставного Суда Калининградской области А.В. Куликова, ранее обсуждался вопрос открытия представительства КС России на территории Калининградской области, что позволило бы обеспечить тот самый беспрепятственный доступ к конституционному правосудию населению Калининградской области, которое живет в условиях географической оторванности от основной территории Российской Федерации (Куликов А., Городилов А. Очередная попытка очернить историю Калининградской области, 10.11.2020 // Информационный портал RUGRAD.EU. URL: <https://rugrad.eu/interview/1202965/> (дата обращения: 10.01.2021).

² Управделами президента засекретило строительство судебного квартала // ПРАВО.RU. Новость от 29.05.2019. URL: <https://pravo.ru/news/view/141234/> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Переезд Верховного Суда в Петербург откладывается // ПРАВО.RU. Новость от 19.09.2019. URL: <https://pravo.ru/news/205478/> (дата обращения: 10.01.2021).

структуры государства, так и исходя из конституционного принципа разделения властей.

Следует отметить, что подобная модель судебного федерализма используется в ФРГ (Ахметзянова 2010). Анализируя практику реализации судебного федерализма в ФРГ, можно сделать вывод, что в немецкой столице, где находятся высшие органы государственной власти – президент, канцлер, парламент и правительство, нет ни одного высшего судебного органа. Ввиду особого отношения к федерализму в Германии как важной составляющей правовой культуры (Kirste 2012) высшие судебные инстанции ФРГ были рассредоточены по всей ее территории: Федеральный Конституционный Суд (*Bundesverfassungsgericht*) и Верховный суд Германии (*Bundesgerichtshof*) находятся в городе Карлсруэ (федеральная земля Баден-Вюртемберг), Федеральный трудовой суд ФРГ (*Bundesarbeitsgericht*) – в Эрфурте (федеральная земля Свободное государство Тюрингия, *Freistaat Thüringen*), Федеральный финансовый суд ФРГ (*Bundesfinanzhof*) – в Мюнхене (федеральная земля Свободное государство Бавария, *Freistaat Bayern*), Федеральный социальный суд ФРГ (*Bundessozialgericht*) – в Касселе (федеральная земля Гессен) и Федеральный административный суд ФРГ (*Bundesverwaltungsgericht*) – в Лейпциге (федеральная земля Свободное государство Саксония, *Freistaat Sachsen*). По нашему мнению, аналогичную модель судебного федерализма было решено применить и в Российской Федерации: Конституционный Суд России и Верховный Суд России выводятся за пределы столицы и должны быть сконцентрированы в городе федерального значения Санкт-Петербурге.

Однако обратимся к вопросу, который невольно возникает у всякого мыслящего человека: следовало ли так досконально копировать германский опыт и размещать две высшие судебные инстанции России в одном и том же городе? Неужели в России нет других городов, которые могли бы по праву стать местом пребывания ВС России? Ведь очевидно, что размещение высшей судебной инстанции станет мощным фактором экономического развития региона, в котором она будет находиться. Кроме того, местонахождение ВС России окажет серьезное влияние на развитие потенциала научной, образовательной и культурной жизни избранного субъекта Российской Федерации. Представляется, что здесь необходимо руководствоваться общегосударственными интересами, а поэтому не следовало подменять московскую централизацию петербургской...

Без сомнения, у Екатеринбурга, Казани, Саратова и других городов, чья история и чьи правовые школы являются гордостью всей России, есть серьезные основания для того, чтобы претендовать на размещение в них Верховного Суда России. Город Калининград также находится в их числе. И в данном отношении следует заметить, что принцип федеративного устройства государства предполагает активное и справедливое соревнование между всеми субъектами Федерации, в частности и за размещение на своей территории высшей судебной инстанции. Именно такой принцип заложен в основу современного немецкого федерализма – принцип конкуренции земель (*Standortwettbewerb*) (Maurer 2021: 285; Ipsen 2016: 190; Gröpl 2010: 140).

Если же напрямую применить такой принцип по отношению к российскому федерализму, то современный Калининград можно рассматривать как одного из серьезных претендентов на размещение Верховного Суда России. В частности, именно этот город дал миру величайшего философа Иммануила Канта, который трудился над развитием идей правового государства; кстати сказать, в 2024 г. будет отмечаться 300-летний юбилей со дня его рождения, который важно отметить достойно, приурочив к юбилею масштабные события. Именно здесь Петр I получал новые знания, которые затем успешно применял на поприще государственного строительства. С Калининградской областью связана судьба многих известных людей. Например, в Кенигсберге долгое время жила родная бабушка российского царя-освободителя Александра II – королева Луизы; с этим регионом был связан великий реформатор П.А. Столыпин. Подобного рода аргументы можно привести и относительно других крупных промышленных и культурных центров России. Так почему же именно Петербург был избран местом пребывания ВС России? Разве только Северная столица достойна такой привилегии? И не слишком ли много для одного (пусть даже и очень важного) города России? Нужна ли современному Российскому государству очередная петербургская централизация? Справедливо ли это по отношению к остальным субъектам Федерации? Отвечая на эти вопросы, приходится делать вывод, что подобная концентрация судебной власти в Санкт-Петербурге иррациональна и по своей сути она вступает в противоречие с важнейшей основой федеративных отношений – принципом конкуренции субъектов Федерации. В этом контексте уместна аналогия к немецкой правовой доктрине – к принципу конкуренции федеральных земель, которые соревнуются между собой за лучшие инициативы (Berthold, Fricke 2012). На современном этапе развития все еще продолжается формирование конкурентного типа федерализма в России, и за размещение таких федеральных органов власти и иных важнейших общегосударственных объектов российским регионам следует вести открытую борьбу. По нашему мнению, выбор местопребывания ВС России необходимо определить после широкого обсуждения и настоящего конкурса между субъектами Федерации. Например, Калининград имеет определенные конкурентные преимущества в том плане, что уничтоженный войной исторический центр города вполне можно рассматривать как идеальное место для размещения в будущем ВС России. Сегодня идет обсуждение того, следует ли на месте исторического центра восстанавливать старый город на Королевской горе, в частности воссоздавать Королевский замок, а если да, то для какой цели? Или нужно восстановить Дом Советов, который пустует на протяжении 50 лет? При этом оба исторических объекта, как Дом Советов, так и Королевский замок, потенциально могли бы стать местом размещения Верховного Суда России.

4. Королевский (Кенигсбергский) замок. Королевская гора в Кенигсберге веками была местом размещения государственной власти. Изначально Кенигсбергский замок был резиденцией великих магистров Тевтонского ордена в 1457–1525 гг., затем – прусских герцогов и далее – русских генерал-губернаторов Восточной Пруссии в 1758–1762 гг., когда эта терри-

тория стала частью Российского государства. Кенигсбергский замок и Королевская гора всегда воспринимались как символ власти. В настоящий момент исторический центр Калининграда, где ранее был расположен Кенигсбергский замок, представляет собой пустырь, который и стал яблоком раздора в современном Калининграде¹. Много споров и взаимных упреков связано с обсуждением прошлого, настоящего и будущего Королевской горы². Вместе с тем возможно использовать исторический центр в качестве местонахождения органов власти как федерального, так и регионального уровня. Например, идея предоставить это место под ВС России есть альтернатива: расположить в восстановленном Королевском замке и модернизированном Доме Советов региональные органы власти – Калининградскую областную Думу, Губернатора и Правительство Калининградской области.

Именно такая цель была поставлена в советскую эпоху, когда на Королевской горе началось строительство Дома Советов; сейчас полностью не исключается, что этот объект будет возможно еще ввести в эксплуатацию³; хотя прозвучали неожиданные предложения о его сносе⁴. В отношении Королевского замка следует заметить, что есть опыт восстановления подобных исторических объектов: так, в 2010–2014 гг. была проведена полномасштабная реконструкция Потсдамского городского дворца, который стал резиденцией ландтага земли Бранденбург⁵; расходы на восстановление Потсдамского городского дворца составили 110 млн €.

Можно назвать другой пример восстановления – в историческом стиле был реконструирован Берлинский городской дворец, который был открыт в качестве музейного комплекса под названием Гумбольдт-Форум в 2020 г.⁶; расходы на проект составили 669 млн €; финансирование осуществляли Федерация (532 млн €), федеральная земля Берлин (32 млн €) и частные лица

¹ URL: <https://www.prussia39.ru/sight/index.php?sid=2086>

² Саленко А.В. Кант-Форум, 20.05.2013 // Калининградский портал RUGRAD. EU. URL: <https://rugrad.eu/columns/Magister/KANT-FORUM/> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Зиберова Т. Надстроить, расширить и засунуть в шар: как предлагали изменить Дом Советов, 26.07.2019 // Новостной портал «Новый Калининград». URL: <https://www.newkaliningrad.ru/realty/publications/23544989-nadstroit-rasshirit-i-zasunut-v-shar-kak-predlagali-izmenit-dom-sovetov.html> (дата обращения: 10.01.2021).

⁴ Лунькова В. В Калининграде снесут советский долгострой – Дом Советов, 05.11.2020 // РБК. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5fa3e2519a794771d7f1efed> (дата обращения: 10.01.2021).

⁵ Landtagsneubau mit Festakt feierlich eingeweiht. Landtag Brandenburg, 21.01.2014. URL: <https://www.landtag.brandenburg.de/de/aktuelles/landtagsneubau/510287> (дата обращения: 10.01.2021).

⁶ Berlin's newest landmark is ready and waiting. Construction is complete, and the Humboldt Forum is ready to open, 16.12.2020 // Humboldt-Forum. URL: <https://www.humboldtforum.org/en/presse/mitteilungen/berlins-newest-landmark-is-ready-and-waiting/> (дата обращения: 10.01.2021); Humboldt Forum in Berlin Finally Opens, 22.12.2020 // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/17/arts/design/humboldt-forum-berlin.html> (дата обращения: 10.01.2021).

(105 млн €). Таким образом, в данных проектах основное бремя расходов взяло на себя государство.

Безусловно, стоимость восстановления Дома Советов и/или Королевского замка в Калининграде составила бы значительную сумму, неподъемную для регионального и городского бюджета. Однако если бы при решении вопроса о выборе места резиденции для ВС России исходили из принципов судебного федерализма и конкуренции субъектов Федерации, то средства, предусмотренные для переезда ВС России в Санкт-Петербург, потенциально можно было бы использовать на реализацию проектов в других субъектах Федерации, которые имели бы по-настоящему общенациональное значение. При таком подходе решался бы вопрос реальной децентрализации высших судебных инстанций России и попутно было бы возможно восстановить объекты исторического значения. Полагаем, что таким должен быть характер рассуждений при разрешении вопросов о выборе местонахождения ВС России. Однако, к сожалению, этого не случилось...

Заключение. Повторим, что в нашей стране есть и другие достойные города, которые по праву могли бы разместить у себя резиденцию Верховного Суда России. Кроме того, в феврале 2021 г. было дано начало очередного этапа развития судебного федерализма: Президент рекомендовал Верховному Суду России совместно с Министерством юстиции РФ проанализировать вопрос создания Российского суда по правам человека (далее также как РСПЧ)¹. Поэтому наряду с очевидными вопросами о целесообразности и организационных особенностях РСПЧ возникает важный вопрос о его будущем местонахождении². Неужели опять Москва и Санкт-Петербург? Представляется, выбирая место будущей резиденции для Российского суда по правам человека, следует основываться именно на принципе судебного федерализма. Если же исходить из искреннего желания децентрализовать судебную власть и развивать регионы, чтобы в итоге улучшить жизнь российской провинции и тем самым добиться реальной конкуренции субъектов Федерации, то целесообразно начать с общероссийского обсуждения вопроса о выборе местонахождения как ВС России, так и РСПЧ; нужно провести открытый конкурс между городами-претендентами. Такой конкурс позволил бы выбрать самый достойный субъект Федерации, в котором следовало бы разместить ВС России или РСПЧ.

В настоящее время вектор развития российской государственности направлен на определенную унитаризацию федеративных отношений, которая не всегда оправданна (Боброва 2020; Саленко 2001: 63)³. Приходится

¹ Путин поручил изучить вопрос создания в России суда по правам человека // Коммерсантъ. 2021. 01 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4671594> (дата обращения: 18.02.2021).

² Филипёнок А., Кузнецова Е. Путин назвал правильной идею создать в России суд по правам человека, 10.12.2020 // Росбизнесконсалтинг. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2020/5fd2081a9a7947bade69a35c> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Авакьян С.А. Гарантированное народовластие, 16.10.2012 // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2012-10-16/15_narodovlastie.html (дата обращения: 10.01.2021).

констатировать, что принцип судебного федерализма все в меньшей степени реализуется на практике: во-первых, произошел полный отказ от создания и развития конституционных и уставных судов субъектов Федерации; во-вторых, наметилась петербургская централизация судебной власти – намерение разместить в Санкт-Петербурге наряду с Конституционным Судом и Верховный Суд вступает, по нашему мнению, в определенное противоречие с принципом судебного федерализма; в-третьих, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов Федерации, фактически являются частью федеральных судов, что подтверждается тем, что они жестко встроены в судебную систему Российской Федерации, а также и тем, что их финансирование осуществляется Судебным департаментом за счет средств федерального бюджета (Федеральный закон № 7-ФЗ, 1998). Безусловно, централизация финансирования была необходима ввиду существовавшей ранее системной проблемы российской мировой юстиции – проблемы недофинансирования мировых судей. Данная проблема была результатом двойственной системы финансирования: так, ранее денежное вознаграждение и жилищное обеспечение мировых судей осуществлялось за счет федерального бюджета, а материально-техническое обеспечение и оплата труда работников аппарата мировых судей – за счет региональных бюджетов. Однако некоторые субъекты Федерации не справлялись с этими бюджетными задачами. Поэтому начиная 18 июля 2018 г., когда вступил в силу инициированный ВС России закон, изменились принципы финансирования мировой юстиции: «...теперь для мировых судей установлены те же финансовые гарантии, которые действуют для федеральных судей – они включают обязательное согласование с органами судейского сообщества возможного сокращения финансирования мировой юстиции, а также обязательное участие советов судей в подготовке региональных бюджетов»¹. Сегодня централизационные тенденции усиливаются и, несмотря на имеющееся федеральное рамочное правовое регулирование мировой юстиции субъектов Федерации, предлагается также дополнительно ограничить региональную автономию в вопросах правового регулирования сроков назначения мировых судей, установив единые сроки первоначального и последующего назначения мировых судей.

Таким образом, подводя общий вывод относительно перспектив развития судебного федерализма в рамках российской конституционной системы можно, с одной стороны, выразить сожаление о том, что в период 2020–2021 гг. был ликвидирован важный элемент судебного федерализма, а именно упразднены конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации; однако, с другой стороны, пока еще преждевременно говорить о конце истории судебного федерализма: формально-юридически судьями субъектов Российской Федерации все еще остаются мировые судьи, которые назначаются на должность законодательными (представительными

¹ Момотов В.В. Мировая юстиция: состояние, проблемы, перспективы, 12.02.2019 // Совет судей РФ. URL: <http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostiei/31592> (дата обращения: 10.01.2021).

ми) органами субъектов Федерации по рекомендации региональных квалификационных коллегий судей. Такой порядок замещения должностей мировых судей является самостоятельным и независимым от жесткого контроля со стороны федерального центра, и в этом заключается еще один аргумент и подтверждение того, что судебная власть потенциально может и должна быть автономной от излишнего надзора и опеки со стороны федеральных органов власти. Поэтому важно сохранить этот небольшой, но важный элемент федеративного строя (Саликов 2018), основанного на судебном федерализме, который дополняется попыткой децентрализации высших органов судебной власти, а именно переносом местонахождения КС России и ВС России Петербург. Вместе с тем не будем полностью исключать и того, что возникшие экономические проблемы в ходе строительства судебного квартала в Санкт-Петербурге потенциально могут стать причиной для полного отказа от переезда ВС России в Северную столицу или для того, чтобы определить его местонахождение в ином субъекте Федерации, что, по нашему мнению, представляло бы самое правильное решение с учетом принципов судебного федерализма.

Следует подчеркнуть, что идея создания Российского суда по правам человека также «работает» на возрождение потенциала судебного федерализма в России, поскольку при положительном решении данного вопроса затем неизбежно будет осуществляться поиск и выбор местонахождения этого нового института судебной власти России. Здесь важно отказаться от упрощенного шаблонного мышления; высшая государственная власть не должна концентрироваться узко локально: либо в Москве, либо в Санкт-Петербурге. В России существует много достойных городов, время которых, мы искренне надеемся, еще наступит...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахметзянова Э.Р. 2010. Судебные системы федеративных государств: теория и практика судебного федерализма в России и Германии // Гражданин и право. № 5. С. 27-34.

Боброва Н.А. 2020. Двадцать лет и двадцать недостатков Конституции России // Правоприменение. Т. 4, № 1. С. 21-28.

Васильева Л.Н. 2013. Обсуждение законопроекта о поправке к Конституции РФ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Журнал российского права. № 12. С. 136-140.

Девликамов А.А. 2008. Проблемы реализации принципа судебного федерализма в конституционном устройстве Российской Федерации // Право и политика. № 2. С. 436-439.

Джагарян А.А. 2019. Территориальные границы и границы конституционности: в тексте и контексте Постановления Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 года № 44 // Сравнительное конституционное обозрение. № 1 (128). С. 107-121.

Джамиль Э.З. 2020. Праворегулирующий потенциал Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2018 года № 44-П // Вестник Костромского государственного университета. Т. 26, № 1. С. 212-216.

Должиков А.В. 2014. «Рукописи не горят»: неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. № 1 (98). С. 120-137.

Евлоев И.М. 2019. Постановление Конституционного Суда России о границах между субъектами Российской Федерации: разрешение спора или усугубление проблемы? // Сравнительное конституционное обозрение. № 1 (128). С. 92-106.

Клеандров М.И. 2013. Объединение Верховного и Высшего Арбитражного судов Российской Федерации и конфигурация судейского сообщества // Журнал российского права. № 9. С. 52-60.

Лонская С.В. и др. 2020. Правовые позиции Уставного Суда Калининградской области. 2003–2018 гг. / С.В. Лонская, Е.В. Герасимова, И.Л. Ландау, А.В. Кузнецов. Москва : Проспект. 400 с.

Лысов П.К. 2014. Особенности организации судебной власти в Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. № 2. С. 14-16.

Мазур Т.В. 2010. Судебная власть в свете германского федерализма: особенности распределения компетенции между ФРГ и землями // Вестник Брянского государственного университета. № 2. С. 104-106.

Малько А.В. и др. 2013. Судебный федерализм в условиях глобализации (сравнительный анализ) / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин, В.А. Терехин // Российская юстиция. № 7. С. 31-33.

Мельникова Г.В. 2007. Судебный федерализм: сущность и институционально-правовые признаки // Юристы-Правоведы. № 6. С. 94-97.

Мочалов А.Н. 2009. Судебный федерализм Австралии // Российский юридический журнал. № 2. С. 191-195.

Муратшин Ф.Р. 2013. Судебный федерализм – проблемы юридической идентификации судов // Правовое государство: теория и практика. № 1 (31). С. 16-21.

Саленко А.В. 2001. Россия – унитарная федерация: парадокс или реальность? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 2. С. 63-73.

Саликов М.С. 2018. Федеративный строй России: понятие и содержание // Юридический вестник Дальневосточного государственного университета. Т. 25, № 1. С. 53-61.

Саликов М.С. 2019. Конституционные реформы и стабильность конституции: проблемы поиска баланса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. № 3. С. 5-14.

Саликов М.С., Гончаров М.В. 2020. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного Закона Российской Федерации // Herald of the Euro-Asian Law Congress. № 1. С. 60-68.

Сидоров О.А. 2011. Судебный федерализм США: основные тенденции развития // Проблемы в российском законодательстве. № 2. С. 9-12.

Старилов Ю.Н. 2006. Переезд Конституционного Суда Российской Федерации из Москвы в Санкт-Петербург – венец судебной реформы или высокий «полет административной фантазии» // Правовая наука и реформа юридического образования. № 19. С. 151-184.

Тарибо Е.В. 2013. Итоги пятилетнего пребывания Конституционного Суда в Петербурге: исторический аспект // Журнал конституционного правосудия. № 4. С. 1-4.

Berthold N., Fricke H. 2012. Die Bundesländer im Standortwettbewerb // I. Härtel. Handbuch Föderalismus – Föderalismus als demokratische Rechtsordnung und Rechtskultur in Deutschland, Europa und der Welt. Heidelberg : Springer Verlag. Bd. 2: Probleme, Reformen, Perspektiven des deutschen Föderalismus, § 30. S. 105-137.

Gröpl Ch. 2010. Staatsrecht 1 (Staatsgrundlagen, Staatsorganisation). Mit einer Einführung in das juristische Lernen. 2. Aufl. München : Verlag C.H. Beck. 464 S.

Ipsen J. 2016. Staatsrecht 1 (Staatsorganisationsrecht). 28., überarb. Auflagel. München : Verlag Franz Vahlen GmbH. 325 S.

Kirste St. 2012. Föderalismus als Rechtskultur // I. Härtel. Handbuch Föderalismus – Föderalismus als demokratische Rechtsordnung und Rechtskultur in Deutschland, Europa und der Welt. Bd. 1: Grundlagen des Föderalismus und der deutsche Bundesstaat. Heidelberg : Springer Verlag. § 8. S. 197-223.

Maurer H. 2021. Staatsrecht 1 (Grundlagen. Verfassungsorgane. Staatsfunktionen). 7. Aufl. München : Verlag C.H. Beck. 830 S.

Федеральный закон от 08 января 1998 года № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/12107240/> (дата обращения: 10.01.2021).

Федеральный конституционный закон от 05 февраля 2007 года № 2-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // Российская газета. 2007. 09 февр.

Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10135300/> (дата обращения: 10.01.2021).

Указ Президента Российской Федерации от 23 декабря 2007 года № 1740 «О месте постоянного пребывания Конституционного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 53. Ст. 6547. URL: <https://base.garant.ru/192491/> (дата обращения: 10.01.2021).

Решение Конституционного Суда Республики Ингушетия от 30 октября 2018 года по запросу группы депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия от 04 октября 2018 года № 42-РЗ. URL: <https://ks-gi.ru/?p=3350> (дата обращения: 10.01.2021).

Закон Челябинской области от 30 января 2014 года № 627-ЗО «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с совершенствованием системы органов государственной власти Челябинской области» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/19727193/> (дата обращения: 10.01.2021).

Alexander V. Salenko,

Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ASalenko@kantiana.ru

ORCID: 0000-0003-3537-5796

ResearcherID: E-6093-2018

SPIN-код: 6858-4278

Article received 12.01.2021, accepted 19.02.2021, available online 05.04.2021

Judicial Federalism in Russia: the Newest Milestone of Constitutional Evolution

Abstract. The main purpose of the article is to examine the content of the important element of the contemporary federal system of the Russian Federation, namely, the principle of judicial federalism, based on which the Russian Judicial System is divided into federal courts and courts of the subjects of the Russian Federation. The article analyzes the role and significance of the principle of judicial federalism, as well as its transformation in the context of the 2020 constitutional reform and following

amendments in the legislation, which completely abolished constitutional and statutory justice in the subjects of the Russian Federation. The article shows the evolution of the constitutional and statutory courts of the subjects of the Russian Federation (these courts were established merely in sixteen Russian regions), as well as the political and legal process, during which, firstly, at the regional level, their competence was gradually limited, and, secondly, their final liquidation took place. The author negatively evaluates the short-term decision to completely liquidate the regional constitutional and statutory courts, because before their liquidation these institutions were an important tool of raising the level of legal awareness of society, and an essential element of judicial democracy and real judicial federalism; also, these institutes have contributed to the improvement of regional legislation and law enforcement practice in the regions of the Russian Federation by means of regional constitutional proceedings. The research shows that the second element of the Judicial Federalism in Russia is the decentralization of the Judiciary, which was expressed in the resettlement of the Constitutional Court of Russia from Moscow to St. Petersburg, as well as the fact that the move of the Supreme Court of Russia to St. Petersburg should take place soon. In this regard, the author investigates the need to concentrate two higher judicial bodies in the same subject of the Russian Federation; in the context of the competitive federalism the author considers the alternative scenarios for the decentralization of the Russian judiciary; namely, he put forward the arguments regarding the choice of the location of the Russian Supreme Court in other regions of Russia. Using the example of the Kaliningrad region, the author shows competitive advantages, as well as historical, political, and legal arguments which exist in favor of choosing another subject of the Russian Federation, for example, Kaliningrad region, instead of the federal city of St. Petersburg, for the location of the Russian Supreme Court. The author concludes that it is necessary to preserve and further develop the principle of the Judicial Federalism as the basis of the federal system of Russia, as well as the democratic tradition of the contemporary Russian Federation.

Keywords: judicial federalism; federal system; competitive federalism; constitutional reform; Russian judiciary; judicial power; Constitutional Court; Supreme Court; German Judicial Federalism; constitutional (statutory) justice of the subjects of the Russian Federation; constitutional courts; statutory courts; decentralization of the judiciary; Königsberg Royal Castle.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISR) in the framework of the research project № 20-011-31740.

For citation: Salenko A.V. *Sudebnyy federalizm v Rossii: noveyshiy etap konstitutsionnoy evolyutsii* [Judicial Federalism in Russia: the Newest Milestone of Constitutional Evolution], *Antinomii=Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 99–123. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-99-123. (in Russ.).

References

Akhmetzyanova E.R. *Sudebnye sistemy federativnykh gosudarstv: teoriya i praktika sudebnogo federalizma v Rossii i Germanii* [Judicial systems of federal states: theory and practice of judicial federalism in Russia and Germany], *Grazhdanin i pravo*, 2010, no. 5, pp. 27-34. (in Russ.).

Berthold N., Fricke H. *Die Bundesländer im Standortwettbewerb* [The federal states in the location competition], *I. Härtel. Handbuch Föderalismus – Föderalismus als demokratische*

Rechtsordnung und Rechtskultur in Deutschland, Europa und der Welt, Heidelberg, Springer Verlag, 2012, vol. 2, § 30, pp. 105-137. (in German).

Bobrova N.A. *Dvadsat' let i dvadsat' nedostatkov Konstitutsii Rossii* [Twenty Years and Twenty Drawbacks of the Russian Constitution], *Pravoprimerenie*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 21-28. (in Russ.).

Devlikamov A.A. *Problemy realizatsii printsipa sudebnogo federalizma v konstitutsionnom ustroystve Rossiyskoy Federatsii* [Problems of the implementation of the principle of judicial federalism in the constitutional structure of the Russian Federation], *Pravo i politika*, 2008, no. 2, pp. 436-439. (in Russ.).

Dolzhikov A.V. «*Rukopisi ne goryat*»: *nepisanye prava v konstitutsionnom pravosudii* [“Manuscripts don’t burn”: unwritten rights in adjudication], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2014, no. 1 (98), pp. 120-137. (in Russ.).

Dzhagaryan A.A. *Territorial'nye granitsy i granitsy konstitutsionnosti: v tekste i kontekste Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda RF ot 6 dekabrya 2018 goda № 44* [Territorial boundaries and boundaries of constitutionality: in the text and context of the Judgement of the Russian Constitutional Court dated December 6, 2018, No. 44-P], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2019, no. 1 (128), pp. 107-121. (in Russ.).

Dzhamil E.Z. *Pravoreguliruyushchiy potentsial Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 6 dekabrya 2018 goda № 44-P* [Law-Regulating Potential of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 44-II of December 6, 2018], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 212-216. (in Russ.).

Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 05 fevralya 2007 goda № 2-FKZ «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy konstitutsionnyy zakon “O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii”» [Federal Constitutional Law of 05.02.2007, No. 2-FKZ “On Amendments to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation»”], *Rossiyskaya gazeta*, 2007, Febr. 09. (in Russ.).

Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 31 dekabrya 1996 goda № 1-FKZ «O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii» (s izm. i dop.) [Federal Constitutional Law of 31.12.1996 No. 1-FKZ (as amended on 03.02.2014) “On the judicial system of the Russian Federation” (with changes and additions)], available at: <https://base.garant.ru/10135300/> (accessed January 10, 2021). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 08 yanvarya 1998 goda № 7-FZ «O Sudebnom departamente pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii» (s izm. i dop.) [Federal Law of 08.01.1998 No. 7-FZ (as amended on 27.12.2019) “On the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation” (with changes and additions)], available at: <https://base.garant.ru/12107240/> (accessed January 10, 2021). (in Russ.).

Gröpl Ch. *Staatsrecht 1 (Staatsgrundlagen, Staatsorganisation). Mit einer Einführung in das juristische Lernen* [State 1 (State Of The Basics Of The Organization Of The State). With an introduction to legal learning], 2nd ed., Munich, Verlag C.H. Beck, 2010, 464 p. (in German).

Ipsen J. *Staatsrecht 1 (Staatsorganisationsrecht)* [State 1 (State Organization Law)], 28th ed, rev., Munich, Verlag Franz Vahlen GmbH, 2016, 325 p. (in German).

Kirste St. *Föderalismus als Rechtskultur* [Federalism as a legal culture], *J. Härtel. Handbuch Föderalismus – Föderalismus als demokratische Rechtsordnung und Rechtskultur in Deutschland, Europa und der Welt*, Heidelberg, Springer Verlag, 2012, vol. 1, § 8, pp. 197-223. (in German).

Kleandrov M.I. *Ob»edinenie Verkhovnogo i Vysshego Arbitrazhnogo sudov Rossiyskoy Federatsii i konfiguratsiya sudeyskogo soobshchestva* [Merger of the Supreme Court and the Supreme Commercial Courts of the Russian Federation and the Configuration of the Judicial Community], *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2013, no. 9, pp. 52-60. (in Russ.).

Lonskaya S.V., Gerasimova E.V., Landau I.L., Kuznetsov A.V. *Pravovye pozitsii Ustavnogo Suda Kaliningradskoy oblasti. 2003–2018 gg.* [Legal positions of the Statutory Court of the Kaliningrad Region, 2003–2018], Moscow, Prospekt, 2020, 400 p. (in Russ.).

Lysov P.K. *Osobennosti organizatsii sudebnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii* [Features of the organization of the judiciary in the Russian Federation], *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, 2014, no. 2, pp. 14-16. (in Russ.).

Malko A.V., Salomatin A.Yu., Terekhin V.A. *Sudebnyy federalizm v usloviyakh globalizatsii (sravnitel'nyy analiz)* [Judicial federalism in the context of globalization (comparative analysis)], *Rossiyskaya yustitsiya*, 2013, no. 7, pp. 31-33. (in Russ.).

Maurer H. *Staatsrecht 1 (Grundlagen. Verfassungsorgane. Staatsfunktionen)* [Constitutional Law 1 (Basics. Constitutional bodies. State functions)], 7th ed., Munich, Verlag C.H. Beck, 2021, 830 p. (in German).

Mazur T.V. *Sudebnaya vlast' v svete germanskogo federalizma: osobennosti raspredeleniya kompetentsii mezhdru FRG i zemlyami* [Judicial power in the light of German federalism: features of the distribution of competence between the Federal Republic of Germany and the lands], *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 2, pp. 104-106. (in Russ.).

Melnikova G.V. *Sudebnyy federalizm: sushchnost' i institutsional'no-pravovye priznaki* [Judicial federalism: essence and institutional and legal characteristics], *Yurist-Pravoved*, 2007, no. 6, pp. 94-97. (in Russ.).

Mochalov A.N. *Sudebnyy federalizm Avstralii* [Judicial federalism of Australia], *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 191-195. (in Russ.).

Muratshin F.R. *Sudebnyy federalizm – problemy yuridicheskoy identifikatsii sudov* [Judicial federalism - problems of legal identification of courts], *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, no. 1 (31), pp. 16-21. (in Russ.).

Reshenie Konstitutsionnogo Suda Respubliki Ingushetiya ot 30 oktyabrya 2018 goda po zaprosu gruppy deputatov Narodnogo Sobraniya Respubliki Ingushetiya o proverke konstitutsionnosti Zakona Respubliki Ingushetiya ot 04 oktyabrya 2018 goda № 42-RZ [Judgement of the Constitutional Court of the Republic of Ingushetia dated October 30, 2018 on request of a group of deputies of the People's Assembly of the Republic of Ingushetia on the verification of the constitutionality of the Law of the Republic of Ingushetia dated October 04, 2018 No. 42-RZ], available at: <https://ks-ri.ru/?p=3350> (accessed January 10, 2021). (in Russ.).

Salenko A.V. *Rossiya – unitarnaya federatsiya: paradoks ili real'nost'?* [Russia – a unitary federation: paradox or reality?], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 2001, no. 2, pp. 63-73. (in Russ.).

Salikov M.S. *Federativnyy stroy Rossii: ponyatie i sodержanie* [Federal Structure of Russia: concept and content], *Yuridicheskiy vestnik Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, vol. 25, no. 1, pp. 53-61. (in Russ.).

Salikov M.S. *Konstitutsionnye reformy i stabil'nost' konstitutsii: problemy poiska balansa* [Constitutional reforms and stability of the constitution: the problem of finding a balance], *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, no. 3, pp. 5-14. (in Russ.).

Salikov M.S., Goncharov M.V. *Konstitutsionnye tsennosti na novom etape razvitiya Osnovnogo Zakona Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional values at a new stage of development of the Basic Law of the Russian Federation], *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, 2020, no. 1, pp. 60-68. (in Russ.).

Sidorov O.A. *Sudebnyy federalizm SShA: osnovnye tendentsii razvitiya* [Judicial federalism of the United States: main development trends], *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, 2011, no. 2, pp. 9-12. (in Russ.).

Starilov Yu.N. *Pereezd Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii iz Moskvy v Sankt-Peterburg – venets sudebnoy reformy ili vysokiy «polet administrativnoy fantazii»* [The move of the Constitutional Court of the Russian Federation from Moscow to St. Petersburg is the crown of judicial reform or a high “flight of administrative fantasy”], *Pravovaya nauka i reforma yuridicheskogo obrazovaniya*, 2006, no. 19, pp. 151-184. (in Russ.).

Taribo E.V. *Itogi pyatiletnego prebyvaniya Konstitutsionnogo Suda v Peterburge: istoricheskiy aspekt* [Results of the five-year stay of the Constitutional Court in St. Petersburg: the historical aspect], *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2013, no. 4, pp. 1-4. (in Russ.).

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 23 dekabrya 2007 goda № 1740 «O meste postoyannogo prebyvaniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation of 23.12.2007 No. 1740 “On the place of permanent residence of the Constitutional Court of the Russian Federation”], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2007, no. 53, art. 6547, available at: <https://base.garant.ru/192491/> (accessed January 10, 2021). (in Russ.).

Vasilyeva L.N. *Obsuzhdenie zakonoproekta o popravke k Konstitutsii RF «O Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii i prokurature Rossiyskoy Federatsii»* [Discussion of the draft law on the amendment to the Constitution of the Russian Federation “On the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor's Office of the Russian Federation”], *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2013, no. 12, pp. 136-140. (in Russ.).

Yevloev I.M. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossii o granitsakh mezhdub sub»ektami Rossiyskoy Federatsii: razreshenie spora ili usugublenie problemy?* [Judgement of the Russian Constitutional Court of Russia on the Boundaries between the Territories of the Russian Federation: resolving a dispute or aggravating a problem?], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2019, no. 1 (128), pp. 92-106. (in Russ.).

Zakon Chelyabinskoy oblasti ot 30 yanvarya 2014 goda № 627-ZO «Ob osobennostyakh regulirovaniya ot del'nykh pravootnosheniy v svyazi s sovershenstvovaniem sistemy organov gosudarstvennoy vlasti Chelyabinskoy oblasti» (s izm. i dop.) [The law of the Chelyabinsk region of January 30, 2014 No. 627-ZO “On the specifics of regulation of certain legal relations in connection with the improvement of the system of state authorities of the Chelyabinsk region” (with changes and additions)], available at: <https://base.garant.ru/19727193/> (accessed January 10, 2021). (in Russ.).

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплекзует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 40–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 40000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 21

Выпуск 1

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 02.04.2021 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,4 Уч.-изд. л. 9,0
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.